

ВІСНИК

ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

№ 20 (207) ЖОВТЕНЬ

2010

2010 жовтень № 20 (207)

ВІСНИК

ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

Частина II

Заснований у лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію: серія КВ № 14441-3412 ПР,
видане Міністерством юстиції України 14.08.2008 р.

Збірник наукових праць внесено
до переліку наукових фахових видань України
(філологічні науки)
Постанова президії ВАК України від 18.11.09 № 1-05/5

Рекомендовано до друку на засіданні Вченої ради
Луганського національного університету
імені Тараса Шевченка
(протокол № 3 від 29 жовтня 2010 р.)

Виходить двічі на місяць

Засновник і видавець –
Луганський національний університет імені Тараса Шевченка

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Головний редактор – доктор педагогічних наук, професор Курило В. С.

Заступники головного редактора –

доктор педагогічних наук, професор Савченко С. В.

Випускаючі редактори –

доктор історичних наук, професор Бур'ян М. С.,

доктор медичних наук, професор Виноградов О. А.,

доктор філологічних наук, професор Галич О. А.,

доктор педагогічних наук, професор Горошкіна О. М.,

доктор сільськогосподарських наук, професор Конопля М. І.,

доктор філологічних наук, професор Синельникова Л. М.,

доктор педагогічних наук, професор Харченко С. Я.

Редакційна колегія серії “Філологічні науки”:

доктор філологічних наук, професор Єрмоленко С. Я.,

доктор філологічних наук, професор Загнітко А. П.,

доктор філологічних наук, професор Коваль В. І.,

доктор філологічних наук, доцент Лисиченко Л. А.,

доктор філологічних наук, професор Мокієнко В. М.,

доктор філологічних наук, професор Синельникова Л. М.,

доктор філологічних наук, професор Глуховцева К. Д.,

кандидат філологічних наук, доцент Леснова В. В.

РЕДАКЦІЙНІ ВИМОГИ

до технічного оформлення статей

Редколегія “Вісника” приймає статті обсягом 4 – 5 сторінок через 1 інтервал, повністю підготовлених до друку. Статті подаються надрукованими на папері в одному примірнику з додатком диска. Набір тексту здійснюється у форматі Microsoft Word (*.doc, *.rtf) шрифтом № 12 (Times New Roman) на папері формату А-4; усі поля (верхнє, нижнє, правє й лівє) — 3,8 см; верхній колонтитул — 1,25 см, нижній — 3,2 см.

У верхньому колонтитулі зазначається: Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка № ** (***), 2009.

Інформація про УДК розташовується у верхньому лівому кутку без відступів (шрифт нежирний). Ініціали і прізвище автора вказуються в лівому верхньому кутку (через рядок від УДК) з відступом 1,5 см (відступ першого рядка), шрифт жирний. Назва статті друкується через рядок великими літерами (шрифт жирний).

Зміст статті викладається за планом: постановка проблеми в загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями; аналіз останніх досліджень і публікацій, у яких започатковано розв'язання цієї проблеми та на які спирається автор; виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, яким присвячується ця стаття; формулювання цілей статті (постановка завдання); виклад основного матеріалу дослідження з певним обґрунтуванням отриманих наукових результатів; висновки з цього дослідження й перспективи подальших розвідок у цьому напрямку. Усі перелічені елементи повинні бути стилістично представлені в тексті, але графічно виділяти їх не треба.

Посилання на цитовані джерела подаються в квадратних дужках після цитати. Перша цифра — номер джерела в списку літератури, який додається до статті, друга — номер сторінки, наприклад: [1, с. 21] або [1, с. 21; 2, с. 13–14]. Бібліографія і при необхідності примітки подаються в кінці статті після слова “Література” або після слів “Література і примітки” (без двокрапки) у порядку цитування й оформляються відповідно до загальноприйнятих бібліографічних вимог. Бібліографічні джерела подаються підряд, без відокремлення абзацем; ім'я автора праці (або перше слово її назви) виділяється жирним шрифтом.

Статтю закінчують 3 анотації обсягом 3 – 4 рядків українською, російською та англійською мовами із зазначенням прізвища, ім'я та по-батькові автора, назви статті та ключовими словами (3 – 5 термінів).

Стаття повинна супроводжуватися рецензією провідного фахівця (доктора, професора).

На окремому аркуші подається довідка про автора (прізвище, ім'я, по батькові; місце роботи, посада, звання, учений ступінь; адреса навчального закладу, кафедри; домашня адреса; номери телефонів (службовий, домашній, мобільний).

КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ЗМІСТ

Синельникова Л. Н. О содержании этого выпуска.....	6
--	---

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

1. Синельникова Л. Н. PR-коммуникация: векторы системного описания.....	8
2. Джинджолия Г. П. Речевые стратегии современного политического дискурса.....	17
3. Соболева И. А. Русское арго как часть национальной истории и культуры.....	24
4. Розсоха В. А. Цветовая палитра неофразем, или Чёрно-бел ли современный мир?.....	29
5. Ковалёв В. И. Состояние современной речи в Украине: коммуникативно-прагматический и лингводидактический аспекты.....	38
6. Пономарёва Т. А. О феномене интертекстуальности в современном поэтическом дискурсе (на материале поэзии Дмитрия Александровича Пригова).....	48
7. Минаева Э. В. Организация художественного пространства в романе Герберта Уэллса «Машина времени»: концептологический подход.....	56
8. Молодыхенко А. В. Заголовок как смысловой код публицистического дискурса.....	64
9. Грищенко Е. В. Некоторые особенности <i>мы</i> -дискурса в русской философии.....	70
10. Розсоха А. В. Проблемы межкультурной коммуникации в условиях глобализации.....	78
11. Сунь Чжунся Исследовательский сценарий концепта «семья».....	84
12. Чжоу Хунвей <i>Душа и сердце</i> в русской языковой картине мира.....	90

КАФЕДРА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

13. Бахмач В. И. Два голоса: о поэзии Б. Окуджавы и Ю. Визбора.....	94
14. Хабарова И. В. Элементы фольклора, христианских и языческих верований в драматургии Н. Садур.....	104

НАШИ ГОСТИ

15. Данькевич Ю. В., Курило Л. М. (м. Київ) Образ моря в сучасному історичному романі (на прикладі твору Олеся Лупія «Лицарі помсти»).....	110
--	-----

16. **Кошман И. Н.** (г. Луганск, ВНУ им. Владимира Даля) Деидеологизированные украинизмы в русских публицистических текстах..... 113

НОВАЦИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

17. **Синельникова Л. Н.** О преимуществах мультимедийной презентации лекционного учебного материала..... 120
18. **Розсоха В. А.** Тестовый формат учебного процесса..... 124
19. **Джинджолия Г. П.** Контрольно-обучающая компьютерная программа по речевой культуре..... 126

ПАМЯТИ УЧЁНОГО, КОЛЛЕГИ, ДРУГА

20. **Синельникова Л. Н.** Слово о Лесе Алексеевне Ставицкой.... 128
21. **Ставицька Л. О.** Соціолінгвістичні дослідження в Інституті української мови..... 129
22. **Соболева И. А.** Размышляя о вкладе Л. А. Ставицкой в славянскую жаргонологию..... 135

РЕЦЕНЗИИ

23. **Синельникова Л. Н.** Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич. *Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст. Монография. (Волгоград, 2008)*..... 140

ХРОНИКА

24. IX Международная научная конференция «Предъявление мира в гуманитарных дискурсах XXI века» (Луганск, 22.04 — 23.04. 2010)..... 148
25. Областная научно-практическая конференция «Педагогический процесс: коммуникативные стратегии и тактики» (Луганск, 30.03. 2010)..... 150
- Відомості про авторів**..... 157

О СОДЕРЖАНИИ ЭТОГО ВЫПУСКА

Очередной тематический Вестник кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий представлен разнообразными по тематике, инструментарию и глубине интерпретации материала статьями: с работами ведущих преподавателей кафедры и наших гостей соседствуют статьи, в которых зафиксированы начальные исследовательские действия аспирантов в том числе — китайских. Концептуальная общность включённых в сборник материалов усматривается в ориентации авторов 1) на текст как системную целостность взаимосвязанных явлений (проявлений) и средств, 2) на дискурсивные признаки текста, которые являются носителями разнообразной культурно и социально значимой информации, 3) на актуализацию ряда уровней, связанных с когнитивным фактором (пониманием текста) и с когнитивно-коммуникативным (установкой на взаимопонимание).

Коммуникация в самой обобщённой, филологически ориентированной формулировке может быть определена как смысловой аспект социального взаимодействия. Такое определение релевантно для массовой коммуникации, PR-коммуникации, межкультурной коммуникации, для рассмотрения коммуникативных стратегий и тактик политического и педагогического дискурса. Статьи Л.Н. Синельниковой, Г.П. Джинджолия, И.А. Соболевой, В.А. Розсохи, А.В. Молодыченко, Е.В. Грищенко, А.В. Розсохи, И.Н. Кошман с разных сторон подтверждают такого рода тезис.

Понятия «эффективная коммуникация», «оценочная коммуникация», «экспрессивная коммуникация», «манипулятивная коммуникация» связаны с коммуникативной (речевой, дискурсивной) личностью, набор признаков которой нельзя считать стабильным: современная система коммуникаций крайне динамична, не устойчива в жанровом отношении, имеет пульсирующий характер. В этих условиях коммуникативная личность проявляет склонность к поликодовости и креализованности. Принудительный выбор (связь сфер общения с функциональными стилями) всё больше уступает место свободной организации общения, что меняет соотношение между нормами, формируемыми в триаде: система — узус — кодификация. В таких условиях повышенную ценность приобретают аспектные исследования, нацеленные на изучение отдельных звеньев коммуникативной системы и речевых предпочтений идентифицируемых групп коммуникантов.

Внимание к закономерностям организации коммуникативного пространства художественных текстов (статьи Т.А. Пономарёвой, Э.В. Минаевой, Ю.В. Данкевич, Л.Н. Курило, В.И. Бахмача, И.В. Хабаровой) способствует формированию представления о коммуникации как эстетической категории, основывающейся на многоплановости и подвижности авторского сознания, репрезентантами

которого могут быть разнообразные по семантике и функциональному назначению языковые средства.

В традиционной рубрике «Новации в учебном процессе» преподаватели кафедры (Л. Н. Синельникова, Г. П. Джинджолия, В. А. Розсоха) знакомят читателей с новыми и, как показала практика, эффективными формами презентации учебного материала и контроля знаний студентов (мультимедийные лекции и компьютерные программы).

Подборка «Памяти учёного, коллеги, друга» — наша скромная дань памяти доктора филологических наук, заведующей сектором социолингвистики Института украинского языка НАН Украины Леси Алексеевны Ставицкой.

Профессор Л. Н. Синельникова

**КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

УДК 811.161.1'42

Л. Н. Синельникова

**PR-КОММУНИКАЦИЯ:
ВЕКТОРЫ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ**

*Хочешь знать правду, —
включи программу о животных.
(Афоризм житейской мудрости)*

*Пиар — это адский бардак,
который усложняет жизнь.
Я не занимаюсь пиаром,
я делаю доверие.
(Запись на Интернет-форуме)*

Проблемность ощутима на уровне сравнения инвективного содержания занявших место эпитафий высказываний, относящихся к обыденному сознанию, и позиционированию паблик рилейшнз как стратегии доверия [1]. Во всяком случае, трудно не согласиться с тем, что в этом специфическом виде коммуникации и доверие конструируется специфическими методами и технологиями. Реально PR-специалист «из романтического «вестника доверия» всё больше превращается в «проектировщика» и «конструктора» социальных процессов, в «созидателя» социальной реальности» [2, с. 20]. Может быть, справедливее было бы говорить о формировании средствами PR *выгодного доверия*.

Постановка проблемы. Назрела острая необходимость теоретического осмысления новых видов коммуникаций. Векторы и критерии такого осмысления могут быть разными. Но в любом случае важно, в условиях какой познавательной ситуации находится исследователь. Здесь уместно сослаться на теоретические позиции философа Д. И. Дубровского, касающиеся взаимозависимости знания и незнания. Исследователь говорит о трёх познавательных ситуациях: когда мы знаем, что нечто знаем; когда мы знаем, что чего-то не знаем; когда мы знаем, что не знаем. Движение от одного состояния к другому — это переход от допроблемной к предпроблемной и проблемной ситуации [3]. У нас нет полного описания кода многих видов коммуникаций, ряд новых типов и жанров межличностного и публичного

общения не имеет научного объяснения и пребывает не только в проблемном, но и в допроблемном состоянии.

Цель статьи — обратить внимание на интеграцию журналистской и пиар-деятельности, оказывающую влияние на публичное общение в разных его видах и на формирование социальной реальности.

Роль «проектировщика» и «конструктора» социальных процессов разделяют с пиар СМИ, что даёт основание для акцентирования проблемы соотношения этих двух видов общественно значимой деятельности. Пиар всё больше включается в медиaprостранство как полноправный сегмент медиамейнстрима: медиасобытия, будучи сопряжёнными с PR-задачами и PR-акциями, подаются в стилистически коллажевом варианте — формируется медиареальность, которая воспроизводится в бесконечном процессе автокоммуникаций и автокомментариев, ориентированных на позиционирование базового субъекта. Позиции многих изданий и каналов определяются PR-стратегиями. PR-присутствие в медиа нарастает, и СМИ постепенно, но целенаправленно трансформируются, что проявляется в выборе коммуникативных стратегий, в жанровой палитре, в диалогизации монолога и т. д., то есть, по сути, происходит маркетологизация публицистики.

«Отличительная черта современных СМИ состоит в переходе в подаче информации от убеждения к внушению» [4, с. 13]. Убеждение воздействует на сознание, внушение — на психику. Пиар и СМИ, действуя в одном направлении, выводят социальную коммуникацию на некий новый уровень, свидетельствующий о поглощении публицистики маркетинговыми коммуникациями. Журналист и пиарщик (пиармен) оказываются совмещёнными медиа-актерами, общими усилиями создающими медиареальность. Не случайно, что вопрос о том, кто такой пиарщик: журналист, менеджер по продажам и рекламе, спичрайтер, организатор репутации и имиджа, технолог, — принципиально не может получить однозначного ответа. Следствием такого рода интеграции оказывается синонимизация понятий PR-текст и медиатекст. Речевые стратегии в пиар полностью совпадают с профессиональными рекомендациями для журналиста: уметь говорить и писать 1) то, что нужно, 2) там, где нужно, 3) тому, кому нужно [5; 6 ; 7].

Обновление медиасферы происходит в результате реализации новых бизнес-стратегий, технологий, открытия и трансформации каналов, ориентированных на изменение контента в работе с аудиторией. Дискурс публик рилейшнз и журналистский дискурс максимально сближаются. Понятие «медиаريلейшнз» детерминировано и структурировано фактом такого рода сближения. Медиарилейшнз — основная парадигма пиар и актуальный сегмент журналистской деятельности.

Современные СМИ и пиар по большей части ориентируются на прикладные теории коммуникации и практические приёмы по их ситуативному применению. «Прикладные теории коммуникации выступают своего рода «сенсорами», с помощью которых происходит движение общей системы теории и практики коммуникации, а также осуществляется непрерывная адаптация коммуникативных практик к изменяющемуся социально-культурному ландшафту» [2, с. 20]. Широкое развитие получает область практических рекомендаций по формированию информационной среды средствами пиар. Описываются критерии измерения медиарилейшнз, даются алгоритмы анализа эффективности предпринимаемых шагов, советы по стимулированию дальнейших коммуникативных действий [7].

Журналистика и паблик рилейшнз объединены многими технологиями информационной деятельности, такими как поиск событий и фактов, создание интриги, установка на новизну и сенсационность, применение коммуникативных методов получения и текстовой «обработки» информации и др. Общая для СМИ и пиар ориентация на прикладные теории коммуникации цементируется фактором целевого адресата (целевой аудитории), от которого зависит выбор тактических средств коммуникации. Экстралингвистическая проекция, адекватное «восстановление контекста» осуществляются прежде всего целевым адресатом. Отсюда языковые предпочтения журналистов и специалистов по связям с общественностью в их публичных действиях, планирование и моделирование обратной связи с адресатом, то есть всё то, что позволяет вызвать доверие адресата (аудитории). Поликодовость и креализованность многих журналистских и пиар-текстов также в значительной мере объясняется «фактором адресата».

Интегрирование целевых аудиторий — общая для обоих видов деятельности задача. Как журналисту, так и специалисту по связям с общественностью для знания мотивов и ожиданий адресата равно необходимо обращение к социологии и к социальной психологии, поскольку для успешной работы с целевым адресатом необходимо знание социологических и социопсихологических методов сбора и анализа информации [8]. Критерий оценки эффективности также общий: хороша та технология, которая свидетельствует о включении аудитории в проблему и хотя бы о некотором желании согласовать своё социальное поведение с полученными установками.

Двусторонние симметричные коммуникации лежат в основе большинства коммуникативных практик СМИ и пиар. Совпадают технологии конструирования этих практик: установка на интерактивность, быстрота жанровой реализации интерактивности, иллюзия интерактивности (вопросы могут придумываться теми же людьми, которые готовят ответы на них), моделирование обратной связи через приобщение к коммуникативной деятельности адресата. Происходит работа с множеством чужих мнений при жёстком

управлении коммуникативными процессами и стимулирующей их информацией.

Иммунитет к информационным воздействиям пиар и СМИ сформировался также в результате совместных действий. Эта совместность всё больше проявляет себя как «навязываемый дискурс». Навязываются мнения, оценки, диктуются нормы электорального поведения. «Насилие входит в язык, семантику передач, повседневные коммуникации» [4, с. 3]. Реестр модусов информационного насилия включает поставленные на поток сенсации, скандалы, имиджевый прессинг (утверждение себя за счёт другого), безостановочный креатив и др.

Для маркетинговых коммуникаций важно ускорение поведенческих реакций адресата. Поведение же в значительной мере основывается на эмоциональном факторе. Отсюда возрастание в журналистском и пиар-тексте степени доверительных отношений с адресатом, что ведёт к утрате границ между внутренним и внешним, к утверждению в ряде жанров интимности как «принудительной экстраверсии всего внутреннего» (Ж. Бодрияр).

СМИ и пиар связывает событийный маркетинг, условия которого в значительной мере определяют использование текстовых форм в сфере публичных коммуникаций. Текст — инструмент связей с общественностью, средство и способ социальной коммуникации, инструмент воздействия. В связях с общественностью текст — один из видов PR-технологий, которые имеют свои «секреты» (см. статьи А. Д. Кривоносова о секретах байлайнера, факт-листа, приглашения, биографии, пресс-релиза в журналах «PR-диалог» за 2000—2001 годы).

Основной секрет PR-текстов — манипулятивность. Манипуляции создаются и совершенствуются в пиар-акциях, а утверждаются как набор податливых к креативу технологий в СМИ. Мотивация общая — обеспечить выгодное положение чего-либо или кого-либо. Фокусировка информативных блоков, кумулятивность действий, селекция фактов, их неverifiedируемость, недостаточная легитимность информации — всё это, с одной стороны, симулякры насилия, с другой — проявители манипулятивных коммуникаций. Неясности, создаваемые с помощью перифразирования и эвфемизации, «обтекаемость» оценки услуг, сопряжённая с немотивированным пафосом, уловки в доказательствах, стереотипизация образов, этнокультурных представлений и многое другое наполняют расширяющееся пространство манипуляций. Многие манипулятивные ходы и тактики называют особыми, «известными только специалистам» [9]. Важно, чтобы это было известно более широкому кругу специалистов: продуцирование манипуляций меняет аксиологическую систему личности и имеет все основания рассматриваться как антропологический фактор развития современного общества. Это подтверждают исследователи проблем социальной философии:

«Интегративно-посредническая по отношению к социуму природа масс-медиа мутировала в манипулятивную, придающую медиареальности новое социоантропологическое измерение. Пластическая форма медиареальности, обусловленная диалектическим характером её основных категорий, воплотилась в многомерности понятия манипулятивности. Сегодня это не только обман, подтасовка, сознательное искажение, шулерство, но также перекомбинация, монтаж, вид медиальной стратегии, особая форма политкорректности и пр. Манипуляция является основной разновидностью медиавоздействия на человека» [10, с. 3]. Делается крайне неутешительный вывод: «Потребительство, сверхчувственность, приводящая к иллюзорности и отсутствию логики, технологизм, уничтоживший субъекта восприятия, заменивший культурный диалог экспрессивными формулами, — таковы итоги медиального освоения культурного пространства» [10, с. 23]. Манипулятивные технологии — аксиологическая и психологическая доминанта информационного воздействия в СМИ и в пиар.

Есть и другая позиция: рассматривать манипулятивные коммуникации как особый вид обмана, считать его фундаментальным фактором социальных и личностных отношений, присутствующих во всех сферах деятельности [2]. Признаки такого рода обмана консолидированы в содержании концепта «блеф». Словарное толкование этого понятия: выдумка, ложь, рассчитанная на запугивание, введение в заблуждение кого-нибудь; блефовать — играть, имея на руках плохие карты, но делая вид, что карты выигрышные; вводить в заблуждение показной уверенностью при объективно плохом положении дел. Блеф — категория универсальная, он входит в психологию обмана, ориентирован на заведомое преувеличение, приукрашивание, рассчитанное на легкое доверие принимающей стороны [11, с. 683]; это неотъемлемая часть любой игры, которая, по мнению Й. Хейзинга, пронизывает едва ли не все сферы человеческой культуры. В коммуникативном плане блеф представляет собой игровой сценарий, имитирующий процесс понимания и принятия декларируемого положения дел. В пиаре блеф — это креатив как новая, неожиданная комбинация возможностей, как искусство расставлять эмоциональные и логические ловушки, необходимые для выгодного толкования реальности. Один пример: *Трудно быть скромным, если ты лучший* (рекламный слоган химчистки). Здесь блеф проявлен с помощью микширования двух «трендов»: памяти об этически значимом славянском концепте «скромность», который перекрывается неверифицируемой оценкой превосходства над всеми. Налицо блеф: есть обман, но нет лжи. «Одна из важнейших социальных функций обмана состоит в том, что он способен обеспечивать возможность сохранения наличных коммуникативных структур в условиях расходящихся или практически несовместимых интересов» [3, с. 81]. Такого рода обман — едва ли не основная черта современного политического дискурса.

Блеф как специфическая когнитивная категория в маркетинговых коммуникациях обнаруживает неограниченные возможности проявлять себя в неожиданных, риторически отмеченных приёмах. Общественно значимое событие может быть по-разному организовано в коммуникативном и оценочном отношениях в зависимости от того, в какую модальную рамку помещаются языковые средства и риторические приёмы. Фрейм как когнитивная структура идентифицируется типовыми ситуациями общения, обобщающими сложившийся в определённой культуре опыт. Рефрейминг означает переобрамление, «перемену рамки у картины», что позволяет внести изменения в привычный стереотипизированный взгляд, затормозить действие прежней доминанты и заменить её новой. Рефрейминг активен в практической психологии, используется в нейро-лингвистическом программировании, привычен в организации подтекстового смысла анекдота (например: *Дед Мазай и Герасим так и не пришли к единому мнению о том, что лучше для раскрутки имени: благотворительная акция или чёрный пиар; — Ты знаешь, у меня каждый следующий ребёнок в семье светлее предыдущих. — Катридж свой проверь; Жена — мужу: — Вот возьму и уйду от тебя! Что ты тогда будешь делать? — Муж мечтательно: — Что, что... Да что захочу — то и буду!* — примеры из юмористических газетных страниц).

Рефреймирование в телевизионных СМИ и в пиар-текстах может осуществляться благодаря применению приёма фасцинации — использованию сопутствующего фона, меняющего восприятие события. Приём рефреймирования широко применяется в так называемых информационных войнах, строящихся на борьбе интерпретаций, в имиджевых текстах, одна из целевых установок которых — «отстройка» от конкурентов. Рефрейминг в пиар и в СМИ — один из набирающих силу приёмов управления репутацией. Приём эффективен для реализации установки на необычное отождествление вещи или события. Таким образом, рефрейминг детерминаций, проявляющийся в целостности текста в его вербальных и невербальных составляющих, можно отнести к одному из активных приёмов креативного текстового представления информации.

В мировой науке обозначились четыре мегатехнологии (NBIC), от которых зависят не только судьбы людей, но и судьбы цивилизаций и на основе которых происходят преобразования природы человека, формируются новые типы общества, новые виды общественного сознания: нанотехнологии (изучение структур микромира), биотехнологии (конструирование новых сущностей на биохимическом и инженерном уровнях), информационные технологии (новые каналы, формы, способы передачи информации, новые сценарии и нормы общения), когнитивные технологии (проблемы знания и познания, соотношение эмпирического и теоретического знания, чувственного и рационального и т. д.). Переводные и отечественные работы,

описывающие информационные технологии, по большей части имеют рекомендательный характер, и этот рецептурный параметр укрепился как основной, актуально необходимый. Исследований новых коммуникаций в контексте теоретического знания с определением методологических оснований PR-коммуникаций и СМИ-коммуникаций неизмеримо меньше, чем практических пособий. Отмечаются лишь тенденции к усложнению этих видов коммуникаций. Справедливости ради нужно отдать должное удачным попыткам теоретического обоснования природы новых видов коммуникаций. В статье [2] PR-коммуникация рассматривается в контексте динамики научного знания применительно к особенностям социально-гуманитарного познания. Для системного описания сферы коммуникативной деятельности PR должны быть выявлены и насколько возможно систематизированы направления влияния этой динамики на методологию PR. Динамику научных парадигм авторы связывают с переходом от классических образцов к неклассическим перспективам и постнеклассической модели. Онтологические, гносеологические и социально-культурные характеристики разных этапов в истории науки — предпосылки изменений в методологии PR-коммуникации. Классической модели научного знания соответствует механистическая картина мира, состоящая из простых объектов с небольшим набором элементов, полностью открытых для познающего субъекта. Неклассическое представление — результат трансформации научной картины мира, представление о нём как вероятностном, состоящем из сложных саморегулирующихся систем, в которых не всё детерминировано. Если в классической парадигме условием для достижения истинного знания была независимость исследователя от исследуемого объекта, так как из теоретического объяснения устранялось всё субъективное, то в неклассическом представлении о мире познающий субъект включался в познаваемую реальность, и тогда средства познания этой реальности диктовались как особенностями исследуемого объекта, так и способами взаимодействия с ним исследователя. Плюрализм познавательных концепций, возможность описания одного и того же объекта несколькими научными теориями повысили роль междисциплинарных исследований и одновременно выдвинули на ведущее место антропный подход как критерий познания.

Постнеклассическая модель научного знания утверждает антропный характер научных теорий. Увеличение масштабов и разнообразия человеческой деятельности, усиление её воздействия на природную и социокультурную среду, широкое распространение новых информационных технологий лишает науку возможности фиксировать состояние коммуникационной среды в простых и ясных терминах, а тем более прогнозировать развитие процессов. Постнеклассическая социальная реальность может быть описана с помощью понятий синергетики, предметом которой являются самоорганизация,

вариативность изменчивости и развития, спонтанность, постоянное балансирование между порядком и хаосом. Эпистемологический статус PR-коммуникаций основывается на принципе «значимого другого». Постнеклассическая парадигма менеджмента строится на концепциях, признающих приоритет мотиваций адресата, значимость межличностных связей, необходимость формирования коммуникативной культуры в контексте целенаправленных управленческих (организационных) действий. Вот эти неклассические подходы должны быть применены в описании теории и практик коммуникации.

Асимметрия практической и познавательной деятельности в сфере современных коммуникаций очевидна. Выход из положения может быть обеспечен соединением усилий представителей разных областей гуманитарного знания — социологов, психологов, теоретиков журналистского дела, лингвистов. Пришла пора сращивания в единой системе деятельности теоретических и эмпирических исследований, соединения прикладного и фундаментального знания.

Такие методы исследования коммуникативных практик, как клиппинг, мониторинг, контент- и интент-анализ, тренд-анализ, конджойнт-анализ (совместный анализ изучения структуры предпочтений респондентов) требуют существенного дополнения интерпретациями социолингвистического, лингвориторического, лингвокультурного характера в их взаимообусловленности. Это тот стратегический вектор, на пути к которому нужна систематизация фактов быстротекущей и изменчивой коммуникативной жизни современного общества.

Литература

- 1. Буари Филипп А.** Паблик рилейшнз, или стратегия доверия / Филипп А. Буари. — М. : ИНФРА-М, 2001. — 178 с.
- 2. Клягин С. В.** Игра в «классики»: методология PR-коммуникации и динамика научных парадигм / С. В. Клягин, Е.Н. Осипова // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. — С. 20—34.
- 3. Дубровский Д. И.** Обман. Философско-психологический анализ / Д. И. Дубровский. — М. : Изд-во РЭЙ, 1994. — 120 с.
- 4. Борщов Н. А.** Социально-философские проблемы информационного насилия : автореф. дис. на соискание учён. степени канд. философ. наук : спец. 09.00.11 «Социальная философия» / Н. А. Борщов. — Саратов, 2004. — 19 с.
- 5. Кривонос А. Д.** PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривонос. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. — 288 с.
- 6. Кривонос А. Д.** Основы спичрайтинга : учеб. пособ. / А. Д. Кривонос. — СПб. : СПбГУ, 2003. — 56 с.
- 7. PR сегодня: новые подходы, исследования, международная практика.** — М. : Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт» : МНФРА, 2002. — 493 с.
- 8. Власова М. Л.** Социологические методы в маркетинговых исследованиях / М. Л. Власова. — М. : ГУ ВШЭ, 2006. — 712 с.

- 9. Бердников И. П.** PR-коммуникации : практич. пособ. / И. П. Бердников, А. Ф. Стрижова. — М. : Дашков и К., 2010. — 208 с.
- 10. Фортунатов А. Н.** Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности : автореф. дис. на соискание учёной степени доктора философ. наук : спец. 09.00.11 «Социальная философия» / А. Н. Фортунатов. — Нижний Новгород, 2009. — 37 с.
- 11. Щербатых Ю.** Искусство обмана. Популярная энциклопедия / Ю. Щербатых. — М. : Изд-во Эксмо, 2004. — 720 с.

Синельникова Л. М. PR-комунікація: вектори системного опису.

У статті намічено деякі типологічно значущі підходи до опису PR-комунікацій, у просторі яких формуються нові сценарії і затверджуються специфічні норми спілкування. Виклики комунікаційного середовища, орієнтованого на прискорення розвитку подій, змінюють технології інформаційної діяльності як такої.

Ключові слова: зв'язки з громадськістю (піар, PR), PR-комунікації, PR-текст, креатив, медіарілейшнз, блеф, рефреймінг.

Синельникова Л. Н. PR-коммуникация: векторы системного описания.

В статье намечены некоторые типологически значимые подходы к описанию PR-коммуникаций, в пространстве которых формируются новые сценарии и утверждаются специфические нормы общения. Вызовы коммуникационной среды, ориентированной на ускорение развития событий, меняют технологии информационной деятельности как таковой.

Ключевые слова: связи с общественностью (пиар, PR), PR-коммуникации, PR-текст, креатив, медиарилейшнз, блеф, рефрейминг.

Sinelnikova L. N. PR-communication: vectors of systematic description.

The article outlines some typologically important approaches to the description of PR-communications in which some new scenarios are formed and some specific norms of communication are stated. Challenges of communication environment, which are focused on accelerated succession of events, change technologies of information activity as such.

Key words: public relations (PR), PR-communications, PR-text, creativity, media-relations, bluffing, reframing.

УДК 811.161.1'42:32

Г. П. Джинджолия

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Стратегия — характеристика когнитивного плана общения, непосредственно связанная с целями взаимодействия. Актуальность термина «речевая стратегия» в лингвистике сопровождается отсутствием общепринятой интерпретации.

«Заимствованное прагматикой из военного искусства понятие стратегии опирается не на кооперацию, а на победу, которая понимается как результативное воздействие на слушателя, как трансформации его модели мира в желательном для говорящего направлении» [1, с. 293].

А. К. Михальская, основывая свое определение коммуникативной стратегии на понятии выбора, выделяет две глобальные коммуникативные тенденции: к сближению и к индивидуальности. «Предпочтение (выбор) одной из возможных тенденций ... и проявление этого предпочтения в речевом общении назовем коммуникативной стратегией» [2, с. 98].

В русле прагмалингвистического подхода стратегия определяется как цепочка решений говорящего, «совокупность определенных речевых действий» [3, с. 58].

С позиций когнитивного подхода О. С. Иссерс понимает под коммуникативной стратегией «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [1, с. 54]. Стратегии и тактики речевого поведения непосредственно связаны с основными этапами речевой деятельности — планированием и контролем, поэтому стратегия представляет собой «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнёра» [1, с. 100].

В психолингвистике под стратегией понимается «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта» [4, с. 85], «осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия», «развернутая во времени установка субъекта на общение» [5, с. 178]. В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего [4].

При определении стратегии, как видим, учитываются такие характеристики, как зависимость выбора стратегии от цели и коммуникативного намерения, а также зависимость от ситуации.

Под речевой стратегией мы будем понимать обобщенную комплексную установку представления элементов информации с учетом дифференцированного отношения субъекта речи к другим феноменам информационной деятельности.

Исследователи называют различные виды речевых стратегий в разных дискурсах, в том числе в политическом: дискурсивные, стилистические, семантические, прагматические, риторические, диалоговые и т. д.

Е. И. Шейгал выделяет в политическом дискурсе следующие виды стратегий: стратегия вуалирования, затушевывания нежелательной информации (позволяет притушить, сделать менее очевидными неприятные факты); стратегия мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение); стратегия анонимности (деперсонализации) как прием снятия ответственности [6].

О. С. Иссерс в работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» выделяет речевые стратегии самопрезентации, семантические речевые стратегии, аргументативные стратегии, стратегии дискредитации, манипулятивные стратегии, стратегии речевых действий [7].

Ю. М. Иванова, исследуя политический дискурс США, выделяет варьирующую, аддитивную и интродуктивную стратегии [8].

Цель статьи — рассмотреть основные типы речевых стратегий и их содержательное воплощение.

По мнению Т. А. ван Дейка, «дискурс не состоит из изолированных предложений», а структурный анализ дискурса не может сводиться к описанию «фонологических, морфологических, синтаксических или семантических структур изолированных слов, словосочетаний или предложений». Дискурс «не является лишь изолированной текстовой или диалогической структурой. Дискурс является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое может быть охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события. Говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию» [9, с. 113—126].

Политический дискурс представляет собой вербальную коммуникацию, в которой отправитель и получатель наделяются социальными ролями по их участию в политической жизни и предметом общения является политическая жизнь социума [9].

Основной функцией политического дискурса является его использование в качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение).

В рамках инструментальной функции выделяют следующие функции:

1) социального контроля (создание предпосылок для унификации поведения, мыслей, чувств и желаний большого числа индивидуумов, т. е. манипуляция общественным мнением);

2) легитимизация власти (объяснение и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов);

3) воспроизводства власти (укрепление приверженности системе, в частности, через ритуальное использование символов);

4) ориентации (через формулирование целей и проблем, формирование картины политической реальности в сознании социума);

5) социальной солидарности (интеграция в рамках всего социума или отдельных социальных групп);

6) социальной дифференциации (отчуждение социальных групп);

7) агональную (иницирование и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протеста против действий властей);

8) акциональную (проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию» населения: мобилизация состоит в активизации и организации сторонников, тогда как под наркотизацией понимается процесс умиротворения и отвлечения внимания, усыпления бдительности);

9) распространение информации;

10) определение повестки дня;

11) проекция в будущее и прошлое [6].

Речевые стратегии самопрезентации воплощаются в названиях политических партий, в языковых ролевых образах субъектов политической деятельности, в обращении к оппозициям повседневного и политического сознания. В политическом дискурсе центральной фигурой является отправитель — субъект политической деятельности. Для успеха политической деятельности исключительно важным является коммуникативный образ политика. Он формируется на основе речевых стратегий самопрезентации. К ним относятся выбор названия политической партии, коммуникативный имидж политика, оппозиции сознания.

Выбирая название партии, определяя речевое поведение, апеллируя к стереотипам бытового и политического мышления, субъект политической деятельности мысленно моделирует образ получателя, выявляет притягательные для получателя концепты (идеологические, ценностные, концепты профессиональной деятельности, концепты Украины, региона и народа, темпоральные концепты) и вводит их названия в состав речевых стратегий самопрезентации.

Основными ролевыми образами субъекта политической деятельности являются образы *мудрого вождя* (составляющие микророли: *волшебник* и *знайка*), *патриота*, *сильной руки* (составляющие микророли: *хозяйственник*, *защитник*, *обличитель*). В

основе воздействия ролевого образа *волшебника* лежат стереотипы сознания: добро всегда побеждает зло, и действия волшебника лежат за гранью рационального объяснения.

Коммуникативно успешная микророль *я свой — я среди вас* присутствует в ролевом образе *патриота*. Ролевой образ строится на представлении политика как обычного человека, близкого потенциальным избирателям. Основа успешности данного образа — единство интересов и жизненных устремлений получателя и отправителя.

В речевых стратегиях самопрезентации участвуют следующие оппозиции сознания: *свой — чужой* (целеустановка — поиск внутреннего врага), *борьба идеологий* (целеустановка — демонстрация уникальности и непогрешимости собственной идеологии), *возрождение прошлого — поиск нового пути* (целеустановка — отказ от ответственности за прошлые политические действия), *политик — высшая власть* (целеустановка — идентичность устремлений избирателя и политика).

Семантические стратегии. По Т. А. ванн Дейку, семантическая связность «зависит от наших знаний и суждений о том, что возможно в этом мире» [9, с. 127].

Семантическая связность политического дискурса во многом определяется тем, что в нем используется определенный набор идеологем. Идеологема — языковая единица, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический [10]. К семантическим стратегиям можно отнести использование лексем, связанных с традиционными идеологемами политического дискурса и их переосмыслением (*народ, партия, власть, свобода, патриотизм*), а также новыми идеологемами сознания (*честность, порядочность, достоинство, благополучие*). Традиционные и новые идеологемы различаются по частоте использования, по степени лексического разнообразия, по избирательности обращения к ним в зависимости от субъекта политической деятельности. Если традиционные идеологемы являются концептами общественно-политического сознания, то новые идеологемы относятся к частному миру человека, его психологическим характеристикам, его представлениям о достойном существовании. Интимизация политического дискурса — семантическая стратегия, направленная на то, чтобы в сознании адресата сложилось представление: субъект политической деятельности имеет ту же систему ценностей, что и адресат.

В современном политическом дискурсе представлены следующие аргументативные стратегии:

— определение проблемной ситуации, формулируемой как необходимость перемены власти;

— выбор способа достижения результата, каковым является объявление себя действенной силой, способной изменить власть;

— выбор действия, которое носит созидательный характер (*мы готовы отстаивать идеалы; мы будем добиваться победы; изменить антинародный курс политики*);

— определение конечного результата (таковым может считаться либо получение власти, либо возможность воздействовать на власть).

Аргументация задействует риторические фигуры. Логика аргументирования зачастую лишь имитируется и не соответствует требованиям формальной логики построения логических конструкций, что позволяет оценивать политическую аргументацию не по шкале логичность / алогичность, а по шкале действительность / недействительность. Имитируется темпоральная и каузальная последовательность, привлекаются доводы, рассчитанные на неосведомленность читателя.

Цель стратегии дискредитации — подорвать доверие к политическому оппоненту, унизить его, опорочить, очернить. Дискредитация включает приемы обвинения и оскорбления, для которых характерно употребление номинаций с резко отрицательной окраской, оценочных эпитетов с отрицательным компонентом значения, ярлыков, метафор с негативной оценкой. Стратегия дискредитации является проявлением речевой агрессии.

Под манипуляцией мы понимаем «вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [2]. Основными составляющими манипулятивной стратегии являются сокрытие и искажение информации, гиперболизация, «поспешное» обобщение. Л. Н. Синельникова пишет: «Манипулятивная страсть закрепляет ложь, обман как состояние сознания и рождает обилие уловок, подрывающих истину в дискурсе». Высказывания с сомнительным истинностным значением типичны для манипулятивных дискурсов, «включающих допущения, догадки, предположения, подаваемые в модальности твердого знания, которое, естественно, нельзя верифицировать... Здесь и игнорирование очевидных противоречий, произвольность критериев достаточности доказательства, стремление любой ценой занять доминирующее положение, перекрыть аргумент пререканием или даже оскорблением, навязать собственную оценку и мн. другое, отвергаемое античной риторикой. Нормой становится использование ложных посылок (нарушение максимы истинности) перенос аргумента с предмета на личность (нарушение максимы такта), подмена тезиса вплоть до разрушения аргументативного процесса» [11, с. 186].

Стратегии, относящиеся к речевым действиям участников коммуникации. В современном политическом дискурсе преобладают

репрезентативы с нечетким истинностным значением (субъективным, сомнительным, размытым).

Политический дискурс искусно манипулирует с самим понятием истины, выдавая субъективное за объективное. В этот процесс включаются и комиссивы, в которых даются обещания и обязательства исполнить желательное для адресата действия. В комиссивах могут приводиться расчеты и краткие изложения законопроектов. Однако подобные комиссивы нельзя считать экономически обоснованными. Они остаются комиссивами для «принятия на веру».

Директивы представляют собой излюбленный речевой акт политического дискурса. Они производят эффект гипнотического внушения и подталкивания адресата к принятию желаемого решения (*Нас поддерживают порядочные люди. Присоединяйтесь к нам!*). Директивы могут быть адресованы политическому оппоненту.

Все речевые стратегии современного политического дискурса действуют в одном направлении: оказать воздействие на адресата, убедить принять решение, нужное для субъекта политической деятельности. Современный политический дискурс находится в динамике; он остро реагирует на изменения в политической жизни общества.

Речевые стратегии взаимодействуют между собой. Семантические стратегии являются «проникающими», они включаются в другие виды стратегий. Аргументативные стратегии и стратегии речевых действий объединяются в отношении к понятию истинности. Логическая аргументация уступает место риторической, а четкое истинностное значение уступает место нечеткому. Стратегии самопрезентации определяют выбор риторических стратегий и стратегий речевого действия.

Литература

- 1. Иссерс О. С.** Коммуникативный успех как прогнозируемая категория // Культурно-речевая ситуация в современной России / О. С. Иссерс. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 379 с.
- 2. Михальская А. К.** Основы риторики / А. К. Михальская. — М. : Дрофа, 1996. — 496 с.
- 3. Труфанова И. В.** О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / И. В. Труфанова // Филологические науки. — 2001. — №3. — С. 56—65.
- 4. Борисова И. Н.** Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи / И. Н. Борисова. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. — С. 81—97. — (Вып. 2).
- 5. Веретенкина Л. Ю.** Стратегии, тактики и приемы манипулирования // Лингвокультурологические проблемы толерантности / Л. Ю. Веретенкина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. — С. 177—179.
- 6. Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : ИТДК «Гнозис», 2004. — 326 с.
- 7. Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской

речи / О. С. Иссерс. — М. : ИТДК «Гнозис», 2006. — 326 с. **8. Иванова Ю. М.** Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук / Ю. М. Иванова — Волгоград, 2003. **9. Дейк Т. А. ван.** Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ванн Дейк. — М. : Прогресс, 1989. — 312 с. **10. Купина Н. А.** Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — Екатеринбург-Пермь : Изд-во Урал. ун-та, 1995. — 420 с. **11. Синельникова Л. Н.** Современный «черный пиар» как манипулятивный дискурс / Л. Н. Синельникова // Жизнь текста, или Текст жизни : в 3-х т. — Луганск : Знание, 2005. — Т. 3. — С. 182—189.

Джинджолия Г. П. Мовленнєві стратегії сучасного політичного дискурсу.

У статті розглядаються основні типи й функції мовленнєвих стратегій сучасного політичного дискурсу.

Ключові слова: мовленнєва стратегія, дискурс, політичний дискурс, політична комунікація, мовленнєва поведінка.

Джинджолия Г. П. Речевые стратегии современного политического дискурса.

В статье рассматриваются основные типы и функции речевых стратегий современного политического дискурса.

Ключевые слова: речевая стратегия, дискурс, политический дискурс, политическая коммуникация, речевое поведение.

Dzhindzholiya G. P. Speech strategies of modern political discourse.

The article considers the main types and functions of speech strategies of modern political discourse.

Key words: speech strategy, discourse, political discourse, political communication, speech behavior.

УДК 811. 161.1—14'2

И. А. Соболева

**РУССКОЕ АРГО
КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

*Если ты долго смотришь в бездну,
то бездна тоже смотрит в тебя.
Ф. Ницше*

В богатом спектре внелитературной лексики переходы и переливы одного функционально-речевого пласта в другой настолько зыбки и неустойчивы, настолько тонки и трудно уловимы, что без достаточной условности не представляется возможным провести между ними линию разграничения. Да это и понятно: «Язык находится в процессе постоянного развития, и слова из одной сферы общения неизбежно попадают в другую среду общения и начинают свое существование уже как самостоятельные и полноправные члены» [1, с. 107—114]. Из-за функциональной близости арготизмов, жаргонизмов и сленгизмов в идиолекте в условиях речевой коммуникации происходит их постоянное смешение, замена одного другим — и как терминов, и как речевых единиц. Поэтому зачастую бывает трудно отличить их друг от друга — и не только носителям языка, но даже профессиональным лексикографам. Однако сейчас, когда экспансия, интервенция, засилье и т. д. внелитературных средств языка стало очевидным, пришла пора более пристально и системно рассмотреть данные языковые подсистемы.

Цель статьи — описать такое крайне противоречивое, исторически не зафиксированное и семантически подвижное явление, как арго в его соотносительности с семантико-понятийной дихотомией «жаргон — сленг».

Внелитературная лексика — одно из самых противоречивых явлений языковой культуры. Пожалуй, трудно найти какой-нибудь иной лингвистический феномен, по поводу которого столь диаметрально противоположно расходились бы мнения исследователей. «Получилось так, что описывая арго, жаргоны и сленг, лингвисты создали свой жаргон, причем в отличие, например, от носителей «блатной музыки», сами лингвисты понимают друг друга не всегда» [2, с. 16].

Действительно, понятия «арго», «жаргон», «сленг» в современной научной литературе нередко смешиваются или во всяком случае нечетко разграничиваются. В настоящее время существует множество терминов, употребляющихся как синонимические: «арго, арготизм», «жаргон, жаргонизм», «интержаргон», «жаргонизированная лексика», «сленг, сленгизм», «сниженная разговорная лексика» и так далее. Термины пересекаются, «перетекают» друг в друга, раскрывают одно и то же с

разных точек зрения, включают друг друга, иногда метонимически и метафорически переносятся друг на друга.

Примером такого терминологического смешения может служить следующее определение сленга: «Сленг (жаргон, арг) — разновидность речи, используемая преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии или возраста» [3, с. 4—5].

Однако «каким бы ни казалось разнородным это словесное многоцветье, в комплексе оно составляет единую мозаичную систему. Систему, обнаруживающую формальную и смысловую преемственность русского жаргона во времени и пространстве» [3, с. 3]. В самом деле: еще два десятилетия назад многие исследователи языка смотрели на жаргон, сленг, арг как на словесный сор, сорняк, который необходимо с корнем вырывать из здоровой, «великой и могучей» почвы русского языка. Вырезая, игнорируя и не замечая жаргон, пуристы, по сути, уничтожали и замалчивали ту животворную среду, которая не давала превратиться литературному языку в омертвевший канцелярит.

В предисловии к «Большому словарю русского жаргона» сказано: «Русский жаргон, «живой как жизнь», продолжает развиваться и динамизировать современный русский язык, преодолевая все запреты» [3, с. 3].

Состояние современной языковой ситуации делает необходимым и актуальным уточнение понимания терминов «арго», «жаргон», «сленг» как эксплицитно-коннотативных стратов в функциональной парадигме русского национального языка.

Традиционно под **«арго»** понимаются «условные знаки, выработанные спецификой общения людей, объединенных с учетом их жизненного опыта, специальной групповой направленностью поведения, потребностей, взглядов» [2, с. 27], или «особый язык некоторой ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящей из произвольно избираемых видоизмененных элементов одного или нескольких естественных языков» [3, с. 5—12].

Достаточно часто термин «арго» употребляется в узком смысле, обозначая способ общения деклассированных элементов, распространенный в среде преступного мира или лексемы преступных элементов общества, желающих сделать свою речь «тайной», непонятной для других, засекретить ее содержание. В последнее время термин «арго» употребляется и в значении «своеобразное экспрессивно-эмоциональное средство» [2, с. 7].

Тюремный, лагерный жаргон и язык преступного мира как никогда активен в последние десятилетия. В современном социуме этот язык играет весьма важную роль и, следовательно, не может пройти мимо внимания исследователей, ориентирующихся на анализ социолингвистических факторов, которые в значительной мере определяют содержание проблемы «язык и социум».

В тоталитарном обществе корпоративные свойства арго делали его привлекательным для всех, кого так или иначе не устраивала советская действительность: от диссидентов до любителей джаза и андерграунда. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» в статье «Арго» отмечено: «Арго употребляется, как правило, с целью сокрытия предмета коммуникации, а также как средство обособления группы от остальной части общества. Термин «арго» чаще употребляется в узком смысле, обозначая способ общения деклассированных элементов (воровское арго)» [5, с. 43].

Таким образом, первичная функция арго — это функция эзотерической коммуникации, передача информации через систему намеков и подтекста. Казалось бы, это наиболее закрытый для «непосвященных» язык, и тем не менее он с большей или меньшей активностью включается в речевое общение и в разные жанры публицистической речи.

Лексика криминальных элементов имеет ряд названий: **арго, жаргон, байковый язык, феня, соня, музыка, блатная музыка, акцент, рыбий язык** и другие.

Слово «арго» (фр. argot) представляет собой искаженное «эрго» (фр. ergot) — «шпора петуха», символ воровского ремесла. Французские преступники XIII — XIV веков использовали эту часть петушиной лапки как опознавательный знак и носили на поясе, чтобы узнавать своих.

С середины XIX века слово «арго» стало употребляться во Франции и для обозначения лексики деклассированных элементов, и для различных жаргонов, и даже фамильярно-разговорной речи парижан.

В России термин «арго» в художественной литературе появился в середине XIX века, а среди языковедов получил распространение лишь в начале XX века. Лексика деклассированных элементов в середине XIX века называлась условным языком преступников, байковым языком, музыкой. Эти слова использованы, например, в названии рукописи В.И.Даля «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка». Байковый происходит от слова «байка» — «побасенка, сказочка», а это слово, в свою очередь, образовалось от глагола «баять» — «говорить» [6, с. 134—137].

В начале XX века к слову «музыка» прибавилось определение «блатная». В 1908 году появился словарь В. Ф. Трахтенберга с названием «Блатная музыка. «Жаргон» тюрьмы» [7]. И. А. Бодуэн де Куртенэ в статье, посвященной изучению арго, называет его не иначе, как блатная музыка. В небольшой статье (всего две страницы) словосочетание «блатная музыка» встречается двенадцать раз [8, с. 161—162.]. Позднее слово «блат» в значении арго приобрело права литературности и даже зафиксировано как термин в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой [9, с. 30].

Наиболее распространенное неофициальное название арго — *феня*. Феня — это измененное *офеня*, коробейник — «торговец мелким

товаром». Даже фразеологизм *по фене ботать*, появившийся в 10-х годах XX века и означающий «говорить на арг», является видоизмененным *по офене болтать*, то есть говорить на условном языке офеней. Порой свою лексику уголовники называют несколько пренебрежительно — *фенька*. Потом по аналогии слово *феня* заменили на *соня*. В 1920-х годах преступники не только *ботали*, но и *стучали по фене (по соню)*, *куликали по-свойски*. Несколько позже уже стали *курсать* или *кургать по фене (соню)* [10, с. 128—132].

До сих пор среди историков языка, юристов ведутся споры о времени и месте зарождения арг русских криминальных элементов. Одни (Р. Шор, А. Леонтьев, А. Шахнарович, В. Битов) предполагают, что язык преступного мира возник в эпоху денежного и торгового капитала: в Германии — в XIV веке, во Франции — в XV веке, в Англии — в XVI веке, в России — в XVIII веке.

Совершенно иная точка зрения у составителя словаря «Блатная музыка. «Жаргон» тюрьмы» В. Ф. Трахтенберга. Он считал, что арг произошло от офенских условных обозначений, которые обнаружил в рукописях XVII века [7, с. 7]. Для подобного утверждения есть много веских оснований. В дореволюционном арге уголовников имелось много слов, заимствованных из условно-профессионального языка офеней. И сами преступники считали, что арг обогащалось офенскими словами. Такие данные приводит М. Грачев [10, с. 128—132]. Это неудивительно: ведь деклассированные элементы — достаточно монолитное сообщество, передающее из поколения в поколение различные неформальные законы, предания, легенды, поэтому в арге имеются древние слова, восходящие даже к временам «Русской правды» Владимира Мономаха. Например, арготизм *вира* — означает «убийство», а в «Русской правде» *вира* — «штраф за убийство». То есть, в арге, как и в территориальных диалектах, сохранились элементы древнерусского языка. С одной только оговоркой: в говорах присутствуют и лексические, и грамматические, и фонетические элементы, а в арге — только лексические.

Известный исследователь русского арга В. Елистратов соотносит появление этой языковой подсистемы с беглыми крестьянами, которые в конце XVI — начале XVII века селились в бассейнах рек Волги и Дона. Эти места, по его мнению, стали центрами русской преступности [11, с. 578—587].

На наш взгляд, арг зародилось не вдруг, не в одном месте и не от одной социальной группы (тех же офеней). Появление языка преступников следует отнести к тому времени, когда на Руси возникает власть как инструмент управления, появляются первые города, общество начинает делиться на классы — тогда и появляется организованная преступность. Эта точка зрения перекликается с утверждением исследователя языка французских деклассированных элементов Э. М. Береговской: «Из одиннадцати веков существования французского языка арг, которое появилось как язык деклассированных, язык бродяг,

нищих, преступников, сопутствует ему по крайней мере восемь. Дата его рождения не отмечена никакими страсбургскими клятвами, и установить ее даже условно невозможно. Появление арго относят примерно к началу XII века. Оно связывается с возникновением на севере Франции феодальных городов с их разнообразными ремеслами и резкими социальными противоречиями» [12, с. 24].

Таким образом, зародившись в Древней Руси и сформировавшись где-то в середине XVIII века, русское арго получило дальнейшее развитие в XIX—XX веках. Но это уже совершенно иной период функционирования арго, называемый некоторыми филологами «необъявленной войной с литературным языком». С социолингвистической, как, впрочем, и общелингвистической, точки зрения каждое слово священно и обладает способностью влиять не только на тех, на кого оно направлено, но и на тех, кто им пользуется. Как здесь не вспомнить слова Ф. Ницше, вынесенные нами в эпиграф: «...Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя».

Литература

1. **Гальперин И. Р.** О термине «слэнг» / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. — 1956. — № 6. — С. 107—114.
2. **Федяев С. В.** Арго — Жаргон — Сленг / С. В. Федяев // Гуманитарные науки на границе тысячелетий. — Краснодар : КГУ, 1997. — С. 15—31.
3. **Митрофанов Е. В.** Молодежный сленг: Опыт словаря / Е. В. Митрофанов, Т. Г. Никитина. — М. : Из глубин, 1994. — 467 с.
4. **Мокиенко В. М.** Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб. : Норинт, 2000. — 720 с.
5. **Лингвистический энциклопедический словарь.** — М. : Сов. энциклопедия, 1990. — 682 с.
6. **Даль В. И.** Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка / В. И. Даль // Вопросы языкознания. — 1990. — № 1. — С. 134—137.
7. **Трахтенберг В. Ф.** Блатная музыка «Жаргон» тюрьмы / В. Ф. Трахтенберг. — СПб. : 1908. — XX, 116 с.
8. **Бодуэн де Куртенэ И. А.** «Блатная музыка» В. Ф. Трахтенберга / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избр. тр. по общему языкознанию. — М. : АН СССР, 1963. — С. 161—162.
9. **Розенталь Д. Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — М. : Просвещение, 1985. — 399 с.
10. **Грачев М.** Интервенция криминального языка / М. Грачев // Наука и жизнь. — 2009. — № 1. — С. 128—132.
11. **Елистратов В. С.** Словарь русского арго: Материалы 1980 — 1990 гг. / В. С. Елистратов. — М. : Русские словари, 2000. — 694 с.
12. **Береговская Е. М.** Социальные диалекты и язык современной французской прозы / Е. М. Береговская. — Смоленск : СГПИ, 1975. — 120 с.

Соболева І. О. Російське арго як частина національної історії та культури.

Стаття присвячена проблемам історії арго як підсистеми російської національної мови.

Ключові слова: арго, феня, жаргон, блатна мова.

Соболева И. А. Русское арго как часть национальной истории и культуры.

Статья посвящена проблемам истории арго как подсистемы русского национального языка.

Ключевые слова: арго, феня, жаргон, блатной язык.

Soboleva I. A. Russian jargon as a part of national history and culture.

The article is dedicated to some problems of jargon history as a subsystem of Russian national language.

Key words: jargon, phenya, slang, blatnoy jazyk.

УДК 811.161.1'373.74

В. А. Розсоха

**ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА НЕОФРАЗЕМ,
ИЛИ ЧЁРНО-БЕЛ ЛИ СОВРЕМЕННЫЙ МИР?**

В языковой картине мира особое место занимает лингвоцветовой сегмент, о чём свидетельствуют многочисленные разноаспектные исследования лексико-семантической группы «цвет», выполненные А. П. Василевичем, Р. В. Алимпиевой, Н. Б. Бахилиной, Р. М. Фрумкиной, В. Г. Кульпиной, О. Н. Григорьевой и многими другими.¹

Фразеологические единицы с компонентом-колоративом (*чёрный юмор, чёрная дыра, жёлтый билет, белая ворона, белый день, голубая кровь, коричневая чума, зелёный свет* и др.) активно функционируют в современном русском языке. По традиционной модели с цветовыми компонентами образуются новые фразеологизмы: *жёлтая сборка, зелёная карта, серый телефон, чёрный пиар, оранжевая коалиция, чёрное рейдерство*, становясь коммуникативно-речевыми маркерами русскоязычной картины мира конца XX — начала XXI веков.

Л. П. Крысин, занимаясь исследованием заимствований в русском языке конца XX века, объясняет происхождение большинства подобных устойчивых сочетаний процессом калькирования. «Почти все прилагательные цвета имеют переносные значения, и часть этих

значений — результат иноязычного влияния. Так, словосочетание *чёрный рынок* — калька с немецкого *Schwarzmarkt*; *чёрный список*, *чёрный шар* (при голосовании)², *чёрный юмор* — кальки с англ. *black list*, *black ball*, *black humour* (впрочем, в последнем случае возможно также влияние французского оборота *humour noir*). Ныне устаревший газетный штамп *чёрное золото* (= нефть) — тоже, скорее всего, журналистская калька с английского *black gold*. Устойчивые сочетания *белая книга* и *красная книга* — кальки соответственно английских оборотов *white book*, *red book* (откуда пришли и обозначаемые этими оборотами реалии). Словосочетанию *жёлтая пресса* соответствует английское *yellow press*, словосочетание *серый кардинал* — калька с англ. *grey eminence*; это же определение фигурирует в более специфическом и не часто употребляемом словосочетании *серый импорт* в значении 'полулегальный импорт' (ср. англ. *grey import*).

Весьма продуктивное при образовании словосочетаний с переносным смыслом английское прилагательное *blue* послужило основой для калек *голубая кровь*, *синий чулок* (ср. англ. *blue blood*, *bluestocking*). Однако другим сочетаниям с этим прилагательным в русском языке соответствуют словосочетания с прилагательным *белый* (напр., английскому *blue bear* соответствует русское *белый медведь*, *blue ticket* — *белый билет*, *blue devils* — *белая горячка*) [4, с. 33—34].

Цель статьи — на основе лексикографических данных и газетных текстов «Национального корпуса русского языка»³ исследовать неологизмы с цветовыми компонентами, установить колоративы-доминанты и определить их роль в процессе языковой концептуализации современной действительности.

Материалом исследования послужили газетные тексты «Национального корпуса русского языка» [5], «Толковый словарь русского языка конца XX. Языковые изменения» [6] и «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» [7], представленный Г. Н. Складневской как концептуально переработанное, «новое, оригинальное лексикографическое произведение», в котором «описаны сложные, перекрещивающиеся и противоречивые процессы, происходящие в настоящее время в русском языке» [7, с. VI].

Проанализировав указанные источники, мы установили, что на рубеже XX — XXI веков фразеологический фонд русского языка значительно пополнился неологизмами с цветовыми компонентами. В частности, «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998 г.) актуализирует 7 фразеологизмов с компонентом *белый*:

белое братство — религиозная секта, проповедовавшая второе пришествие Христа, «конец света», после которого спасутся лишь члены этой секты;

белые братья — члены Белого братства;

белая ведьма — занимающаяся белой магией; противоп. *черная ведьма*;

белая магия — связанная с естественными силами природы, способная избавить от зла, излечить; противоп. *черная магия*;

*Белый дом*¹ — здание резиденции президента США и государственной администрации;

*Белый дом*² — разг., здание Правительства России — бывшего Верховного Совета СССР;

белая сборка — о вычислительной технике, собранной в странах Европы или США и отличающейся высоким качеством [6, с. 82].

В Словарь под редакцией Г. Н. Складневской 2005 года добавлена фразама *белая пресса* — официальная, в противоположность *желтой* [7, с. 59].

В составе сложного слова *беловоротничковый* с пометой «зафиксировано в словарях последнего десятилетия» толкуется неофразама *беловоротничковая преступность* — о преступлениях, совершаемых должностными лицами, чиновниками, использующими своё служебное положение [6, с. 82; 7, с. 58].

«Национальный корпус русского языка» фиксирует в группе с компонентом *белый* наибольшую частотность употребления у фразеологизма *Белый дом* — 1153, что объясняется социальными преобразованиями в России конца XX века. Высокую частотность употребления имеет фразама активного словарного запаса *белый свет* — 101 употребление. Более низкие индексы употребления имеют неофразама *белые воротнички* (30); *белая кость* (15); *белое братство* (8); *белый день* (7); *белая магия* (6), из которых 3 употребления в значении, зафиксированном словарями Г. Н. Складневской, и 3 — в качестве названий клубов. Кроме того, здесь неофразама *белая магия* имеет два антонима: *черная магия* и *серая магия*. Ср.: *Этим белая магия, которую мы преподаем, отличается от черной и серой* [Зубов Михаил. Профессия — колдун // Труд — 7, 2000. 05. 26] [цит. по: 5]. Неофразама *беловоротничковая преступность* имеет индекс употребления 4; *белые братья* и *белая сборка* — 1. Нулевой индекс употребления имеют две фраземы: *белая пресса* и *белая ведьма* (1 употребление зафиксировано в качестве названия коктейля). Фразеологизмы *белый день*, *белая кость* и *белые воротнички* не включены в словари Г. Н. Складневской.

С компонентом *чёрный* в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998 г.) тоже актуализированы 7 фразеологизмов:

чёрная биржа (с пометой «возвращение в актив») — рынок нелегальных товаров: наркотиков, оружия и т. п. [6, с. 94];

чёрная валюта — доходы в валюте, скрытые от налогообложения или полученные в результате незаконных операций [6, с. 119]. См. синоним: *чёрные деньги*;

чёрные деньги [англ. black money] — доходы, скрытые от налогообложения; вообще, о доходах, полученных незаконным путём, с нарушением законодательства [6, с. 201];

чёрный маг — занимающийся, владеющий чёрной магией [6, с. 368];

чёрная магия — связанная со сверхъестественными силами, с сатаной, дьяволом, способная причинить вред, зло кому-, чему-либо [6, с. 369];

чёрный нал — разг., незаконные наличные деньги, не зафиксированные в финансовых документах и не облагаемые налогом [6, с. 408];

чёрный рынок [обычно в кавычках] — нелегальный, незаконный [6, с. 554].

В Словарь под редакцией Г. Н. Складневской 2005 года добавлены фраземы *чёрная наличка* = *чёрный нал* [7, с. 487] и *чёрный пиар* = *чёрный PR* — формирование отрицательного общественного мнения о ком-, чем-либо [7, с. 569].

«Национальный корпус русского языка» фиксирует в группе с компонентом *чёрный* наибольшую частотность употребления у фразеологизмов *чёрный список* (570) и *чёрный день* (272), принадлежащих к активной сфере употребления и поэтому не внесённых в словарь Г. Н. Складневской. В языке СМИ рубежа веков синтагматика фразеологизма *чёрный список* значительно расширена, что обусловлено естественной динамикой языка, связанной с изменениями в социальной, политической, экономической и культурной жизни в России. Ср.: *чёрный список* авиапассажиров, *чёрный список* Шенгенской зоны, *чёрный список* городов, *чёрный список* невыездных; *чёрный список* международной морской организации; *чёрный список* поставщиков продуктов; *чёрный список* продуктов с трансгенами; *чёрный список* диктаторов и террористов; *чёрный список* жертв; *чёрный список* экологов; *чёрный список* авиакомпаний; жилищный *чёрный список*; *чёрный список* самолетов; *чёрный список* фильмов; *чёрный список* хлебокомбинатов; *чёрный список* роддомов; *чёрный список* должников банка; *чёрный список* пожароопасных зданий; *чёрный список* АЗС; *чёрный список* артистов; *чёрный список* режиссёров; *чёрный список* холдингов; *чёрный* маньячный *список*.

По аналогии с фразеологизмом *чёрный день* образованы и функционируют фразеологизмы, которые можно объединить в группу «чёрные дни недели»: *чёрный понедельник* — 14 употреблений, *чёрный вторник* — 52, *чёрная среда* — 2, *чёрный четверг* — 5, *чёрная пятница* — 6, *чёрная суббота* — 5 и *чёрное воскресенье* — 1.

Достаточно высокую степень частотности имеет неологизм *чёрный пиар* — 99 употреблений, иногда представленная в трансформированном виде с расширенным компонентным составом — *чёрный и лживый пиар*. Например: *В отместку за это грянули силовые*

проверки, носящие очевидные признаки «заказа», черный и лживый пиар в СМИ, подконтрольных Язеву В. А. Запахло заурядным «черным рейдерством» [Зачем госдепу Язеву аварии на нефтепроводе? // Новый регион 2, 2007. 11. 13] [цит. по: 5].

Реже встречаются в СМИ неофраземы *чёрный рынок* — 85 употреблений, *чёрный нал* — 49, *чёрная магия* — 10, *чёрные деньги* — 6, *чёрный маг* — 4, *чёрное рейдерство* — 1. Неофраземы *чёрная биржа* и *чёрная валюта* в газетном корпусе «Национального корпуса русского языка» не зафиксированы.

С компонентом *красный* в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998 г.) актуализированы 3 фразеологизма, которые нельзя отнести к группе неологизмов:

красное знамя (уход в пассив) — в советск. время государственный флаг Советского Союза и символ революционных коммунистических идей [6, с. 255];

красная книжка (уход в пассив) — разг., в советск. время: удостоверение (обычно с красными корочками) высокопоставленного, чаще партийного лица, дающее право на льготы [6, с. 300];

красный уголок — помещение на предприятии, в учреждении и т.п., специально предназначавшееся для культурно-просветительской работы [6, с. 338].

В издании Словаря Г. Н. Складневской 2005 года колоратив *красный* сопровождается пометами *полит.*, *неодобр.* В словарную статью добавлены омонимичные фраземы *красный богатырь*¹ (обычно о войне) и *красный богатырь*² (в названиях государственных предприятий и учреждений) [7, с. 390], а также *красная сборка* (о вычислительной технике, собранной в России); *красный пиджак* = *малиновый пиджак* с пометами «разговорн., насмешл.» (о новых русских) [7, с. 390—391].

Кроме того, здесь же актуализированы субстантивированные прилагательные *красно-коричневые* и *красно-белые*: *красно-коричневые* в значении «совокупность организаций и движений национал-коммунистической ориентации и представители этих организаций и движений» с пометой «полит., неодобрительное» (в первом издании маркированное как относительно новое слово — «зафиксировано в словарях последнего десятилетия» [6, с. 338; 7, с. 390], а *красно-белые* — с пометой «жаргон.» в значении «о футболистах команды клуба «Спартак» Москва; о фанатах этой футбольной команды» [7, с. 389].

Неофраземы с компонентом *красный*, описанные в названных словарях Г. Н. Складневской, в «Национальном корпусе русского языка» не зафиксированы. Однако там отмечено употребление фразеологизма *красная сборка*: *Будем честными — сделать «с листа» оригинальный автомобиль нам уже не удастся* [*Красная сборка* (2002) // «Автопилот», 2002.08.15] [цит. по: 5].

С компонентом *жёлтый* в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998 г.) актуализированы 2 фразеологизма, которые были включены и в издание 2005 года:

жёлтая пресса — о низкопробной, пошлой, недобросовестной печати, ориентированной на скандальные публикации [6, с. 229; 7, с. 251];

жёлтая сборка (информ.) — о вычислительной технике, собранной в странах Азии; противоп. *белая сборка* [6, с. 229; 7, с. 251].

Издание Словаря Г. Н. Складневской 2005 года дополнено неофраземой *жёлтые страницы* в значении «принятое в международной практике название городских телефонных справочников, обычно бесплатных» [7, с. 252].

В «Национальном корпусе русского языка» неофразема *жёлтая пресса* употреблена с коэффициентом 71, *жёлтые страницы* — с коэффициентом 23, *жёлтая сборка* не зафиксирована.

С компонентом *зелёный* в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998 г.) зафиксирован впервые 1 фразеологизм, оставшийся в издании 2005 года:

зелёный компьютер (информ.) — автоматически переключающийся в режим сниженного энергопотребления, когда компьютер включён, но не используется) [6, с. 254; 7, с. 286].

В издание Словаря Г. Н. Складневской 2005 года внесены омонимичные неофраземы-кальки:

*зелёная карта*¹ — вид на жительство в Америке, от англ. green card;

*зелёная карта*² — действующая за рубежом страховка гражданской ответственности владельца автотранспортных средств на случай нанесения им в дорожно-транспортном происшествии ущерба кому-л. [7, с. 286].

В «Национальном корпусе русского языка» неофразема *зелёная карта*² употреблена с коэффициентом 14, *зелёный компьютер* и *зелёная карта*¹ не зафиксированы.

С компонентом *голубой* в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998 г.) актуализирован 1 фразеологизм, оставшийся и в издании 2005 года:

голубые каски — миротворческие войска ООН [6, с. 174; 7, с. 177].

Кроме того, издание Словаря Г. Н. Складневской 2005 года дополнено омонимичными неофраземами-кальками:

*голубая фишка*¹ — [англ. blue chip], надёжная акция или ценная бумага крупнейших промышленных компаний [7, с. 177];

*голубая фишка*² — [англ. blue chip], фин., о компании, пользующейся общенациональной известностью и финансовой надёжностью [По цвету самой дорогой фишки в покере] [7, с. 177].

В «Национальном корпусе русского языка» неофразама *голубые каски* употреблена с коэффициентом 32, *голубая фишка*² — с коэффициентом 9, *голубая фишка*¹ не зафиксирована.

В Словари Г. Н. Складневской не вошли неофраземы с компонентом *синий*, хотя в СМИ можно встретить такой фразеологизм, как *синие воротнички*, имеющий значение «работники физического труда». В газетном корпусе национального корпуса современного русского языка эта неофразама имеет частотность 5. Например: *Если на старте реформирования отечественной экономики нехватка рабочих рук ощущалась не столь отчетливо, то ныне с широким внедрением современной техники и технологий, стандартов производства «синие воротнички» оказались остро востребованными* [Расул Аскеров, зав. отделом профтехобразования Института проблем образования. Профтех вступил на путь возрождения // Известия, 2007. 11. 28] [цит. по: 5].

В материалах газетного корпуса «Национального корпуса русского языка» зафиксированы отсутствующие в анализируемых нами словарях Г. Н. Складневской неофраземы *оранжевая революция* — 224 употребления, *цветные революции* — 86 употреблений и *оранжевая коалиция* — 75 употреблений.

Цветная революция — термин, которым принято обобщенно называть ряд общественно-политических событий, произошедших в мире в конце двадцатого — начале двадцать первого веков. Это серии массовых уличных протестов, происходящие на фоне парламентских или президентских выборов, которые обычно завершаются сменой политического режима страны.

Достаточно подробно неофразама *цветные революции* толкуется в монографии Т. Н. Астафуровой и А. В. Оляничя «Лингвосомиотика власти: знак, слово, текст». Авторы перечисляют все цветные революции, начиная с Великой Октябрьской 1917 года, номинированной в англоязычном дискурсе как «Red Revolution» (*красная революция*, где колоратив *красный* ассоциируется с кровопролитием). Характеризуя ненасильственное свержение власти начала XX века, авторы монографии называют *белую революцию* в Иране; *жёлтую революцию* в Улан-Баторе (Монголия), «участники которой повязали жёлтые шарфы и прошли по центральным улицам столицы, протестуя против фальсификации результатов парламентских выборов 2004 года»; *синюю революцию* 2005 года в Кувейте, получившую «колористическое наименование из-за синего цвета транспарантов», которые несли женщины-демонстранты, отстаивающие свои права; *голубую* (джинсовую) *революцию*, прошедшую в марте 2006 года в Белоруссии, которую назвали по выбранному протестующими в качестве символа свободы голубой цвет джинсов — массовой одежды молодёжи; *зелёную революцию*, инспирированную исламской молодёжной группой «Йокс!» в Азербайджане (2005 г.; зелёный цвет — цвет ислама); пурпурную революцию, номинированную авторами как «искусственно насаждаемые США демократические

перемены в Ираке (2005 — 2007 гг.); цветосемиотика события обусловлена цветом мастики, которой покрывались большие пальцы неграмотных избирателей для использования отпечатка пальца вместо подписи на бюллетенях»; *оранжевую революцию* в Украине (2004 г.), возглавляемую В. Ющенко и Ю. Тимошенко «против победы во втором раунде президентских выборов ... В. Януковича. Цветосемиотика агональности передана оппозицией «оранжевые» (Ющенко) v.s. «голубые» (Янукович) [8, с. 113—115]. Авторы монографии отмечают, что «цветосемиотика институциональности маркирует различные сферы жизни общества и носит ярко выраженный этноспецифический характер, связанный с географическими, историческими, социальными и лингвокультурными особенностями нации. Институциональные колоремы варьируются в зависимости от специфики когнитивного освоения объективной действительности и формирования соответствующей языковой картины мира этносом» [8, с. 117].

Подводя итоги, можно сказать, что цветовая палитра жизни современного русскоязычного пространства представлена весьма разнообразно. В лингвоцветовой картине мира доминируют ахроматические цвета, т.е. мир всё-таки *чёрно-белый*. Материалы словарей под редакцией Г. Н. Складневской регистрируют как мелиоративную, так и пейоративную семантику неофразем с компонентами-колоративами, ярко и образно представляющими социальные, политические и экономические преобразования, происходящие в наше время.

Литература и примечания

- 1. Розсоха В. А.** Идеология и общество в фокусе колоративов // Научные записки Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки» : сб. научн. трудов [Структура и содержание связей с общественностью в современном мире] / В. А. Розсоха. — Луганск — Цюрих — Женева, 2002. — С. 118—124.
- 2. Розсоха В. А.** Мир цвета в словаре В. И. Даля и цвет современного мира» / В. А. Розсоха // Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования. — Киев, 2002. — С. 225—230.
- 3. Розсоха В. А.** Идеологически маркированное значение колоратива *белый* в толковых словарях советского и постсоветского общества» / В. А. Розсоха // Вісник Запорізького державного університету. Філологічні науки. — Запоріжжя, 2002. — № 2. — С. 96—101.
- 4. Крысин Л. П.** Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. — 2002. — № 6. — С. 27—34.
- 5. Национальный корпус русского языка.** [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : <http://ruscorpora.ru/search-main.html>
- 6. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения** / Е. Ю. Ваулина, Т. И. Гайкович, А. В. Зеленин и др.; под ред. Г. Н. Складневской; ИЛИ

РАН. — СПб. : Фолио-Пресс, 2001. — 700 с. 7. **Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия : более 7000 слов и устойчивых сочетаний / Е. Ю. Ваулина, Т. И. Гайкович, А. В. Зеленин и др.; под ред. Г. Н. Складневской; ИЛИ РАН.** — М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. — XLVI, 894 [4] с. 8. **Астафурова Т. Н.,** Олянич А. В. Лингвосомиотика власти: знак, слово, текст / Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич. — Волгоград : ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. — 244 с.

¹ См. также наши работы: «Идеология и общество в фокусе колоративов» [1], «Мир цвета в словаре В. И. Даля и цвет современного мира» [2], «Идеологически маркированное значение колоратива *белый* в толковых словарях советского и постсоветского общества» [3].

² В примечании Л. П. Крысин поясняет: «Когда такая демократическая процедура, как голосование, получила распространение в России, никаких шаров как инструментов голосования не было — голосовали бюллетенями» [4, с. 33].

³ Национальный корпус представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п. ... Он предназначен в первую очередь для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов — от одного до двух столетий... Корпус современного русского языка соответствует периоду середины XX — начала XXI века и имеет объем более 100 млн. словоупотреблений. Ценность таких электронных собраний текстов определяется тем, что они ускоряют и упрощают лингвистическую обработку данных (см. об этом подробнее : [5]).

Розсоха В. О. Колірна палітра неофразем, або Чи чорно-білий сучасний світ?

У статті на матеріалі газетних текстів «Національного корпусу російської мови» та сучасних тлумачних словників аналізуються нові фразеологізми з колірним компонентом, які стали комунікативно-мовленнєвими маркерами в російськомовній картині світу кінця XX — початку XXI століття.

Ключові слова: неофраземи, фразеологізми-неологізми, колоративи, мова кінця XX — початку XXI століття.

Розсоха В. А. Цветовая палитра неофразем, или Чёрно-бел ли современный мир?

В статье на материале газетных текстов «Национального корпуса русского языка» и современных толковых словарей анализируются

новые фразеологизмы с цветовым компонентом, ставшие коммуникативно-речевыми маркерами в русскоязычной картине мира конца XX — начала XXI века.

Ключевые слова: неофраземы, фразеологизмы-неологизмы, колоративы, язык конца XX — начала XXI века.

Rozsokha V. A. The colour palette of neophrasemes, or Is the modern world black and white?

The article is based on the newspaper texts of 'National Academy of Russian Language' and modern explanatory dictionaries. It analyses the new idioms containing a colour component which have become communicative speech markers in the Russian speaking picture of the world of the 20th and the beginning of the 21st centuries.

Key words: neophrasemes, idiomatic neologisms, colouratives, language of the 20th and the beginning of the 21st centuries.

УДК [338.48:378]:81'271

В. И. Ковалёв

**СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ В УКРАИНЕ:
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Ещё с лёгкой руки К. И. Чуковского медицинские метафоры стали активно применяться для оценки различных речевых явлений, обычно — негативной.

Мнимые болезни и подлинные; процветание и здоровье языка; русская речь действительно нуждается в лечении; важнейший недуг современного русского языка; имя недуга — канцелярит (по образцу колита, дифтерита, менингита); спастись от этой словесной гангрены; канцелярская речь по своей ядовитой природе склонна отравлять и губить самые живые слова; омертвелый эпитет, избегайте трафаретов, как заразы... [1].

Однако ни сам литературный отец «Мойдодыра» и «Айболита», ни его последователи не сделали теоретического осмысления и обоснования своей термино-метафорической практики. Возможно, потому, что большинство из них — писатели и журналисты. Им кажется вполне естественным, когда и в анализе речевой деятельности, подобно многим социальным сферам, применяются понятия **хорошо — плохо, полезно — вредно**. И медицинские метафоры они обычно использовали в качестве экспрессивных усилителей аргументации.

А лингвисты во второй половине XX — начале XXI веков, напротив, старательно избегали оценочных суждений о состоянии современного им русского языка. Так, ещё в 1977 году Р. А. Будагов с горечью отмечал: «Лингвисты нашего времени — и советские, и зарубежные — обычно даже не ставят вопроса о том, что такое прогресс (совершенствование) языка. Между тем, по моему глубокому убеждению, эта проблема является центральной и для теоретического, и для исторического языкознания...» [2, с. 7].

Ничего принципиально не изменилось и в последующие годы. И это нельзя объяснить долговременной стабильностью системы языка и его подсистем. Наоборот, в странах, составлявших СССР, на последние полтора десятилетия XX — начало XXI веков пришлись стремительные и коренные преобразования экономической и социальной сфер. И всё это существенно отразилось на лексике и стилистике русского языка, причём изменения осознаются как значительные даже рядовыми его носителями.

В таких условиях, на наш взгляд, лингвисты должны чётко и оперативно регистрировать языковые факты, определяющие новые направления развития языка; давать прогностические оценки этим направлениям и вырабатывать рекомендации по нормам и культуре речи, актуальные для всех социальных групп.

К сожалению, современные филологи фактически самоустранились от исполнения профессиональной обязанности — быть законодателями и экспертами речевых вкусов. Показательно название одного из разделов коллективной монографии, которая была подготовлена специалистами из Института русского языка им. В. В. Виноградова и посвящена активным процессам в русском языке на рубеже 80 — 90 годов XX столетия: «Мы не нормализаторы» [3]. Такая же целеустановка преобладала в следующей работе этого авторитетнейшего научного коллектива русистов [4].

А ведь не только для школы, но и средств массовой информации, и представителей многих профессий, которые связаны с публичной коммуникацией, актуальны речевые ориентиры в системе координат «Что такое хорошо и что такое плохо» (**уместно — неуместно, красиво — некрасиво, эстетично — вульгарно, культурно — грубо, оригинально — пошло** и т.д.).

По нашему мнению, помочь в решении этой насущной проблемы могут медицинские метафоры, которые обладают не только экспрессивным, но также большим когнитивным и объяснительным потенциалом.

Использование метафор в познавательном процессе уже анализировалось в работах Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, Д. Лакоффа (Lakoff J.), М. Джонсона (Johnson M.), П. Рикёра (Ricoeur P.) и др. Однако интересующий нас аспект (**медицинская метафора как средство наглядного раскрытия сущности речевых явлений, а также их оценки**) даже не упоминался. Это представляется тем более нелогичным, если принять во внимание, что в рассматриваемый период

такие метафоры не только сверхчасто использовались в публицистике при анализе реалий политической и экономической жизни, но также активно изучались лингвистами [5].

Нам уже приходилось рассматривать заявленную проблематику на материале русской речи в средствах массовой информации России [6].

Высокая степень общности информационного и коммуникативного пространства, а также всеуровневая интенсивность экономических и культурно-языковых контактов между Украиной и Россией делают логичным и необходимым продолжение исследования в рамках коммуникативного пространства Украины.

Всё вышеизложенное предопределяет **актуальность** нашей темы и основные **цели** данной работы:

1. На протяжении 2009 — первой половины 2010 годов собрать в доступных нам сферах публичной коммуникации на территории Украины максимальное количество речевых примеров, которые можно квалифицировать как отклонения от языковых норм с точки зрения традиционной стилистики.

2. Выделить в собранном материале те словоупотребления, которые интуитивно воспринимаются как неуместные в данной ситуации общения, портящие русский или украинский язык, а затем проанализировать их с точки зрения коммуникативной целесообразности и возможности синонимичной замены стилистически более адекватным словом.

3. Классифицировать полученные примеры с применением медицинских метафор.

4. Сопоставить результаты анализа с данными предыдущего этапа исследования, выполненного на материале российских СМИ.

5. Наметить практические рекомендации по повышению коммуникативной культуры современных носителей русского и украинского языков в Украине.

Сегодня в различных сферах и каналах публичной коммуникации у нас активно используются как украинский, так и русский языки, так что вполне можно констатировать наличие на территории Украины единого русско-украинского коммуникативного пространства (дискурса). Поэтому сбор и отбор речевого материала, а также его анализ и классифицирование мы проводили параллельно, с учётом взаимодействия и взаимовлияния этих двух языков.

Такая организация исследовательской работы, на наш взгляд, обеспечивает более объективные теоретические результаты и позволяет выработать практические рекомендации, которые будут полезны для повышения коммуникативной культуры носителей как русского, так и украинского языков.

Работа над собранным речевым материалом проходила в три этапа.

На **первом** (его точнее было бы назвать предварительным) сам процесс поиска и первичного осмысления экспериментального материала помог уточнить и окончательно сформулировать следующие теоретические основы исследования.

Подобно биологическим организмам, язык представляет собой развивающуюся по своим внутренним законам систему, которая открыта ещё и для внешнего влияния. А оно может быть как положительным, здоровым, так и отрицательным, болезнетворным.

Отрицательным, на наш взгляд, следует считать такое влияние на языковую систему, которое искажает её естественное развитие, замедляет его, привносит чужеродные бесполезные элементы.

Разграничение здоровых и нездоровых речевых феноменов можно проводить по следующим критериям:

- функциональная необходимость — функциональная бесполезность,
- созидательный — разрушительный характер по отношению к системе языка или её подсистемам,
- эстетичность — антиэстетичность...

Мы понимаем, что данный перечень ещё неполон, но на данном этапе работы его вполне можно считать достаточным для адекватной оценки анализируемых речевых феноменов. Последующие исследования помогут уточнить и дополнить его.

К числу болезней современной русской и украинской речи, которые массово поразили речевое сознание, относятся: **перенасыщенность заимствованиями** (чаще всего — из английского языка), **стилевая интерференция** (неоправданное употребление в высказывании определённого жанра языковых средств разной стилевой принадлежности, смешение стилей), **эстетическая глухота речевого сознания** (снижение эстетического уровня речевого слуха), а также **межъязыковая интерференция** (суржик).

Использование медицинских метафор при описании и анализе современного коммуникативного поведения представляется целесообразным ещё и ввиду стабильного и долговременного снижения уровня массовой речевой культуры. Этот процесс принял такие масштабы и направление, что необходимо говорить не о своеобразии и отклонениях от нормы, а именно о болезнях речи. Кроме того, применение общеизвестных медицинских терминов делает более доходчивой просветительскую работу в средствах массовой информации и учебных заведениях.

На втором этапе были исключены примеры, в которых интересующие нас особенности могли появиться в результате недостатка времени на языковое оформление коммуникативного замысла (ситуации телевизионного интервью и других разновидностей импровизированного диалога, неподготовленного монолога и т.п.) либо как следствие низкого уровня общей коммуникативной культуры (автор речи ввиду своей

национальной или профессиональной принадлежности, возраста или образовательного уровня не может считаться типичным носителем литературного русского либо украинского языков).

Таким образом, экспериментальную базу составили примеры из таких жанров, где появление интересующих нас речевых феноменов не могло быть вызвано случайностью (подготовленные монологи (устные и письменные) журналистов, политиков и других представителей коммуникативных профессий, титры, городские вывески, рекламные тексты и т.п.).

На **третьем этапе** было параллельно проанализировано 486 речевых примеров на русском языке и 503 — на украинском. Авторами речи во всех случаях были жители Украины. Такое количество экспериментального материала вполне сопоставимо с экспериментальной базой предыдущего исследования [6] и достаточно для получения объективных выводов.

В дальнейшем изложении сначала даётся ряд типичных примеров из числа собранных нами (на русском языке — курсивом, на украинском — полужирным курсивом, анализируемые речевые явления выделяются в контексте разрядкой), а затем — их осмысление с позиций развиваемой нами концепции.

1) *Если бы фронтмен рок-группы «Океан Эльзы» Святослав Вакарчук знал, кто придёт на его место в ВР!* 2) *Ещё один подарок "Ворскла" планирует сделать коучу через неделю.* 3) *Ещё не было лучше времён, чем сейчас, для замены старых деревянных окон на новые металлопластиковые: цены ниже и более короткий термин и нсталаляция и.* 4) *Городские вывески: Реставрация подушек и перин; Регенерация картриджей; Кофе-хаус.* 5) *Газетные рубрики: Drive; Промо; Гламур.*

1) **Перемоги Енді Мюррея над топ-овими гравцями вже давно не є сенсацією.** 2) **Тепер острів Тасіро – туристична атракція.** 3) **Фестиваль етнічної музики.** (Телевізійний титр) 4) **Міські вивіски: Ресторан Ле борц; Цирюльня «For you»; Міська СІТІ кав'ярня.** 5) **Телевізійні рубрики: ЗЕ БЕСТ; НОН-СТОП; Live наживо.**

Здоровый в речевом отношении носитель языка легко и успешно заменил бы выделенные «неологизмы» на хорошо знакомые, ясные и не менее выразительные слова. Например, *фронтмен* — *солист, лидер, вождь*... А *коуч* может быть не только *тренером, наставником, руководителем*, но и — в зависимости от коммуникативного намерения автора и ожиданий адресата — *атаманом, вождём, учителем, папой*...

Аналогично в украинских примерах: *топові гравці* — *кращі, провідні, зіркові, видатні*; *етнічна музика* — *народна, рідна, самодіяльна, традиційна, фольклорна, прадавня*...

Что хотели сказать авторы рекламного буклета своей *инсталляцией*, непонятно без обращения к специальным справочникам даже мне, профессиональному филологу. А вывеска из следующего примера (№4) потребовала дополнительного комментария на приклеенном рядом

объявлении: «Это замена пера и чистка наперника». Всех подобных трудностей можно было избежать. Надо только не гнаться за престижным, на первый взгляд, иноязычным словом. Например: «Вторая жизнь подушек и перин».

Аналогично и в украинскоязычной коммуникации: услышав «туристична атракція», телезритель переключается с восприятия сообщения на разгадывание семантики диковинного словосочетания, упуская последующую информацию.

Кроме того, уже сам факт, что заимствования-неологизмы массово применяются в таких коммуникативно устойчивых, рассчитанных на долговременное использование в неизменном виде текстах, как рубрики СМИ и городские вывески, — свидетельствует о широкой распространённости анализируемого речевого феномена.

Регулярное привлечение новых, зачастую плохо освоенных языком заимствований с затемнённым морфемным составом для выполнения той коммуникативной работы, с которой успешно справляются многие исконно русские и украинские слова, постепенно делает русскую речь всё менее русской, украинскую — всё менее украинской. Кроме того, такой образ коммуникативных действий, при условии его частотности, можно диагностировать как болезнь речи. На высокую степень опасности этого заболевания указывает его широкое распространение в публичном общении представителей коммуникативных профессий различных возрастов.

Таким образом, употребление словесного «секонд-хенда» уже не является отличительной чертой молодёжи, которая только ищет коммуникативные ориентиры и идеалы, а потому регулярно и охотно экспериментирует с разносортными языковыми средствами. Напротив, перенасыщенность заимствованиями коммуникативного пространства Украины оказывает серьёзное влияние на формирование упомянутых идеалов и ориентиров.

1) Мы все видели, как она (Светлана Лобода — В.К.) работает. Энергетика так и прёт. 2) Мы уехали на месяц. Такая любовь была, что буквально сносило бошки у. 3) Записывайте на свой телефон непревзойдённые шутки, розыгрыши и приколы. 4) Опять коалиция взяла на понт «регионалов». 5) Завазывает! Скажи наркотикам НЕТ! (Социальная реклама на ученической тетради).

*1) На ф е с т приїхали гуцули, бойки, лемки. 2) Зараз ім'я Андрія Кузьменка асоціюється з відомим музикантом, успішним шоуменом і дуже прикольною людиною. 3) Співачка Світлана Лобода випустила нову лінію одягу під назвою F*ck the crisis. 4) Головне — все на халяву. 5) Ульотний розпродаж на всю техніку.*

Мы согласны с выводом, который сделал применительно к современной русской речи в России В. Г. Костомаров: «Причудливые смещения разнородных стилистических средств — естественный признак людей, не владеющих стилевыми навыками. Это и извечный приём создания в тексте комического эффекта, вообще языковой игры. Отражая случаи,

когда комический эффект возникает непредумышленно, в силу небрежности или малограмотности, такие смешения служат привычным приёмом речевой характеристики персонажей в беллетристике. Но они, к сожалению, стали в наши дни неиссякаемым источником наипростейшего, бесхитростного и незатейливого удовлетворения конструктивной жажды экспрессии в текстах масс-медиа, из которых распространяются на всё наше языковое существование — «незаконно», заразительно, развращающе и угрожающе» [7, с. 234].

Собранные нами материалы показывают, что приведённая оценка справедлива и для современной русской и украинской речи в Украине. Будучи объективно одним из многих экспрессивно-риторических приёмов, **стилевая интерференция** — ввиду неумеренной частоты употребления — субъективно воспринимается большинством нынешних носителей как русского, так и украинского языков в качестве обязательного украшения почти любого общения.

Гипертрофированная представленность сниженной лексики во всех жанрах общения может быть диагностирована как болезнь современной речи. На уровне индивидуального речевого сознания заболевание обычно протекает следующим образом.

Первая стадия: носитель с удовольствием употребляет сниженную лексику в различных ситуациях и жанрах устного общения, при этом способность к выбору между просторечным и нейтральным словом, дисфемизмом и эвфемизмом — сохраняется.

Вторая стадия: сниженная лексика проникает в письменную коммуникацию, при речепорождении память в первую очередь предлагает разговорные и просторечные слова-кандидаты, а межстилевые и высокие синонимы припоминаются во вторую очередь либо не вспоминаются вовсе.

О третьей стадии мы, к радости, можем судить пока только прогностически. Однако никакой радости этот прогноз не принесёт: при отсутствии лечения постепенно нарастают примитивизация речевого сознания, неспособность понять и передать большую часть коннотаций, стилистическая слепота, глухота и немота.

Попутной болезнью по отношению к вышеописанной **является эстетическая глухота речевого сознания**, или **снижение эстетического уровня речевого слуха**. Сфера её распространения — преимущественно устное общение. Однако в последнее время она проявляется и в подготовленных письменных текстах. Такой диагноз может быть поставлен, если говорящий ненамеренно употребляет языковые средства, вызывающие незапланированный грубо-комический эффект.

1) *Валерий Андреевич, разрешите к с е р а н у т ь один документ.*
2) *У нас в ш о п е есть всё!* (Рекламный слоган) 3) *П р е с е р в ы рыбные. Кусочки в горчичном соусе.* (Этикетка рыбных консервов).

1) *Пельмені «Дригало».* 2) *Сирок СУПЕРСТАР* 3) *«Ху із... Михайло Поплавський?»* (Назва документального фільму).

Кроме того, следствием нарастающей эстетической глухоты массового речевого сознания является и широкое распространение сквернословия в устном неофициальном и даже официальном общении. В этом процессе в последнее время наметились две новые тревожные тенденции.

Во-первых, сквернословие быстро молодеет: сейчас оно уже входит в активный словарный запас значительной прослойки 7 — 9 летних школьников.

Во-вторых, многие табуированные языковые средства не только часто употребляются в функции универсальных оценочных лексем, междометий, вводных слов, местоимений, но ещё и не воспринимаются носителями как русского, так и украинского языков в качестве неуместных и оскорбительных для адресата и окружающих...

... Если записать в одну строку все случаи употребления **суржика** в публичной коммуникации на территории Украины за период проведения нашего исследования — такая строка, возможно, протянулась бы через всю страну от Карпат до Донбасса.

При этом мы не учитываем случаи использования суржика в качестве экспрессивно-риторического приёма, что характерно, например, для сценических образов Верки Сердючки, Кузьмы «Скрябина», «Братьев Гадюкиных» и некоторых других артистов. Речь идёт строго о суржике как ненормированном, избыточном в функционально-семантическом аспекте и антиэстетичном соединении языковых средств русского и украинского языков в речевой деятельности.

Наше время вполне заслуживает названия эпохи триумфального шествия суржика по всем сферам и жанрам общения. Суржик можно услышать в устной речи как рядовых граждан, живущих в самых разных регионах Украины, так и высших государственных деятелей — президента, премьер-министра, председателя и депутатов Верховной Рады. Суржик можно увидеть в телевизионных титрах и газетных статьях, на этикетках товаров и рекламных плакатах. Суржик появляется в интервью и бытовых беседах, неподготовленных и подготовленных монологах, авторских текстах и текстах, прошедших редактирование. В ответ на адресованный студентам-филологам вопрос: «На каком языке говорят в вашем городе (деревне, семье)?» часто приходится слышать: «На суржике»...

Это заболевание по своим типологическим признакам существенно отличается от вышеописанных.

Во-первых, оно имеет гораздо более продолжительную историю: суржик как речевое извращение отражён в одном из первых произведений украинской классической литературы — «Наталке Полтавке» И. П. Котляревского.

Во-вторых, для существования этого речевого феномена в коммуникативном пространстве Украины есть достаточно объективные основания. Дело в том, что явление узуального «смешения» языков наблюдается практически во всех регионах планеты, где на протяжении

относительно длительного периода в основных социальных сферах имеет место повседневная коммуникация на двух и более языках. В нашем случае ситуация осложняется тем, что контактирующие языки — близкородственные. Это существенно затрудняет дифференциацию языковых средств при речепорождении.

Несмотря на то, что суржик известен достаточно давно, именно на последние два десятилетия приходится активное проникновение этой речевой болезни во многие каналы публичной и массовой коммуникации. Причём если во второй половине XX столетия суржик проявлялся преимущественно в виде неоправданного употребления русизмов в украинской речи, то ныне всё активнее происходит ненормированное проникновение украинизмов в русскоязычную коммуникацию.

Сопоставление результатов исследования, представленного в этой статье, с данными анализа аналогичных речевых феноменов на материале российских СМИ [6] позволяет сделать следующие **выводы**.

1. В коммуникативном пространстве России и Украины на исходе первого десятилетия XXI века обнаружены сходные активные процессы, которые оказывают негативное влияние на массовое речевое сознание и коммуникативную культуру. Применительно к Украине приведённая характеристика в равной степени относится и к русской, и к украинской речи.

2. Использование медицинских метафор («болезни речи» и т.п.) для обозначения вышеупомянутых процессов позволяет более наглядно и полно отразить их сущность, в том числе — в аксиологическом аспекте, а также способствует работе по повышению массовой коммуникативной культуры.

3. К числу наиболее распространённых болезней русской (в коммуникативном пространстве как России, так и Украины) и украинской речи относятся: перенасыщенность заимствованиями, стилевая интерференция, эстетическая глухота речевого сознания. Кроме того, только в коммуникативном пространстве Украины для русской и украинской речи в публичной коммуникации характерно такое массовое заболевание, как русско-украинская межъязыковая интерференция (суржик).

Основные **перспективы** исследования мы видим в разработке системы формирования в каждом человеке с детских лет сильной коммуникативной личности, способной самостоятельно диагностировать «здоровые» и «болезнетворные» языковые средства и речевые привычки, а также ориентированной в своём коммуникативном поведении на здоровую и красивую речь.

Литература

1. **Чуковский К. И.** Живой как жизнь (Разговор о русском языке) / К. И. Чуковский. — М. : «Молодая гвардия», 1962. — 176 с.
2. **Будагов Р. А.** Что такое развитие и совершенствование языка? / Р. А. Будагов. — М. : Наука, 1977. — 264 с.
3. **Русский язык конца XX столетия (1985 — 1995)** / Отв. редактор Е. А. Земская. — М. : «Языки русской культуры», 1996. — 480 с.
4. **Современный русский язык: Социальная и**

функциональная дифференциация / [отв. редактор Л. П. Крысин]. — М. : Языки славянской культуры, 2003. — 568 с. **5. Филатенко И. А.** Политическая аритмия, или Метафора болезни в современном газетном тексте / И. А. Филатенко // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. — 2005. — №1. — С. 47—50. **6. Ковалёв В. И.** Болезни современной русской речи: диагностика, лечение, профилактика / В. И. Ковалёв // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. — 2007. — №11 (128). — С. 169—175. **7. Костомаров В. Г.** Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. — М. : «Гардарика», 2005. — 287 с.

Ковальов В. І. Стан сучасного мовлення в Україні: комунікативно-прагматичний і лінгводидактичний аспекти.

У статті розглянуто активні мовні процеси, що відбуваються в комунікативному просторі України. Наводиться класифікація негативних тенденцій у мовленні та пропонуються шляхи їх подолання.

Ключові слова: комунікативний простір, хвороби мовлення, сильна комунікативна особистість.

Ковалёв В. И. Состояние современной речи в Украине: коммуникативно-прагматический и лингводидактический аспекты.

В статье проанализированы активные языковые процессы в коммуникативном пространстве Украины. Приводится классификация негативных тенденций в речи и предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, болезни речи, сильная коммуникативная личность.

Kovalyov V. I. The condition of modern Russian in Ukraine: communicative-pragmatic and linguistic-didactic aspects.

Active linguistic processes which are happening in communicative area of Ukraine are analyzed. Classification of negative speech tendencies is adduced and ways of resisting them are proposed.

Key words: communicative environment, speech diseases, strong communicative personality.

УДК 811.161.1'42

Т. А. Пономарёва

**О ФЕНОМЕНЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале поэзии Дмитрия Александровича Пригова)**

*...любое наше письмо есть
письмо по мотивам. По мотивам
всего безумно понаписанного за
всю историю человечества.*

Д. А. Пригов

Изменения, происходящие в обществе на стыке тысячелетий, закономерно находят своё отражение в художественном творчестве. Язык современной поэзии по-своему воссоздает состояние современного социума, для которого характерен слом стереотипов и запретов, переосмысление идеологии, поиск новых ценностных ориентиров.

Независимо от направлений и школ, которых в современной поэзии выделяется множество, можно назвать ряд типологических свойств, характерных в целом для всей поэзии рубежа веков. Это особое, «внешнее» отношение к слову и, как следствие, множество инноваций в структуре стиха; «уход» автора и стремление вывести на первый план поэтический текст; модус отрицания как проявление мировоззрения; стирание границ «высокое» — «низкое», «серьезное» — «шутливое»; особые «отношения» с «чужим» словом и другие. Некоторые из этих свойств были описаны в работах исследователей [1; 2; 3 и др.], рассмотрены в некоторых наших работах [4 и др.].

Цель данной статьи — анализ интертекстуальных явлений, которые обнаруживаются в современном поэтическом дискурсе, в частности, в поэзии Дмитрия Александровича Пригова; описание идиостилевых особенностей творчества этого поэта.

Обращение к творчеству Д. А. Пригова обусловлено рядом причин.

Во-первых, в литературе XX — XXI веков Дмитрий Пригов занимает своё значительное место. «Его сочинения можно было любить и ненавидеть, принимать и отвергать, но его статус был самоочевиден — имя «Пригов» давно стало словом, оторвалось от текстов, превратившись в символическое обозначение художественной тенденции, школы, направления, эпохи» [5]. По мнению А. Кобринского, «Приговский стиль» стал таким же фактом русской литературы, как «онегинская строфа» [6].

Во-вторых, несмотря на огромное количество его стихов, частые выступления и интервью (прерванные, к сожалению, смертью в 2007

году), многочисленные публикации о нём, Д. А. Пригов по-прежнему остаётся малоизученным поэтом.

Творческая личность Д. А. Пригова многогранна. «Дмитрий Александрович Пригов — это, как он сам о себе говорил, целый проект, распространяющийся на все грани бытия. И поэт, и скульптор, и художник, и сам человек были лишь элементами целостного проекта — и, соответственно, вели себя так, чтобы эту целостность поддержать и сохранить» [6].

Тот Пригов, который известен сегодня, стал формироваться к началу 1970-х годов. Тогда появился и этот имидж — Пригов Дмитрий Александрович, с именем-отчеством.

Д. А. Пригов, начинавший свою поэтическую деятельность с вполне традиционных стихов, стал затем одним из основателей русского концептуализма. Это направление М. Эпштейн очень метко назвал «поэзией перечёркнутых слов, которые сами снимают себя в момент высказывания, как ничего не означающие» [3]. Советская реальность с её лозунгами и штампами не просто существует в поэзии концептуалистов, а развивается до предела, многократно увеличивая их абсурдность. «Концептуализм не спорит с зажигательными идеями, а раздувает их до такой степени, что они сами гаснут» [3].

Одной из ярких особенностей современной поэзии вообще и концептуализма в частности является активное обращение к «чужому» слову. Нам кажется справедливой мысль о том, что главным принципом постмодернизма можно считать «культурную опосредованность» (В. П. Руднев) [1, с. 77].

Как отмечает М. Айзенберг, увлекательность концептуального метода состоит в том, что чужие голоса и стили в сегодняшней литературной ситуации «ещё поддаются композиционной режиссуре и сюжетной игре. На этом поле Дмитрий Пригов свил в одно целое свой игровой темперамент и методичность экспериментатора-испытателя, языкового алхимика» (цит. по [7, с. 175]). И действительно, поэзия Пригова сплошь интертекстуальна, это своеобразный гипертекст, сочетающий лозунги и штампы советского времени, прецедентные имена, известные литературные произведения с их современной интерпретацией.

Ярким примером этой особой интертекстуальности в творчестве Д. А. Пригова может быть одно из самых его известных стихотворений 70-х годов «Широка страна моя родная». Поэт полностью воспроизводит эту официозную песню, написанную в 1936 году В. Лебедевым-Кумачом и И. Дунаевским для фильма «Цирк», вставляя в нее бесконечные ряды собственных уточнений и комментариев.

*Всюду жизнь привольна — без эксплуатации человека человеком,
без национального, расового и религиозного гнета,
и широка*

Словно Волга, Дон, Днепр, Днестр, Лена, Кама, Ока, Индигирка, Нева, Москва-река, Терек, Заравшан, Кура, Ангара, Сев. Двина, Нижняя и Верхняя Тунгуски, Обь, Иртыш, Витим, Алехма, Алдан, Истра, Нерль, Амур, Байкал, Гильменд, Амударья, Сырдарья и др.

течет,

Молодым — до 35 лет — везде — в университеты, институты, техникумы, профессиональные училища, вечерние школы и институты, аспирантуры, профессуры и т.д.

у нас дорога,

Старикам — женщинам после 50, а мужчинам после 55 лет — везде у нас почет и бесплатные пенсии от 60 руб. и выше, вплоть до персональных пенсий для особо заслуживших большевиков, и все это, не считая бесплатного лечения, образования, низкой квартирной платы и платы за коммунальные услуги, и т.п.¹ [8].

По мере развития лирического повествования, в него вводится все больше «уточняющих подробностей», так что, в конце концов, возникают строчки длиной несколько страниц. Штампы комментируются ещё большими штампами, лозунги дополняются ещё более абсурдными лозунгами. Механизм деконструкции «сходен с деконструкцией любого мифа, в котором каждый элемент сакрален и его изменение приводит к убийственным для мифа эстетическим и идеологическим результатам...» [6].

Как справедливо отмечает Н. А. Кузьмина, любой художественный текст может быть одновременно и генератором новых смыслов, и конденсатором культурной памяти. Ведь интертекст образуют художественные тексты, которые являются одновременно метатекстами — продуктами текстообразующей деятельности человека, использующими уже существующие произведения, и прототекстами — материалом для создания новых художественных произведений [1, с. 21].

В поэзии Пригова классические тексты становятся такими «генераторами новых смыслов». Яркий пример — приговская интерпретация стихотворения Лермонтова «Сон».

Долина Дагестана

*В полдневный зной в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я
Я! Я! Я! Я лежал — Пригов Дмитрий Александрович!
Кровавая еще дымилась, блестела, сочилась рана
По капле кровь сочилась — не его! не его! — моя!*

*И снилась всем, и снится, а если не снилась — то
приснится долина Дагестана
Знакомый труп лежит в долине той
Мой труп. А может, его. Наш труп!
Кровавая еще дымится наша рана*

И кровь течет-течет-течет хладеющей струей

Точные цитаты из прототекста сопровождаются вставками поэта-современника: повторяющимся местоимением *я*, полным именем автора, обилием восклицательных знаков в первой части стихотворения. Герой произведения — Дмитрий Александрович Пригов. Поэт и в других стихотворениях часто отдаёт своё имя и биографию своим персонажам (вспомним об общем художественном проекте под названием «Дмитрий Александрович Пригов»). Затем Пригов оставляет актуальный для него мотив сна, но интерпретирует его иначе: делает его всеобщим и продолжающимся в настоящем и будущем времени (*И снилась всем, и снится, а если не снилась — то / приснится долина Дагестана*). Оригинальная строка, в которой Пригов использует несколько местоимений — *мой – его – наш* — подчёркивают всеобщность, всеохватность. Употребляемые глаголы — *дымилась, блестела, сочилась рана; кровь течет-течет-течет* — делают картину натуралистической, ужасающей реальной.

Используемые в современном поэтическом тексте имена героев литературных произведений исследователи называют «точечными цитатами» (термин М. Ю. Беляковой, цит. по [1, с. 135]). Чаще всего имя персонажа имеет статус прецедентного текста, за которым в сознании носителей языка закреплён набор определённых признаков. В стихотворении «Когда б мне девушкой быть...» такими «точечными цитатами» являются имена Лолита, Наташа Ростова. Они не только несут в себе определённую информацию, но ещё и сравниваются между собой: поэт выбирает, кем бы он из них хотел быть, будь он девушкой:

*Когда б мне девушкой быть
Кудрями нежными увитой
Я не хотел бы быть Лолитой
Наташею Ростовой быть
Хотел, хотя Лолита ведь
Прекрасный образ невозможно
Я понимаю как художник
Но для себя хотел бы быть
Наташею Ростовой*

Значительное место в поэзии Д. А. Пригова занимает Пушкинский Текст — обращение к поэтическому наследию великого поэта.

Пригов-концептуалист не может относиться к Пушкину как к вечно живому классику, требующему почтения и поклонения. «Пригов протёр нам глаза своим жгучим спиртом, заставил взглянуть по-новому на слишком хорошо знакомое...» [9]:

*Я б Пушкина бюст миллионно размножил
И в каждом селенье поставил его,
А вот бы стихи я его уничтожил —
Ведь образ они принижают его.*

Перед читателем — миф о Пушкине, выстраиваемый как коллаж, основанный на переплетении идеологических стереотипов, часто не связанных и нередко противоречащих друг другу [1, с. 86]. Интересно использование слова *бюст*: это не пушкинский памятник, а его советский аналог, который устанавливался «великим» политическим деятелям.

Мотивы пушкинского «Памятника» находим в других стихотворениях Пригова.

*Памятник Пушкину сложивши
Пожитки своих медных дел
Сказал: Вот я в иной предел
Иду, вам честно отслуживши
Лелеять буду там один
Я душу, бедную малютку
Не глядя вверх, где в славе жуткой
Сидит мой прежний господин
А ныне — брат мой оцутимый*

В данном стихотворении «высокий» стиль, которым *всегда* (в усреднённом стереотипном понимании) писал Пушкин, вкладывается в уста обывателя, не понимающего значения того, что он говорит. Для Пригова важно, чтобы читателем было опознано имя Пушкина как «знак, жёстко маркирующий «высокое», а потому принципиально неприемлемое для него самого» [1, с. 92]. Именно поэтому стихи Пушкина, которые не «соответствуют» этому стилю, «принижают» образ поэта.

Ещё одно стихотворение, в котором Пригов использует реминисценции с максимальной степенью отрыва от исходного денотата — пушкинского текста:

*Когда пройдут года и ныне дикий
Народ забудет многие дела
Страх обо мне пройдет по всей Руси великой —
Ведь что писал! — Но правда ведь была!
То, что писал
Черт-те что писал
И страх какой
И правда ведь была
И страх обо мне пройдет по всей Руси великой*

Такая мозаичная раздробленность фразы, многочисленные перебивки и неожиданные добавки [2, с. 364] — характерная особенность приговской поэзии.

Игра с Пушкинским Текстом (как и языковая игра вообще) — яркая черта идиостиля Пригова. Обыгрывание обывательского стереотипа «Пушкин — это наше всё» находим в стихотворении «Невтерпеж стало народу...»:

*Невтерпеж стало народу:
Пушкин, Пушкин, помоги!
За тобой в огонь и в воду!
Ты нам только помоги!
А из глыбы как из выси
Голос Пушкина пропел:
Вы играйте-веселитесь
Сам страдал и вам велью!*

Представление о Пушкине как о великом поэте, достойном поклонения, утрируется, доводится до абсурдного *Пушкин, Пушкин, помоги!* Этому способствует лексика и синтаксические конструкции, свойственные устно-разговорной речи. Намеренное нарушение рифмы в последней строке: использование глагола 1-го лица настоящего времени *велью* вместо глагола *велел* подтверждает твёрдую уверенность: Пушкин всегда жив.

Ещё одно интересное перефразирование Пушкинского Текста:

*Чем больше Родину мы любим —
Тем меньше нравимся мы ей!
Так я сказал в один из дней
И до сих пор не передумал*

Шутовство, ёрничество, так свойственные поэзии Пригова, уступают место серьёзным размышлениям на вечную тему «Поэт и Родина».

Интертекстуальным является и самый знаменитый приговский образ — образ Милицанера:

*Когда здесь на посту стоит Милицанер
Ему до Внукова простор весь открывается
На Запад и Восток глядит Милицанер
И пустота за ними открывается
И Центр, где стоит Милицанер —
Взгляд на него отсюда открывается
Отсюда виден Милицанер
С Востока виден Милицанер*

*И с Юга виден Милиционер
И с моря виден Милиционер
И с неба виден Милиционер
И с-под земли...
Да он и не скрывается.*

Образ «Милиционера» сравним с образом ожившего Медного всадника, олицетворяющего в поэме Пушкина самодержавие. «Милиционер» находится в центре Москвы, он сопоставим с высотой московских зданий, он следит за человеком, за каждым его шагом. Не случайно и написание с заглавной буквы — «Милиционер», и использование формы, отражающей просторечное произношение этого слова.

Нельзя не согласиться с мнением Н. А. Кузьминой, что «Пушкин по-приговски — это чугунный памятник, который нельзя не заметить: о него постоянно ударяешься и постоянно отталкиваешься от него. При этом важно ощущение присутствия Пушкина как реального факта современной жизни [1, с. 94].

Многие стихи Пригова создают ощущение пародийности. Но пародия ли это? Жанр пародии, как известно, основан на комическом воспроизведении и высмеивании стилистических приёмов какого-либо писателя, на карикатурном подчёркивании и утрировке особенностей его писательской манеры [10]. Возможно, стихи Пригова — пародия, но пародия не языка и стиля автора прототекста. Скорее, это пародия самой действительности с её абсурдными идеалами и лозунгами, пустыми словами.

Итак, наблюдения над поэтическим творчеством Дмитрия Александровича Пригова позволяют говорить о том, что категория интертекстуальности для него особо значима. Для поэзии Пригова характерны игры с прецедентными текстами, намеренный отрыв от денотата цитаты, мультипликативность, коллажевость. Прототекст преломляется сквозь призму времени, его энергия соединяется с энергией поэта-современника.

В перспективах исследования — дальнейший анализ типологических черт современной поэзии, исследование её интертекстуальных свойств, наблюдения над идиостилиями поэтов рубежа веков.

Литература и примечания

- 1. Кузьмина Н. А.** Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та — Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. — 268 с. — (Монография).
- 2. Синельникова Л. Н.** Реминисценция как факт континуального видения мира (от Пушкина до наших дней) / Л. Н. Синельникова // Жизнь текста, или Текст жизни : в 3-х т. — Луганск : Знание, 2005. —

Т. 1 : Лингвистическая поэтика. — 432 с. — С. 356—366. **3. Эпштейн М.** Манифесты новой поэзии [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // Постмодерн в русской литературе. — М. : Высшая школа, 2005. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.topos.ru/article>. **4. Пономарёва Т. А.** Современный поэтический дискурс: к вопросу о типологических свойствах / Т. А. Пономарёва // Русская филология. Вестник Харьковского нац. пед. ун-та. — Харьков, 2009. — № 3 (40). — С. 34—37. **5. Зорин А.** Памяти Дмитрия Александровича Пригова [Электронный ресурс] / А. Зорин. — Режим доступа к ресурсу : <http://polit.ru/analytics/index.html>. **6. Кобринский А.** «Дмитрий Александрович Пригов» как художественный проект [Электронный ресурс] / А. Кобринский. — Режим доступа к ресурсу : <http://polit.ru/analytics/index.html>. **7. Кулибина Н. В.** Зачем, что и как читать на уроке? Художественный текст при изучении русского языка как иностранного / Н. В. Кулибина. — СПб. : Златоуст, 2001. — 264 с. **8. Пригов Д. А.** Неложные мотивы [Электронный ресурс] / Д. А. Пригов. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.vavilon.ru/texts/prim/prigov.html>. **9. Сорокин В.** Воздух слов. О Дмитрие Пригове-демиурге [Электронный ресурс] / В. Сорокин. — Режим доступа к ресурсу : http://exlibris.ng.ru/tendenc/2007-09-06/8_prigov.html##. **10. Словарь поэтических терминов** [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : <http://rifma.ru/Poetic-3.htm>.

¹ Во всех примерах — орфография и пунктуация авторские.

Пономарьова Т. О. Про феномен інтертекстуальності у сучасному поетичному дискурсі (на матеріалі поезії Дмитра Олександровича Пригова).

У статті розглядається специфіка інтертекстуальності сучасного поетичного дискурсу; аналізуються деякі особливості ідіостилу Д. О. Пригова.

Ключові слова: сучасна поезія, інтертекстуальність, цитата, ідіостиль.

Пономарёва Т. А. О феномене интертекстуальности в современном поэтическом дискурсе (на материале поэзии Дмитрия Александровича Пригова).

В статье рассматривается специфика интертекстуальности современного поэтического дискурса, анализируются некоторые особенности идиостиля Д. А. Пригова.

Ключевые слова: современная поэзия, интертекстуальность, цитата, идиостиль.

Ponomareva T. Phenomenon of the intertextuality in the modern poetical discourse (on the material of poetry of D. A. Prigov).

In the article the main attention is given to the intertextuality of the modern poetic discourse; some peculiarities of D. A. Prigov's idiostyle are analysed.

Keywords: modern poetry, intertextuality, quotation, idiostyle.

УДК 81'42

Э. В. Минаева

**ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОМАНЕ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА «МАШИНА ВРЕМЕНИ»:
КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Целью статьи является анализ структуры, содержания и вербализации художественного пространства в романе Герберта Уэллса «Машина времени» с позиций концептологии. Художественная картина мира, основным структурным и содержательным элементом которой является концепт, в значительной мере организуется и репрезентируется посредством моделирования художественного пространства. По Ю. М. Лотману, «язык пространственных отношений оказывается одним из основных средств осмысления действительности», при этом пространственные понятия, такие как **верх** и **низ**, оказываются материалом для построения культурных моделей с совсем не пространственным содержанием и получают качественно новое значение [1, с. 204]. Дж. Лакофф и М. Джонсон также отмечают возможность переноса пространственных признаков на разного рода понятия и явления, называют подобные случаи ориентационными метафорами и отмечают, что традиционно координата **верх** используется для положительной оценки разного рода явлений и объектов, а координата **низ** — для отрицательной: счастье — верх, грусть — низ, здоровье и жизнь — верх, болезнь и смерть — низ, обладание властью или силой — верх, подчинение — низ, хорошее — верх, плохое — низ, добродетель — верх, порок — низ и т. д. [2].

Художественное пространство в романе Герберта Уэллса «Машина времени» организовано, прежде всего, по концептологической оси **верх** — **низ**: Верхний Мир — Подземный Мир (жители будущего так и называются в романе: жители Верхнего Мира и жители Подземного Мира). Имеет место также иерархическая вертикально оформленная структура: социальная иерархия (потомки богатых и праздных — элои; потомки неимущих рабочих — морлоки); иерархия биологическая (морлоки-хищники, элои-скот).

Концепт **верх** в романе связан, прежде всего, с открытыми широкими пространствами, что реализуется в тексте с помощью

атрибутивных и предикативных сочетаний: *широкий простор, расстилалась долина, огромные дворцы, которые были разбросаны среди разнообразной зелени; огромный, похожий на сад мир; поднимались кверху купола и остроконечные обелиски*. Незамкнутая природа **верха** подчеркивается также отрицательной конструкцией «*нигде не было изгородей*». Даже дверей практически нигде нет: они или разбиты, или распахнуты. Атрибутами **верха** становятся *огромные здания, дворцы, купола и остроконечные обелиски*.

Концепт **низ** связан преимущественно с замкнутыми и тесными пространствами. **Низ** структурно состоит из *колодцев* (в словаре С. И. Ожегова дается следующее толкование этой лексемы: 1. Укрепленная срубом узкая и глубокая яма для получения воды из водоносного слоя. 2. Глубокая вертикальная скважина для разных технических надобностей), в стене одного из колодцев главный герой находит *небольшое отверстие; туннелей* (в словаре С.И. Ожегова туннель трактуется как 'сооружение в виде коридора', т. е. пространство, ограниченное стенами), при этом Путешественник по Времени попадает в *узкий* горизонтальный туннель; *пещер*. Единственными запертыми дверьми в романе оказываются бронзовые пластины в Сфинксе. Несмотря на то, что пространственно они находятся вверху, двери, как и Сфинкс, принадлежат морлокам, жителям Нижнего Мира; внутри Сфинкса — **тьма** и **страх**, которые в романе сопряжены с **низом**; поэтому логично отнести это замкнутое пространство к области **низа**. Нужно отметить, что, хотя огромные здания локализованы **вверху**, они являются в то же время и атрибутами **низа**, так как все они полуразрушены, а это связано с процессом преобразования **верха** в **низ**.

Движение по вертикальной оси концептов **верх** — **низ** осуществляется на протяжении всего романа: по колодцам каждую ночь поднимаются и опускаются морлоки; элои попадают в Нижний мир в виде кусков мяса; Путешественник по Времени, прибывая в Золотой век, падает вниз на землю, а покидая его, — поднимается над землей; он спускается в колодец и выбирается наверх, идет вниз по галерее с наклонным полом; спасается от пожара на вершине холма; взгляд главного героя также «совершает путешествие» вниз (*Сидя около этих колодцев и глядя вниз, в непроглядную темноту, я не мог увидеть в них отблеска воды или отражения зажигаемых мною спичек*).

Ю. М. Лотман считал важнейшим типологическим признаком пространства *границу*, а основным ее свойством — непроницаемость: это может быть деление на своих и чужих, живых и мертвых, бедных и богатых или же опушка леса между лесом и домом в волшебной сказке [1]. В романе Герберта Уэллса нет непроницаемых границ: колодцы (граница между Верхним Миром и Подземным) служат для проникновения жителей пещер на поверхность земли, тем же путем главный герой спускается в Нижний мир и возвращается наверх;

преодолевается даже, казалось бы, непреодолимая граница — граница между настоящим и будущим.

В романе «Машина времени» признаки концепта **верх** приобретают размытые очертания, так как на них накладываются признаки концепта **низ**. Еще в самом начале своего пребывания в мире будущего главный герой замечает, *«что между этими колодцами и высокими башнями на склонах, холмов существует какая-то связь»*. По мере развития сюжетной линии эта связь предстает в различных ракурсах, приобретает все новые формы. Постепенно вырисовывается идея единства **низа** и **верха**: **верх** не вступает в оппозицию с **низом**, он становится его продолжением. Граница между **верхом** и **низом** нивелируется.

Известно, что основная часть нравственных категорий, выражаемых языком пространств, противопоставлена на вертикальной оси. В романе «Машина времени» нарушена традиционная связь **верх** — **добро**. Днем Верхним Миром владеют безобидные «очаровательные ничтожества», которые не творят зла, но и не способны на добрые поступки и чувства. Лишь один злой — Уина — оказался способен на сопереживание, привязанность, беспокойство о другом человеке. Ночью же на поверхность выбираются злобные «лемуры», актуализируя связь **верх** — **зло**. Следовательно, роль концептологической оси **верх** — **низ** в организации этического пространства значительно сужена, что является, одновременно, причиной и следствием упадка цивилизации. В то же время ассоциативная связь **низа** со **злом** является предельно сильной: Как абсолютное зло Нижнего Мира предстают его жители. Автор передает внутреннюю сущность морлоков через оксюморон *бесчеловечные потомки людей*; оценочные эпитеты с отрицательной коннотацией: *отвратительные, нечеловеческие, враждебные, ужасные, мягкотелые, гнусные, мерзкие, гадкие*; зоонимы, подчеркивающие нечеловеческую сторону морлоков: *ленивцы, лемуры, бесцветные черви, муравьеподобные морлоки, человекообразные крысы, обезьяноподобное существо, человекообразный паук, сероватое животное*; предикаты действия: *морлоки угрожают, прodelывают мерзости, наводят страх, кишат в подземном муравейнике, подкрадываются, затаиваются, гонятся, хватают, мечутся*; номинативы с отрицательной оценкой: *белесые твари, привидения, сборище существ*.

Важнейшим атрибутом концепта **низ** в романе Герберта Уэллса становится *падение*. Оно буквально преследует главного героя на протяжении всего произведения, при этом бывает не только реальным, но и воображаемым. Размышляя в начале романа о возможном путешествии по времени, главный герой сравнивает его с падением вниз: *как если бы мы, начав свое существование в пятидесяти милях над земной поверхностью, равномерно падали бы вниз*. Начало путешествия связано с ощущением падения: *Мне показалось, что я покачнулся, испытал, будто в кошмаре, ощущение падения*. И потом образы падения

возникают снова и снова: *странное ощущение падения стало сильнее; Предчувствие ужасного, неизбежного падения не покидает тебя; непрерывное ощущение падения; Машина в то же мгновение перевернулась, и я стремглав полетел в пространство; лиловые и алые цветы падали на землю под ударами града; Одна скоба неожиданно прогнулась под моей тяжестью, и я едва не полетел вниз, в непроглядную темноту; я весь дрожал от страха перед падением; Несколько раз у меня начинала кружиться голова, и тогда падение казалось неминуемым; я чуть было не свалился в маленькую речку; Я почувствовал, что начинаю терять сознание. Но ужас при мысли, что я могу беспомощно упасть на землю в этой далекой и страшной полутьме, заставил меня снова взобраться на седло. Падение описывается как ужасное, неизбежное, неминуемое, непрерывное, стремительное, пугающее.*

Как видим, *падение* (один из основных атрибутов концепта **низ** в «Машине времени») связано с переживанием сильного страха. **Страх** — фундаментальная эмоция, организующая человеческое поведение, он является универсальным эмоциональным концептом. Концепт **страх** лежит в основе организации эмотивного пространства романа Герберта Уэллса.

Основная роль вербализации концепта **страх** в романе принадлежит глагольным антропоморфным метафорам, в основе которых лежат а) глаголы движения: *страх вдруг овладел мною; ужас овладел мною; меня ужасало теперь другое; страх охватил меня; страхи и сомнения угнетали меня; порой на меня нападало чувство ужаса; страх перестал сковывать человека; Меня охватил смертельный ужас;* б) глаголы пассивного созерцания действительности: *вдруг я остановился как вкопанный; она все крепче и крепче прижималась лицом к моему плечу;* в) глаголы активного принудительного действия: *В исступлении я бросался в разные стороны, плача и проклиная бога и судьбу; Как безумный, я бросился к Машине; дикими прыжками я кинулся вниз; делал я это торопливо из страха, что решимость меня покинет; Пересилив свой страх, я шагнул вперед и заговорил; я в ужасе бежал; морлоки, опустив головы, обезумевшие, кидались прямо в огонь;* г) глаголы физиологического проявления страха: *я почувствовал, как сжалось мое горло, пресеклось дыхание; как удар хлыстом по лицу; похолодев, я смотрел на пустую лужайку; мой голос, вероятно, звучал хрипло и дрожал; я задрожал; я содрогнулся; меня прошиб холодный пот; дрожа от ужаса.* Встречаются также глагольная натурморфная метафора (*меня обожгла мысль*) и олицетворение (*Они заново познакомились с чувством страха*).

Концепт **страх** репрезентируется с помощью эпитетов *странный, таинственный, безумный, древний, инстинктивный, панический* и реализуется через контекстуальный синонимический ряд: *страх, тревога, паника, ужас, безумие.* **Страх** воспринимается главным

героем как враг и персонифицируется: *сидевший во мне дьявол страха и слепого раздражения еще не был обуздан и пытался овладеть мною*. Значение эмотивного концепта **страх** в романе настолько велико, что в конце произведения автор пишет слово *страх* заглавными буквами, присваивая ему имя собственное: *Я думал и о том Великом Страхе, который разделил две разновидности человеческого рода*.

Если рассматривать концепт **страх** с точки зрения организации произведения по оси концептов **верх** — **низ**, мы увидим, что **страх** не привязан жестко к **низу** или к **верху**, так как мы уже выяснили, что **верх** в романе выполняет функцию продолжения **низа**. И все же **страх** ассоциируется, прежде всего, с **низом**: он усиливается по мере перемещения героя вниз (по колодцу, по наклонной галерее); страх становится атрибутом **верха**, когда тот перенимает признаки **низа**. **Страх** является тем связующим началом, которое объединяет Подземный и Верхний Миры, элов и морлоков, жителей будущего и Путешественника по Времени.

В романе Герберта Уэллса концепт **страх** образует сращение с бинарной оппозицией концептов **свет** — **тьма**, которая, в свою очередь, как и концепт **страх**, тесно связана с бинарной оппозицией концептов **верх** — **низ**.

Верх — **низ**, **свет** — **тьма** являются базовыми устойчивыми первоэлементами культуры. В мифологической модели мира они входят в число основных противопоставлений. Концепты **тьма** — **свет** и **низ** — **верх** имеют архетипическую природу и могут быть определены как архетипические концепты. По определению И. А. Богдановой, архетипический концепт — это ментальная система обработки, хранения и репрезентации культурных первообразов, составляющих коллективное бессознательное, представляющая собой системно организованное, саморазвивающееся смысловое пространство, формируемое архетипическими смыслами и реализуемое языковыми средствами [8].

В космогонических мифах отделение света от тьмы равнозначно отделению космоса от хаоса, тьма становится атрибутом хаоса, а свет — порядка. Такое отделение символизирует собой творение мира [7]. Интересно, что в конце романа Герберта Уэллса путешественник, отправляясь максимально далеко во времени, видит: *«на севере — темнота, мертвое соленое море, каменистый берег, по которому медленно ползали эти мерзкие чудовища»*, а в конце путешествия исчезает и это. На краю будущего — лишь тьма: *«Ужас перед этой безбрежной тьмой охватил все мое существо»*. Мироздание вернулось к той исходной точке, с которой началось творение. В связи с этим можно говорить о том, что в романе Герберта Уэллса оппозиция **свет** — **тьма** носит и эсхатологический характер.

По отношению к родовым концептам **тьма** и **свет** концепты **день** и **ночь** являются видовыми. Смена дня и ночи в традициях разных

народов мира связана с представлениями о борьбе сил космоса и хаоса; тьма порождает чудовищ.

Днем **тьма** в романе «Машина времени» преимущественно закреплена за **низом**, а ночью границы стираются и **тьма** распространяется не только на Подземный Мир, но и на Верхний. Во тьме под землей господствуют чудовищные порождения тьмы — морлоки, ночью они выползают на поверхность, их ареол обитания расширяется. Концепты **свет** и **тьма** неразрывно связаны с концептом **страх**: морлоки страшатся света — это едва ли не единственное средство борьбы с ними, а элои и главный герой испытывают ужас перед тьмой, которая ассоциируется с кровавыми деяниями морлоков: *Испугавшись, я повернулся и увидел маленькое обезьяноподобное существо со странно опущенной вниз головой, бежавшее по освещенному пространству галереи. Оно налетело на гранитную глыбу, отшатнулось в сторону и в одно мгновение скрылось в черной тени под другой грудой каменных обломков; Я спрашивал себя, что за мерзости проделывали морлоки в безлунные ночи; я не заметил постепенного ослабления света, пока наконец возрастающий страх Уины не привлек моего внимания. Я заметил тогда, что галерея уходит в непроглядную темноту; Когда мы дошли до леса, наступила полная темнота. Из страха перед ней Уина хотела остаться на склоне холма перед опушкой, но чувство опасности толкало меня вперед; Как и **страх**, **тьма** персонифицируется: *Враг, о котором я говорю, может вас удивить: это темнота перед новолунием.**

Тьма и **свет** осуществляют метаморфозы окружающего и внутреннего мира главного героя: *Я ничего не чувствовал, кроме ужаса. Потом незаметно я уснул, а когда проснулся, уже совсем рассвело и вокруг меня по траве, на расстоянии протянутой руки, весело и без страха прыгали воробьи; С первым светом наступающего дня все мои ночные страхи стали казаться почти смешными; При свете звезд все заботы и горести земной жизни показались мне ничтожными; Мы вошли в лес, теперь зеленый и приветливый, а не черный и злоеющий, как ночью.*

Визуальные ощущения при восприятии героем тьмы и света смешиваются с обонятельными, аудиальными и тактильными, вступая в синестетические отношения: *Все вокруг было видно смутно; тяжелый запах, громадные контуры машин, отвратительные фигуры, притаившиеся в тени и ожидающие только темноты, чтобы снова приблизиться ко мне; я добрался до отверстия колодца и, шатаясь, выбрался из руин на ослепительный солнечный свет. Я упал ничком. Даже земля показалось мне здесь чистой и благоуханной; Спасение: Темнота исчезла из моих глаз. Вокруг не было ничего, кроме туманного света и шума; Вокруг меня была темнота, и руки морлоков касались моего тела; Там царил полнейший мрак. Уина судорожно прижималась ко мне.*

В романе «Машина времени» концепты **свет** и **тьма** образуют переходные явления, являющиеся результатом взаимодействия этих концептов:

- 1) тьма и свет, символизируя путешествие по времени, так быстро сменяют друг друга, что сливаются в нечто среднее в начале и в конце путешествия: *Я повернул рычаг до отказа. Сразу наступила темнота, как будто потушили лампу, но в следующее же мгновение вновь стало светло. <...> Вдруг наступила ночь, затем снова день, снова ночь и так далее, все быстрее; Мгновенная смена темноты и света была нестерпима для глаз; день и ночь слились наконец в сплошную серую пелену;*
- 2) сумерки ассоциативно связаны с нарастающим ужасом, с опасностью, со смертью; наделяют окружающий мир иллюзорными характеристиками: *Был тот ранний час, когда предметы только начинают выступать из темноты, когда все вокруг кажется бесцветным и каким-то нереальным, несмотря на отчетливость очертаний; Все вокруг было еще смутным, поймите это. Меня охватило то неопределенное предрассветное ощущение озноба, которое вам всем, вероятно, знакомо.*

Концепт **тьма** ассоциативно связан с обесцвечиванием предметов, а **свет** — с яркими красками: *Был тот ранний час, когда предметы только начинают выступать из темноты, когда все вокруг кажется бесцветным и каким-то нереальным, несмотря на отчетливость очертаний; Кусты казались совсем черными, земля — темно-серой, а небо — бесцветным и туманным; Они редко появлялись на поверхности земли, по-видимому, вследствие давней привычки к подземному существованию. На это указывала их блеклая окраска, присущая большинству животных, обитающих в темноте; утонченная красота одних и бесцветная бедность других; Они походили на почти обесцвеченных червей.*

Бинарные концепты **тьма** — **свет** в романе Герберта Уэллса «Машина времени» выполняют следующие функции:

- 1) онтологическая функция — моделирование ирреального бытия (будущего); в связке с бинарными концептами **верх** — **низ** участвуют в организации художественного пространства романа.
- 2) гносеологическая функция — именно *тьма* является катализатором познавательной деятельности главного героя романа — путешественника по времени, исследователя по призванию; *тьма* становится контекстуальным синонимом ужасной тайны, которую необходимо познать с помощью *света*.

- 3) аксиологическая функция — в романе возникает столкновение разных культур — мира будущего и мира настоящего — и, следовательно, разных систем ценностей; по ценностной шкале за концептом **тьма** закреплены негативные характеристики, а за концептом **свет** — позитивные;
- 4) эстетическая функция — через концепты **тьма** и **свет** отражены особенности эстетического восприятия мира будущего главным героем романа: **тьма** связана с уродливыми атрибутами, а **свет** — с прекрасными.

В результате исследования выявлено, что организация художественного пространства в романе Герберта Уэллса носит выраженный вертикальный характер и организуется по универсальной оси концептов **верх** — **низ**. Спецификой построения такой модели является нивелирование сущностных отличий **верха** (**верх** выполняет в романе функцию продолжения **низа**), нарушение традиционной связи **верх** — **добро**, сильная связь **низ** — **зло**, отсутствие непроницаемых границ, сложное взаимодействие концептологической оси **верх** — **низ** с базовым эмотивным концептом — **страхом**. Художественное пространство в романе Герберта Уэллса «Машина времени» построено на бинарных архетипических концептах **верх** — **низ**, **свет** — **тьма**, которые связаны с одним из основных эмотивных концептов — **страхом**. Постоянное взаимодействие этих концептов привело к повышенной проницаемости их границ, к непрерывному обмену концептуальными признаками. Двигаясь по своим «орбитам», концепты сближаются; пересекаются, утрачивая и приобретая признаки; расходятся, вступая в открытую оппозицию. Концепты и их признаки находятся в непрерывном движении, их объем то расширяется, то сжимается. Таким образом, художественное пространство в романе Герберта Уэллса «Машина времени» представляет собой сложную систему активно взаимодействующих концептов.

Литература

1. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство, 1998. — С. 14—285.
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М. : Прогресс, 1990. — С. 387—415.
3. Уэллс Г. Машина времени / Г. Уэллс. — СПб. : Азбука-классика, 2004. — 320 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М. : Русский язык, 1988. — 750 с.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — М. : Худ. лит., 1990. — 543 с.
6. Волостных И. А. Эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Общее языкознание» / И. А. Волостных. — Краснодар, 2007. — 22 с.

7. **Мифологический** Словарь / [гл.ред. Е. М. Мелетинский]. — М. : Советская Энциклопедия, 1991. — 672 с. 8. **Богданова И. А.** Функционирование архетипического концепта «вода» в текстах народного и индивидуального творчества : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Богданова Ирина Александровна. — Пермь, 2006. — 231 с.

Мінаєва Е. В. Організація художнього простору у романі Герберта Уеллса «Машина часу»: концептологічний підхід.

У статті розглянуто особливості організації і мовної репрезентації художнього простору в романі Герберта Уеллса «Машина часу».

Ключові слова: художній простір, верх, низ, страх.

Миннаева Э. В. Организация художественного пространства в романе Герберта Уэллса «Машина времени»: концептологический подход.

В статье рассмотрены особенности организации и языковой репрезентации художественного пространства в романе Герберта Уэллса «Машина времени».

Ключевые слова: художественное пространство, верх, низ, страх.

Minaeva E. V. Organization of art space in the novel by Herbert Wells «Machine of time»: conceptology approach.

The article concerns the basic features of organization and language representation of art space in the novel "Machine of time" by Herbert Wells.

Key words: art space, top, bottom, fear.

УДК 811.161.1'42

А. В. Молодыченко

ЗАГОЛОВОК КАК СМЫСЛОВОЙ КОД ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

*Вы должны схватить читателя за глотку в первом абзаце,
во втором — сдавить покрепче
и держать его у стенки до последней строки.
Пол О'Нил*

Проблема заголовка в лингвистике с каждым годом привлекает к себе внимание все более широкого круга филологов. В лингвистическом плане заголовок является прежде всего названием, то есть именем текста, его кодом. Его можно сравнить с именем собственным: он

индивидуализирует тот текст, которому принадлежит, выделяет его в ряду всех других текстов. Заголовок является первым знаком публицистического текста, противопоставляется корпусу самого текста, и поэтому он привлекает внимание адресата.

Цель статьи — рассмотреть новые тенденции в составе, содержании и функции современного публицистического заголовка.

Традиционно публицистический заголовок выполнял номинативную, информативную, рекламную и др. функции. В советские времена заголовок был однозначным, консервативным и носил, как правило, чисто информационный характер. Для публицистического дискурса конца 90-х годов XX века — начала XXI века особенно актуальны инновационные, порою очень смелые заголовки публицистического дискурса, ориентированные на молодежную периодику. Примеры: 1. «*Взборщнулось...*» (Телескоп 2006, № 50); 2. «*Мужа заКАРАОКЕла*» (Телескоп 2004, № 31); 3. «*Не влезай уБЬОРК*» (Телескоп 2004, № 48); 4. «*Худьба худьбой*» (Телесемь 2006, № 7). Такие слова могли стать средством речевой характеристики, если она использовалась в прямой речи. Желание журналистов проявить своё видение, своё понимание события или проблемы творчески реализовались в конструировании окказиональных слов, слов «по случаю» и «на случай».

Можно было встретить большое количество заголовков с использованием иноязычной лексики. Среди языков лидировал английский. Английские слова могли быть записаны как латиницей, так и кириллицей. В некоторых случаях заголовок состоял только из них, иногда они перемежались русскими словами или другими варваризмами. Примеры: 1. «*Кто-кто? Герл в пальто!*» (Телескоп 2006, № 46); 2. «*От лямура недосыт*» (Телескоп 2004, № 27); 3. «*Торганула фейсиком*» (Телескоп 2004, № 42). Заголовок, включающий заимствования или их модификации (как правило, русифицированные), должен был не оттолкнуть внимание, а, напротив, привлечь его. Осознание того, что ты способен читать по-английски без перевода, повышает самооценку, а журналист, свободно пользующийся английскими словами и выражениями, производит впечатление современного, образованного, компетентного человека.

Такого рода социолингвистические процессы в газетном заголовке влияли на формирование нормы современного литературного языка и на уровень этнической культуры в целом. В публицистическом заголовке 90-х годов XX века перевешивала, преобладала сигнальная функция, а информативной часто просто не было. Языковая игра, для которой все средства хороши, оказывала нежелательное воздействие на сознание читателей, способствовала привыканию к жаргону, неадекватному восприятию действительности.

В настоящее время процесс экспериментаторства с заголовком, который был похож на соревнование под девизом «кто кого круче», явно

пошел на спад. Современный публицистический заголовок стал глубже и серьезнее.

Заголовок занимает сильную позицию, которая, в силу противопоставленности всему тексту, является эффективным средством привлечения внимания адресата к важным по смыслу позициям. Заголовок является организующим элементом текста. Это проявляется в том, что, прочитав текст, адресат ретроспективно осмысливает заголовок в связи со всем текстом, при этом его семантическое значение может претерпевать значительные изменения под влиянием всего текста. В лингвистическом плане заголовок является именем текста, а в плане семиотическом — первым знаком текста. Полный смысл заголовка формируется постепенно. Заголовок может выполнить свое основное предназначение только в нерасторжимой связи и единстве с целым, полностью завершенным текстом.

Приступая к чтению публикации, адресат может быть не до конца осведомлен, в какой системе закодирован предлагаемый ему текст. По словам М. Ю. Лотмана, адресат заинтересован в том, чтобы получить максимально полное представление о тексте, о тех «кодах, которые ему следует активизировать в своем сознании для восприятия текста» [1, с. 265]. Сведения об этом он и черпает, в основном, в заголовке.

Автор книги «Заголовок в газете» Э. А. Лазарева, останавливаясь на содержательных связях заглавия и текста, ставит перед собой задачу проследить, как имя текста сигнализирует о его содержании. По ее словам, «...заголовок дает первоначальную информацию о тексте, связываясь с тем или иным содержательным элементом (основной мыслью, тезисом, образом героя, деталью, иллюстрацией)» [3, с. 32]. Современный публицистический заголовок не всегда дает информацию о тексте, связывая ее с основной мыслью, тезисом, а иногда эта информация просто отсутствует.

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» дается следующее, отвечающее, на наш взгляд, современным реалиям, определение заголовка — «... это целостная единица речи (текстовый знак), которая является обязательной частью текста и имеет в нем фиксированное положение — перед и над текстом» [2, с. 188].

Мы считаем, что с конца 90-х годов заголовок как сильная позиция текста кардинально изменился и трансформировался и по форме, и по содержательным признакам. Эти изменения проявляются в том, что из короткой, броской фразы, высказывания, а часто и отдельного слова, он превратился в многосоставной системный языковой блок, который можно назвать «заголовочным комплексом».

Стандартный состав заголовочного комплекса еженедельных социально-политических журналов «Корреспондент», «Фокус», «Власть денег», «Комп&ньоН» состоит, как правило, из заголовка как такового, реализующего прежде всего экспрессивно-сигнально-рекламную задачу, и лида, представляющего собой развернутое предложение

информативного характера, передающее основную мысль публицистического дискурса.

Примеры:

1.

НАДЕЖДЫ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ

Мобильный Интернет благодаря разнообразию технологий и маркетинговым усилиям провайдеров быстро набирает число приверженцев.

(Комп&ньоН 2009, № 38);

2.

ЗАКУРИЛИСЬ

Украина намерена заработать три миллиарда гривен на контрабанде отечественных сигарет.

(Власть денег 2009, № 22);

3.

Греческие каникулы

В Греции Генри Миллер понял, что спасение не в том, чтобы соответствовать спятившему миру.

(Комп&ньоН 2010, № 36);

4.

МАКРОРЕЗУЛЬТАТЫ **МИКРОБИОЛОГИИ**

Сокращение потенциального рынка сбыта заставило производителя дрожжей инвестировать в развитие кормов для животных.

(Комп&ньоН 2009, № 38).

Практически любой газетный или журнальный материал начинается с вводной части, которая выделена шрифтом, кеглем, абзацем. Это — подзаголовок, а говоря журналистским языком — *лид* (от англ. lead — «вводный», «лидер», «лидировать»). Хотя термин *лид* характерен для журналистики, но в настоящее время актуален и для языкознания.

Лид в публицистическом дискурсе важен по ряду причин: он вовлекает адресата в чтение, создавая впечатление неотложности и возбуждая интерес, сообщает наиболее важную информацию по теме, а также задает тон повествования. Лид — один из основных раздражителей для адресата, просматривающего публикацию. Лид — новое явление в структуре публицистического дискурса, поэтому в словарях это понятие отсутствует. Сейчас уже очевидно, что он выполняет важную структурно-семантическую функцию в публицистическом дискурсе. Если заголовок как таковой вовлекает адресата в чтение, создавая впечатление неотложности и возбуждая интерес, являясь раздражителем, то лид является, по сути, кодом к первой части — заголовку. Он сообщает наиболее важную информацию по рассматриваемой теме, задает спокойный уравновешенный тон повествования, создает ощущение респектабельности и уравновешенности сообщаемой информации. Именно после прочтения лида многие решают, читать им этот материал или лучше перейти к другому.

Рассмотрим функционирование заголовочного комплекса на примере публикации еженедельного журнала Компьютер:

Надежды юношей питают

Мобильный Интернет благодаря разнообразию технологий и маркетинговым усилиям провайдеров быстро набирает число приверженцев (Компьютер 2009, № 38).

Данный заголовок носит аллюзивный характер, отсылающий к строкам знаменитой оды Михаила Ломоносова «На день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» — «Науки юношей питают, Отраду старым подают...». Автор использует цитату из хрестоматийного произведения М. Ломоносова, но, тем не менее, о чем пойдет речь в публикации — не ясно. После прочтения лида становится понятно, что идет речь об услугах мобильного Интернета, пользующегося большой популярностью. Велика не только смысловая дистанция между заголовком и лидом, а и стилистически они оторваны друг от друга. Заголовок в этом случае — это архаичная фраза, лид насыщен иноязычными терминами о современных технологиях. Возникает вопрос, насколько осознанно автор данной публикации пошел на создание этого стилистического контраста или, точнее, стилистической пропасти между семантикой, языком и стилем лида. Явная диспропорция не только между семантикой заголовка и лида, но и между стилистическим

выбором и языковым составом. Это связано с тем, что заголовочный комплекс — это новое явление. Правила создания такого рода нигде не прописаны, и журналисты сами пытаются их создавать.

Таким образом, можно говорить о новом явлении в структуре публицистического дискурса вообще и заголовка в частности. А именно, о появлении того, что мы называем заголовочным комплексом, содержащим в своем составе броское экспрессивное название и развернутое информативное высказывание.

Заголовки современных публицистических текстов интересны и разнообразны, они выступают своего рода шифром, кодом всей публикации. По мнению Л. Н. Синельниковой, это «своеобразная точка схождения многих проблем, связанных с характеристикой современной языковой ситуации» [4, с. 81].

Складывается впечатление, что журналисты «наигрались», уже нет того повального увлечения игрой с заголовками, как в 90-е годы XX века. Современный публицистический заголовок ищет новые способы и формы не только привлечения внимания, но и общения со своим читателем на равных.

Литература

1. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. — СПб. : «Искусство — СПб», 1998. — С. 14 — 285. **2. Петрат Т. Р.** Заголовок // Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / Т. Р. Петрат. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 840 с. **3. Лазарева Э. А.** Заголовок в газете / Э. А. Лазарева — Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1989. — 96 с. **4. Синельникова Л. Н.** Языковые изменения конца XX века // Социолингвистика: XXI век / [отв. ред. : Синельникова Л. Н., Компанцева Л. Ф., Петровская Г. А.] / Л. Н. Синельникова. — Луганск : Знание, 2000. — 296 с. — С. 84 — 98.

Молодиченко Г. В. Заголовок як смисловий код публіцистичного дискурсу.

У даній статті автор розглядає заголовок як своєрідний елемент, що має подвійну природу. З одного боку, це мовна структура, що стоїть перед текстом, а з іншого боку, заголовок — повноправний компонент тексту, що входить до нього і пов'язаний з іншими компонентами тексту.

Ключові слова: публіцистичний дискурс, заголовок, лід, адресат, адресант.

Молодыченко А. В. Заголовок как смысловый код публицистического дискурса.

В данной статье автор рассматривает заголовок как своеобразный элемент, имеющий двойственную природу. С одной стороны, это языковая структура, стоящая перед текстом, а с другой стороны,

заголовок — полноправный компонент текста, входящий в него и связанный с другими компонентами текста.

Ключевые слова: публицистический дискурс, заголовок, лид, адресат, адресант.

Molodychenko A. V. Heading as a semantic code of a publicistic discourse.

In the given article the author examines heading as a special element which has dual nature. On the one hand, it is the language structure facing to the text, and on the other hand, heading is the full component of the text included in it and connected with the other components of the text.

Key words: a publicistic discourse, heading, lead, the addressee, the sender.

УДК 811.161.1:1

Е. В. Грищенко

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ *МЫ*-ДИСКУРСА
В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Постановка проблемы. Философия (греч. «любовь к мудрости») — это наука и область знания, которая отражает определённое мировоззрение, это особый способ мышления, в котором отображается человек, Бог, мир, жизнь, бытие и всё сущее. Философия — это целый мир, который имеет свой собственный язык, язык, отличный от языка других сфер жизни, поскольку философия охватывает все сферы жизни, всю жизнь. Этот язык называют как философским языком, так и языком философии.

Язык философии является интересным и одновременно сложным. Сложность изучения языка философии обусловлена несколькими причинами. Во-первых, это смысловая широта понятия «философский язык». Во-вторых, определение того, что же именно отнести к философскому языку (вследствие близости философии к другим областям познания, размытости границ философского дискурса). В-третьих, это неизученность единиц и знаков языка философии.

Цель статьи — определить активность *мы*-дискурса и условия его функционирования в философском языке, рассмотреть другие способы реализации категории совместности в языке русской философии.

Философия имеет свой собственный язык. Это подтверждено работами В. С. Соловьёва, В. В. Розанова, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, М. К. Мамардашвили и многих других философов.

«Философия — это язык, на котором расшифровываются свидетельства сознания..., это то, о чём можно говорить на языке философии и чем занимаются философы» [1, с. 55, 75].

Л. Н. Синельникова определяет язык философии как «язык, которым описывается понимание мира и себя, своих переживаний этого понимания, то есть язык познания, но это также и язык полемической оценки *другого*, его понимания и доводов» [2, с. 346].

Философский язык изучается и в рамках современной дискурсологии. Тогда говорят о философском дискурсе.

Рассмотрим некоторые определения дискурса с позиций философии. Дискурс — это: «теоретико-аналитическая процедура, метод научного анализа комплекса теоретико-методологических проблем с акцентированием на здравомыслящих, логических, понятийных элементах и средств анализа, единство понимания которых предопределяется наличием общих установок у исследователей» [3, с. 202]; «форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности» [4]; «полная (или претендующая на полноту) терминологическая конструкция» [5].

Отношение к понятию «философский дискурс» остаётся неоднозначным. Некоторые лингвисты не выделяют его в отдельный тип дискурса (В. И. Карасик), некоторые считают такое выделение правомерным.

Г. Б. Гутнер называет философский дискурс универсальным дискурсом. «Дискурс, будучи некоторой терминологической конструкцией, должен предъявить такие отношения своих терминов, которые были бы предпосылками всякого возможного дискурса. Именно этот дискурс и называется философским. Его термины, называемые философскими категориями, носят характер всеобщности, поскольку с их помощью можно говорить о любом дискурсе» [5]. По мнению автора, любой дискурс может быть изучен в рамках философского.

Характерными признаками философского дискурса (дискурса русской философии) являются следующие: связь с лингвистической природой слова-концепта, диалогичность философских рефлексий, интертекстуальность (экспликация предыдущего знания по обсуждаемой проблеме), оценочность, проявленность адресант-адресатных отношений [2]; широкий информационный охват, инкорпорирование элементов других областей знания [5]; нарушение канонов философии, смешение стилей и жанров, размытость границ самой философии и границ между областями философии (социальной философии, эпистемологии, философии культуры и пр.) [6].

В последнее время интересы не только лингвистов, но и философов обращены к «неспециализированным знакам» языка философии, в частности к личным местоимениям, что подтверждает

необходимость изучения философского дискурса в неразрывной связи с гуманитарным.

Личные местоимения как особые знаки языка русской философии, их «дискурсивное поведение» ещё не были предметом системного изучения.

Изучение личных местоимений в рамках языка философии представлено в работах Л. Н. Синельниковой, П. Элен, аспектно в статьях Г. Б. Гутнер, Д. Кобринского и некоторых др.

В современном языкознании выделяются две теории изучения местоимений: морфологическая и прагмакоммуникативная. В отношении философского языка возможно говорить о трансформации первой теории изучения во вторую. По мнению Г. Б. Гутнер, «всё, что попало в сферу философского дискурса, не теряет свой прежний смысл, а обретает новый, заданный структурой философских категорий» [5]. Это замечание является релевантным по отношению к личным местоимениям. Например, местоимение *я*, обращённое в философскую категорию у многих философов («Я», «не-я»), зачастую не связано с персоной говорящего, однако оно не перестаёт быть личным местоимением. То же самое происходит и с местоимениями *ты*, *вы* и *мы*.

Данное исследование акцентировано на рассмотрении местоимения *мы* в языке русской философии. Выбор местоимения *мы* обусловлен несколькими причинами: альтерэгоцентричностью русского языкового сознания, которое направлено на совместность, на сближение коммуникантов и, таким образом, отражённого в национальном стиле вербальной (и невербальной) коммуникации; самим типом русской культуры — коллективистской (характеризуется представлением «*мы*-образа») и ширококонтекстной культуры (коммуникация во многом определяется контекстом, ширококонтекстность характерна для языка философии) [7].

Нами были проанализированы труды величайших русских мыслителей XIX — XX веков — В. С. Соловьёва, В. В. Розанова, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и М. К. Мамардашвили. Являясь представителями разных философских школ и направлений: либеральной философии (В. С. Соловьёв), религиозной философии (С. Н. Булгаков), философии «русского зарубежья» (Н. А. Бердяев), религиозно-идеалистической философии (В. В. Розанов), «реальной философии» (М. К. Мамардашвили) и по-разному выражая своё мировосприятие, эти философы в своих работах обнаруживают ряд общих признаков *мы*-дискурса.

В философском *мы*-дискурсе местоимение *мы* в основном представлено набором сем, где *мы* обозначает множественность:

1. Обобщающее-ограничительное *мы* (указывает на группу людей, в которую входит и говорящий; говорящий и группа объединены по какому-либо признаку).

2. Совместно-ограничительное *мы* (объединение автора и читателя, в данном случае, является ограниченным, поскольку основная функция исполнения лежит на авторе). В языке философии совместно-ограничительное *мы* ограничит с авторским *мы*.

Приведём примеры на каждый тип *мы*-отношений: 1) «Все **мы** — и философы, и общество в целом...», «**Мы** — советские люди, **мы** — государственное государство...», «Что такое вселенная, в которой **мы** все находимся?», «**Мы** вот говорим по-русски» [1, с. 27, 64, 347]; «У нас, русских, это менее выражено», «Все почти социал-демократы были сосланы в Вологодскую губернию, где **мы** продолжали общаться» (*мы* — единомышленники), «**Мы** представляли разные мирозерцания» (*мы* — философы), «**Мы** жили в патриархальных нравах... осенью **мы** постоянно жили с матерью в Белой Церкви» [8, с. 84, 121, 273, 19—21]; «**Мы** вступили в мир, как разумное сознание» [9, с. 383]; «Какова бы ни была наша уверенность в истине нашей религии...», «Мы должны любить свой народ...» (*мы* — народ), «**мы** — сверхчеловеки» [10, с. 101, 358, 634]; 2) «**Мы** не будем вдаваться в обсуждение доводов..., **мы** имеем здесь два факта...», «если **мы** всмотримся..., как **мы** видели выше..., **мы** могли бы утверждать..., как **мы** видели..., **мы** склонны думать, что..., то, что **мы** излагаем здесь...», «**Мы** сказали всё, что нам казалось необходимым и уместным сказать о Религии» (В. В. Розанов); «Уже в самом начале поэмы **мы** сталкиваемся», «**Мы**, как правило, с большим пиететом относимся к книге», «**Мы** можем рассматривать научные образования в качестве...» (М. К. Мамардашвили); «К Богу неприменимы наши категории», «Тут **мы** встречаемся с одним из самых тяжких явлений человеческой жизни — с разочарованием в людях» (Н. А. Бердяев); «**Мы** приходим к следующему заключению..., тем не менее **мы** видим..., **мы** не имеем права заключать, что..., как **мы** уже видели...», «**Мы** коснемся далее этого филологического обстоятельства...» (В. С. Соловьёв); «Действительность, как **мы** её знаем, не исчерпывается рассудочными категориями», «даже в нашем сознании **мы** находим этот же самый живой синтез логического и алогического» (С. Н. Булгаков).

Все тексты названных философов обнаруживают обилие *мы*-включений. Рассмотренные текстовые примеры демонстрируют такую особенность философского *мы*-дискурса, как множественность (*мы* обозначает некоторое количество людей, а не является множественным гиперболическим, где *мы* = я). Для философских текстов важны адресант-адресатные отношения, автор и читатель представлены как целое, *мы*. «*Мы*» — это не только апелляция к знаниям читателя, но и приобщение читателя (адресата) к знаниям автора (адресанта).

Отличительной чертой *мы*-дискурса В. С. Соловьёва является частотное использование местоимения *мы* в некоторых отрезках текстов (это «концентрированное» употребление *мы*-включений *мы* называем

мы-блоками). Например: «К тому же самому результату приводят нас и другие совершенно простые и общепонятные соображения, которые вместе с тем могут служить к пояснению того чисто диалектического и потому не для всех ясного хода мыслей... Когда **мы** ставим вопрос об истинном знании, то **мы** должны уже иметь некоторое предварительное понятие об истине, так как иначе **мы** не знали бы, о чём **мы** спрашиваем, не знали бы, чего нам искать, а так как, с другой стороны, **мы** ещё ничего не можем знать о содержании истины, так как иначе **мы** не ставили бы и вопроса.... **мы** должны знать только, что...» [10, с. 609—610]. В одном блоке может быть от пяти до пятнадцати *мы*-включений. Использование *мы*-блоков является солидаризирующим средством, которое подчеркивает, что автор и читатель — единомышленники, что они обладают одинаковым набором знаний, одинаково участвуют в процессе общения и осмысления; автору же удаётся поддерживать вовлечённость читателя в конкретный дискурс, общаться и полемизировать с ним, поэтапно утверждая общую позицию. Таким образом, *мы*-дискурс в философских текстах несёт семантику совместности.

Однако семантика совместности в языке философии передаётся не только с помощью *мы*-включений. Семантика совместности, заключённая в основополагающих философских категориях, отражена в работах всех названных мыслителей.

У В. С. Соловьёва это учение о **всеединстве**, сущности всемирного единства. Философия всеединства отражена не только на лексическом уровне, но и на словообразовательном (*всеединство* — *всезычие, всенародность, всемирный, всеединое, всеобщий, всечеловеческое, всецелость, всесторонность, всеобъемлющий, всеобщность, всеединящий, всечеловек* и др.).

Для В. В. Розанова определяющими являются темы **христианства, семьи**, одной из центральных категорий — **Космос** как «целое». У С. Н. Булгакова — это учение о Софии, **софиология**, связанная с системой всеединства. Для Н. А. Бердяева центральной является идея **соборности**, соборного сознания и соборной культуры. Цель Собора — единство во множестве. У М. К. Мамардашвили — это проблемы объединительной духовности и философии.

Религиозная философия и религиозные взгляды названных философов позволяют говорить о взаимосвязи философского дискурса и религиозного. Рассмотрение некоторых компонентов религиозного дискурса — участников и ценностей — возможно лишь в рамках семантики совместности. Участниками этого институционального дискурса являются Бог, прихожане и священнослужители, совместная деятельность которых направлена на приобщение и поддержание **веры** как ключевого культурного концепта этого дискурса [11, с. 221].

Совместность в религиозном дискурсе является важной темой многих русских философов, манифестирующих веру через понятия Бога и человека, Бога и человечества.

Мы проанализировали философские тексты и установили, что существует целый ряд концептов, общих для всех философов, концептов, которые составляют основу концептосфер философов и способствуют выражению основных идей мыслителей, раскрывают смысл их учений.

Были определены следующие общие концепты: *жизнь*, *мир*, *душа*, *человек*, *русское* (русскость). Названные концепты включают параметр совместности. Рассмотрим это на примере описательных характеристик. Носителями семантики совместности могут быть определения к словам-концептам.

Жизнь — *историческая* (человек и история), *религиозная* (Бог и человек), *всенародная* (весь народ), *родовая* (род человеческий, семья) — у Н. А. Бердяева; *российская* (у всех русских), *общественная* (всё общество) — у М. К. Мамардашвили; *государственная* (всё государство) — у В. В. Розанова; *всемирная* (весь мир), *всеобщая* (общая для всех), *единство жизни* (единая) — у С. Н. Булгакова; *всемирная* (у всего мира), *собирательная* (жизнь всех), *цельная* (включающая многое, многих), *церковная* (в которой Бог, церковь и человек), *общая* (для всех), *семейная* (члены семьи, живущие вместе, входящие в семью), *общественная* (в обществе), *мировая* (жизнь во всем мире) — у В. С. Соловьёва. «Жизнь всех связала основным единством» [10, с. 247].

Мир — *человеческий* (все люди), *православный* (включает всех православных), *религиозный* (Бог и люди), *общественный* (общество и человек) — у Н. А. Бердяева; *сложный* (соединение разных людей, элементов), *связывающий человека с миром* — у М. К. Мамардашвили; *сложный*, *политический* (совместная деятельность людей, относящихся к данной сфере деятельности), *человеческий* (мир людей), *органический* (связанный) — у В. В. Розанова; *целый* (обладающий целостностью, связностью), *божественный* (где есть Бог и человек) — у С. Н. Булгакова; *христианский* (единение христиан), *божественный* (мир, в котором люди верят в Бога), *всеобщий* (общий для всех) — у В. С. Соловьёва.

Душа — *религиозная* (душа людей, исповедующих определённую религию), *русская* (свойственная русским), *универсальная* (для всех) — у Н. А. Бердяева; *человеческая* (у всех людей), *наши души* (множество душ) — у М. К. Мамардашвили; *мировая* (мир и душа), *мир душ* (мир, включающий много душ) — у С. Н. Булгакова; *народная* (свойственная всему народу), *мировая* (собирательное понятие всех душ мира), *душа человечества* (души людей) — у В. С. Соловьёва.

Человек — *религиозный* (верящий в Бога, относящийся к определённой религии), *европейский* (Европа и человек), *общительный и социабельный* (любящий общество и общение) — у Н. А. Бердяева; *современный* (люди, живущие в данный период времени), *советский*

(люди, жившие в СССР) — у М. К. Мамардашвили; *сверхчеловек* (отличающийся от других людей в обществе, к которому он относится), *Богочеловек* (человек Бога, человек и Бог) — у С. Н. Булгакова; *собираТЕЛЬный* (включающий множество взаимосвязанных образов) — у В. С. Соловьёва.

Русское — *судьба* (общее понятие, связывающее всех русских), *христианство* (связывает людей определённой религии), *земля* (вся территория), *душа* (собираТЕЛЬное понятие — духовное единение всех людей), *народ* (люди, проживающие на одной территории, говорящие на одном языке), *православие* (объединяет православную церковь, Бога, людей), *общество* (люди), *духовность* (единение душ) — у Н. А. Бердяева; *писатели, мыслители, ученые, демократы* (группы людей), *народ* (люди, связанные общим языком и территорией) — у М. К. Мамардашвили; *литература* (написанная на родном языке, объединяющая людей), *земля* (совместная территория проживания народа), *народ* — у В. В. Розанова; *культура* (присущая всем, связывающая всех людей), *самосознание* (свойственное всем русским, объединяющее всех русских) — у С. Н. Булгакова; *народный дух, народ* (свойственный всему народу), *семья* (включает всех членов семьи), *общество, государство* (политическая организация общества, включает всю территорию и население) — у В. С. Соловьёва.

Выводы. Итак, семантика совместности имеет широкое поле дискурсивной реализации в языке философии и в философских текстах. Во-первых, это реализация совместности посредством *мы*-дискурса, который является характерной чертой философского дискурса. Во-вторых, использование универсальных для философии концептов (*жизнь, душа, человек, мир, русскость*), в значении которых заложена совместность. *Мы*-дискурс и основные концепты в учениях русских мыслителей о соборности, софийности, всеединстве представляют категорию совместности в языке русской философии. В этом отношении язык философии возможно назвать «языком совместности», совместности философа (адресанта) и читателя (адресата), человека и человека, Бога и человека, человека и человечества, философии и человека.

Литература

- 1. Мамардашвили М. К.** Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. — М. : Прогресс, 1992. — 409 с.
- 2. Синельникова Л. Н.** Философ как языковая личность / Л. Н. Синельникова // Синельникова Л. Н. Жизнь текста, или Текст жизни : сочинения в 3-х т. — Луганск : Знание, 2005. — Т. 2. — С. 333—362.
- 3. Новейший философский словарь** / В. А. Кондрашов, Д. А. Чекалов, В. Н. Копорулина; [под общ. ред. А. П. Ярещенко]. — Ростов н/Д. : Феникс, 2005. — С. 202—203.
- 4. Грицанова А., Румянцева Т., Можейко М.** История философии : энциклопедия

[Электронный ресурс] / А. Грицанова. — Режим доступа к ресурсу : <http://terme.ru/dictionary/187/word>. **5. Гутнер Г. Б.** Теоретический и философский дискурс [Электронный ресурс] / Г. Б. Гутнер. — Режим доступа к ресурсу : <http://lib.philosophical.ru/music/diskurs/gutner.html>. **6. Ищенко Е. Н.** Современный философский дискурс: пространство и границы / Е. Н. Ищенко // Вестник ВГУ. — 2003. — № 2. — С. 195—209. — (Серия «Гуманитарные науки»). **7. Ларина Т. В.** Категория вежливости и стиль коммуникации [Электронный ресурс] / Т. В. Ларина. — Режим доступа к ресурсу : <http://depositfiles.com/fsles/5228wrakd>. **8. Бердяев Н. А.** Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. — М. : Книга, 1991. — 446 с. **9. Розанов В. В.** О понимании (Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания) / В. В. Розанов. — СПб. : Наука. — 1994. — 540 с. **10. Соловьёв В. С.** Сочинения в 2-х т. / В. С. Соловьёв. — М. : Мысль, 1988. — Т. 1. — 892 с. **11. Карасик В. И.** Языковой круг : Личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. **12. Булгаков С. Н.** Сочинения в 2-х т. / С. Н. Булгаков. — М. : Наука, 1993. — Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. — 603 с.

Грищенко О. В. Деякі особливості *ми*-дискурсу в російській філософії.

У статті визначена активність *ми*-дискурсу та умови його функціонування у філософській мові. Розглянуті способи реалізації категорії спільності у мові російської філософії.

Ключові слова: мова філософії, займенник, дискурс, концепт.

Грищенко Е. В. Некоторые особенности *мы*-дискурса в русской философии.

В статье определена активность *мы*-дискурса и условия его функционирования в философском языке. Рассмотрены способы реализации категории совместности в языке русской философии.

Ключевые слова: язык философии, местоимение, дискурс, концепт.

Grischenko E. V. Some peculiarities of *we*-discourse in Russian philosophy.

The article defines the activity of *we*-discourse and conditions of its functioning in philosophical language. Other ways of expression of the “community” category in the language of Russian philosophy are examined.

Key words: language of philosophy, pronoun, discourse, concept.

УДК 811.161.1'271

А. В. Розсоха

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Постановка проблемы. На современном этапе развития общества, для которого характерны процессы глобализации и американизации, всё в большей мере выявляются проблемы межкультурной коммуникации. Резко увеличившееся за последнее время количество публикаций, посвящённых этой теме, свидетельствует о её актуальности. Исследования феномена межкультурной коммуникации представлены в работах Л. И. Гришаевой [1], Л. В. Цуриковой [2], Ричарда Вайзмэна [3], Дональда Клопфа [4], Ким Янг [5], Лауренц Фолькманн [6] и др.

Цель статьи — обратить внимание на проблемы межкультурной коммуникации, вызванные неадекватным переводом и существующими в сознании коммуникантов культурологическими стереотипами.

Примеры глобализации ярко отражаются в языке и стиле общения. Так, например, очень распространённым в русском языке стало обращение к малознакомому собеседнику только по имени, присущее европейской культуре. Очень часто люди представляются, называя лишь свою фамилию и имя, опуская отчество. Обращение на «ты» становится всё более употребительным в официальной речи. Похожие процессы наблюдаются и в других языках. Немецкий интерфейс последней версии программы ICQ использует лишь местоимение «ты», хотя в лицензионном соглашении к пользователю всё ещё обращаются на «Вы».

В. М. Алпатов в своей статье «Глобализация и развитие языков» приводит примеры американизации японского языка: «Количество американизмов в современном японском языке очень велико и не поддается точному учету, поскольку чуть ли не каждое английское слово может быть заимствовано, хотя бы в составе сочетаний. Существует немало сложных слов и словосочетаний, которые созданы из английских корней в самой Японии и не имеют английских параллелей: wan-man-basu или wan-man «автобус без кондуктора» (один+человек+автобус), no-aigo «изделие, которое нельзя гладить» (нет+утюг), no-mai-kaa-dee «день, когда рекомендуется воздерживаться от пользования личными автомобилями» (нет+мой+автомобиль+день)» [7]. Разумеется, процессы заимствования иноязычной лексики происходили и до глобализации, но их можно было объяснить появлением в культуре новых реалий, для обозначения которых в языке не находилось подходящих слов (как это видно из примеров выше). Однако в настоящее время наблюдаются заимствования, которые не обусловлены объективными причинами.

Например, фильм «Звёздные войны» появился в Японии под названием «•••• ウォーズ» (sutaa wozu) — заSPELLINGованное японской азбукой английское название фильма «Star Wars», которое не несёт никакой смысловой нагрузки в японском языке.

С развитием глобализации изменяется не только язык, но и языковая картина мира в обществе, сознание человека и понимание им другой культуры, что в свою очередь влияет на формирование мировоззрения. В этой связи очень важной становится деятельность переводчика, целью которой является обеспечение взаимопонимания между носителями разных языков и культур. Отношение к той или иной культуре формируется чаще всего не при непосредственном общении с её представителями, а складывается из мнения, навязываемого средствами массовой информации, телевидением, фильмами и т.д. Важную роль в данном процессе играет правильный перевод, учитывающий культурологические особенности не только исходного текста, но и восприятие переведённого представителями другой культуры.

К сожалению, такие переводы встречаются крайне редко. Особенно актуальной проблема перевода стала для современной массовой культуры. Фильмы, сериалы, компьютерные игры, подвергаются настолько некачественному переводу, что не могут не вызывать негативного отношения к себе, которое подсознательно переносится и на страну-производителя.

Показательной в этом плане является ситуация с переводом компьютерных игр. Неправильные переводы англоязычных игр на русский язык настолько распространены, что в Интернете открываются форумы, где пользователи собирают наиболее смешные фразы. Зачастую перевод не просто звучит неестественно или кажется неточным, а теряет всякий смысл: «Выбрать искусство» вместо «Выбрать корабль» (ср. «Select craft» в английском варианте), «Помочь гражданским лицам в нужде» (задание в игре «Battle For Naboo», LucasArts 2001), «За что борется Н.А.Р.М.?» вместо «Как расшифровывается Н.А.Р.М.?» (ср. «What does N.A.R.M. stand for?» в английском варианте, «No One Lives Forever: The Operative», Fox Interactive 2001). Часто переводятся личные имена: Дарт Кувалда (Darth Maul), Генерал Печальный (General Grievous), Джанго Жирный (Jango Fett) и т.д.

Большинство же обсуждений на Интернет-форумах заканчиваются выводом о том, что лучше пользоваться английской версией, чем читать русский перевод: «Во второй «Knights of the Old Republic» сразу играла без перевода, но однажды поставила, из чистого любопытства. Родители хотели вызывать скорую... Потом я переустановила английскую версию, от греха подальше» [8].

Ситуация не была бы настолько сложной, если подобные переводы не вызывали бы ничего, кроме смеха. Но нередко можно встретить резкие отзывы не о переводе, а о самой игре или о фильме.

Особенно часто встречаются такие отзывы о современных комедиях. Так, например, в Интернете обсуждаются популярные сериалы «Теория большого взрыва» (США, 2007—2010) и «Компьютерщики» (Великобритания, 2006—2010), которые переведены на русский язык настолько недобросовестно, что их предпочитают смотреть только в оригинале. Те же, кто видел только русскую версию, отзываются об этих сериалах крайне негативно:

«Пользователь Dimon4ik_mda: Не знаю... Лично как по мне — полный бред! Я не понимаю этот тупой юмор. Они бредают просто. Не могу понять тех людей, которые восхищаются «Теорией большого взрыва».

Пользователь irafd: Как вы можете смотреть сериал в этом уродующем его переводе?

Пользователь provkinse: Ребята, извиняюсь перед Вами... Перевод просто отвратительный! Всё вырезано, перевод кривой и неправильный. Мужской голос просто отвратительный. Кто же работает на НТВ... Жуть.

Пользователь DrumKeef: БОЖЕ!!! Если кто-то еще не видел — НЕ СМОТРИТЕ!!! Это просто АД! Чудовищный перевод, настолько не в тему, что даже эмоции передаются неверно. Еле удержалась от того, чтобы запустить в телевизор чем-то тяжелым...» [9].

Если сравнивать русский перевод и оригинал, то подобные комментарии не удивляют. Для примера проанализируем несколько оригинальных фраз и их русский перевод:

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод</i>	<i>Комментарии</i>
Won't be a tick!	Ой! Не хочу заработать тик!	Ответ на стук в дверь. Правильный перевод: «Одну минутку!» («Компьютерщики», сезон 1, серия 1).
I'm a waitress at the Cheesecake factory.	Я официантка в сырной фактории.	Названия ресторанов редко переводятся вообще (например, «Макдональдс»). «Cheesecake factory» — сеть кафе. В русском же переводе приблизительный смысл предложения можно понять только благодаря слову «официантка» («Теория большого взрыва», сезон 1, серия 1).
She's 2 feet above the ground.	Она 2 фута роста.	Правильный перевод: «Она в 2 футах от земли» («Теория большого взрыва», сезон 1, серия 2).

Как видно из примеров, большинство фраз переведены настолько неадекватно, что они просто утрачивают всякий смысл. Но самым опасным в аспекте межкультурных коммуникаций является то, что на этой основе у населения формируются неправильные стереотипы в отношении других культур. Об этом пишут Сю Чжэнь Жэнь и Хун Вэй Ван, анализируя роль стереотипов в межкультурном общении: «In intercultural communications, it is quite natural to have stereotypes about foreigners and their cultures, and stereotypes can be the first step toward learning more about another people or culture. However, stereotypes can be dangerous. One problem with stereotypes is that they are not very accurate. Some stereotypes may have a basis in fact, but they are too broad and shallow, and they give us the mistaken idea that a people's culture can be summed up easily in a few short, simple statements. This simply isn't true»¹ [10, с. 46]. Далее авторы предупреждают о формировании ложных стереотипов и об их негативном влиянии на интеркультурные коммуникации. При общении с представителями других культур важно обращать внимание на собственное сознание и поведение, стараться освободиться от любых стереотипов, потому что многие из них не соответствуют действительности: «As a result, the first step in eliminating stereotypical thinking is to become aware of the stereotypes that each of us carries with us. The idea is to separate our genuine knowledge about particular groups from those inflexible notions that have become lodged in our brains because of past experiences, rumor, or media influences. The point here is to learn to distinguish our inflexible stereotypes from well-founded, flexible information about a group, and try to have multiple experiences with and in-depth knowledge of the group. The more you learn about particular groups, the less able you will be to lump individuals together. Acquiring knowledge can only weaken stereotypical thinking»² [10, с. 47].

Это, однако, лишь означает, что в межкультурном общении не следует быть предвзятым к собеседнику, но ни в коем случае не говорит о том, что к такого рода общению не нужно готовиться. Межкультурные различия, проявляющиеся на вербальном и невербальном уровнях, обязательно должны учитываться собеседниками. Знания о другой культуре и сознательная корректировка собственного поведения являются неотъемлемой частью межкультурной коммуникации. Лауренц Фолькманн называет такие качества «межкультурной компетентностью»: «Der Begriff IK lässt sich demnach allgemein als Fähigkeit und Fertigkeit von Fremdsprachenlernern, ja überhaupt von Akteuren einer interkulturellen Begegnung begreifen, über Differenzen zwischen der eigenen und der Zielkultur zu wissen, diese in konkreten Situationen zu erkennen und Strategien zu entwickeln, einfühlsam auf die Gepflogenheiten der anderen Kultur einzugehen. Kurzum, es geht darum, Missverständnissen vorzubeugen, eventuell auftretende Komplikationen zu glätten, überhaupt Kommunikation reibungsloser zu gestalten»³ [6, с. 12].

Анализируя вышеназванные особенности формирования стереотипов и межкультурной компетенции, можно сделать вывод о том, что наиболее важным для успешной интеркультурной коммуникации является глубокое изучение языковых и культурологических особенностей других стран. Разумеется, для получения таких знаний требуется масса времени и усилий, а сформировать правильное и достаточно глубокое понимание не одной, а множества культур представляется почти невозможным. Тем не менее, ни в коем случае нельзя строить понимание другой культуры под влиянием бытующих мнений о ней. Следует различать саму культуру и то, как её представляют в других странах. Это относится и к приведённым выше примерам некачественного перевода, и к СМИ, освещающим события в определённом политическом свете, и к процессу глобализации, который навязывает поверхностные знания и представления, в большинстве своём оказывающиеся ошибочными.

Процесс глобализации привёл совершенно противоположному результату — вместо принятия и лучшего понимания других культур у людей возникает неприязнь к ним, желание оградиться от их влияния, хотя целью межкультурного общения является не воздействие одной культуры на другую, а их взаимодействие. С развитием антиглобалистского движения данная проблема становится особенно острой, а её решение потребует дальнейшего углублённого изучения особенностей диалога культур.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что проблема межкультурных коммуникаций в условиях глобализации нуждается в гораздо более глубоком анализе, основными задачами которого были бы теоретическая и практическая стороны рассмотрения взаимодействия культур. Современные тенденции развития общества, а также неугасающий интерес к кросс-культурному общению со стороны социолингвистики дают все основания предполагать, что в ближайшее время этому вопросу будет посвящаться всё большее внимание, а сама проблема межкультурных коммуникаций приобретёт большую актуальность в научных исследованиях.

Литература и примечания

- 1. Гришаева Л. И.** О противоречивости оценок в межкультурной коммуникации и этике межкультурных контактов // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева. — Воронеж, 2007. — № 1. — С. 228—238.
- 2. Цурикова Л. В.** Естественные барьеры для межкультурной коммуникации / Л. В. Цурикова // Вестник Воронежского государственного университета — 2007. — № 1. — С.138—153.
- 3. Wiseman R. L.** Intercultural communication competence / Wiseman R. L. — Newbury Park : Sage Publications, 2001. — 264 p.
- 4. Klopff D. W.** Intercultural encounters: the fundamentals of intercultural communication /

Kopf D. W. — Englewood : Morton Pub. Co., 2006. — 304 p. **5. Kim Y.** Cross-cultural adaptation : An integrative theory / Kim Y. — Thousand Oaks : Sage, 2000. — 336 p. **6. Laurenz Volkman.** Interkulturelle Kompetenz : Konzepte und Praxis des Unterrichts / Laurenz Volkman, Klaus Stierstorfer, Wolfgang Gehring. — Tübingen : Narr, 2002. — 247 S. **7. Глобализация и развитие языков [Электронный ресурс] / В. М. Алпатов.** — Режим доступа к ресурсу : // <http://www.anti-glob.narod.ru/st/alpatov.htm>. **8. Форум «Star Wars Galaxy» [Электронный ресурс].** — Режим доступа к ресурсу : <http://forum.swgalaxy.ru/lofi/version/index.php/t477.html>. **9. «Теория большого взрыва» на российском ТВ [Электронный ресурс].** — Режим доступа к ресурсу : <http://www.bigbang-tv.ru/news/2010-4-8-160-0-1>. **10. Xiuzhen Ren, Hongwei Wang.** A Study of Cultural Stereotypes in Intercultural Communication // Sino-US English Teaching / Xiuzhen Ren, Hongwei Wang. — 2006. — № 3. — P.44—47.

¹ В межкультурном общении естественным является процесс построения стереотипов о разных культурах, что может даже быть первым шагом к более глубокому пониманию людей. Однако стереотипы могут быть опасными. Одна из проблем стереотипов заключается в том, что они зачастую являются неверными. Некоторых из них, разумеется, не лишены оснований, но дают слишком обобщённое и поверхностное, а следовательно, ошибочное представление о том, что другую культуру можно описать парой коротких утверждений. А это просто неправильно (*перевод с англ. наш. — А.Р.*).

² Таким образом, первым шагом к устранению шаблонного мышления является осознание тех стереотипов, которые мы постоянно используем. Задача состоит в том, чтобы отделить наше истинное знание об отдельных группах от уже устоявшихся представлений, которые отложились у нас в сознании благодаря предыдущему опыту, слухам или влиянию СМИ. Цель здесь в том, чтобы научиться отличать устоявшиеся стереотипы от убедительной и обоснованной информации о той или иной группе людей. И чем больше мы знаем, тем чаще мы будем усматривать индивидуальности в общей массе. Новые же знания ослабят стереотипное мышление (*перевод с англ. наш. — А.Р.*).

³ Понятие межкультурной компетенции в целом понимается как совокупность способностей и умений изучающих иностранный язык (или участников межкультурного общения вообще) понять различия между целевой культурой и собственной, распознать их в конкретных ситуациях и разработать стратегии для чуткого реагирования на обычаи и привычки представителей другой культуры. То есть речь идёт о предотвращении недоразумений, сглаживании возможных конфликтных ситуаций и формировании свободного общения (*перевод с нем. наш. — А.Р.*).

Розсоха А. В. Проблеми міжкультурної комунікації в умовах глобалізації.

У статті розглядаються проблеми міжкультурної комунікації, що викликані неадекватним перекладом та культурологічними стереотипами, які існують у свідомості комунікантів.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, глобалізація, Інтернет, культурологічні стереотипи.

Розсоха А. В. Проблемы межкультурной коммуникации в условиях глобализации.

В статье рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации, вызванные неадекватным переводом и культурологическими стереотипами, существующими в сознании коммуникантов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, глобализация, Интернет, культурологические стереотипы.

Rozsokha A. V. Cross-cultural communication problems under globalisation.

The article deals with the problems of cross-cultural communication caused by inadequate translations and cultural stereotypes in the consciousness of speakers.

Key words: cross-cultural communication, globalisation, Internet, cultural stereotypes.

УДК 811.161.1'373.4

Сунь Чжунся

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СЦЕНАРИЙ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»

Концептология к настоящему времени накопила большой опыт описания лингвокультурных концептов [1; 2; 3; 4; 5]. Этапы исследовательских действий могут быть представлены в виде алгоритма, объём и последовательность действий в котором соответствуют пониманию природы концепта и связанной с этим принадлежностью к определённой научной школе. Обозначились два научных подхода — лингвокогнитивный и лингвокультурный. Первый обоснован учёными Воронежской научной школы [6; 7], второй — Волгоградской научной школой [3; 4; 5]. Несколько основных позиций объединяют представителей разных направлений: 1) концепты принадлежат ментальной сфере, сознанию, 2) большинство из них имеет языковую выраженность в виде слова или словосочетания, которые могут полностью или частично соответствовать определённому концепту, 3) существуют концепты, не имеющие фиксированной языковой репрезентации, 4) предметные и понятийные признаки многих концептов

сопровождаяются оценочными ментальными характеристиками, расширяющими границы концептов.

Признание того, что между структурой концепта как ментального образования и семантической системой языка существует тесная связь, объясняет необходимость *первого этапа исследования* — формирование номинативного поля концепта. Номинативное поле — это совокупность семантически связанных и экстралингвистически обусловленных единиц, которые закреплены в социуме для выражения информации об определённом фрагменте картины мира. Динамический характер номинативного поля концепта «семья» объясняется изменчивостью оценочных признаков этого социального института, а также акцентированием разных аспектов семьи. В номинативном поле этого концепта маркировка диахронии и синхронии тесно связана с разными этапами развития семейных отношений.

Семья определяется как социальная группа, обладающая исторически определённой организацией, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта, взаимной моральной ответственностью, поддерживаемой социальной необходимостью, которая обусловлена потребностями общества. Уже в этом определении заложены причины подвижности и изменчивости статусных и оценочных характеристик составляющих номинативного поля концепта «семья»: варьируется степень социальной ответственности, разные формы может приобретать участие в организации быта, в воспитании детей, в отношении к семейным традициям и т.д. Слово «семья» — ключевое для номинативного поля концепта, оно имеет высокую степень обобщённости значения, является стилистически нейтральным и общераспространённым.

Второй этап исследования связан с установлением иерархии классификационных признаков концепта — его ядерных компонентов (термины родства, охватывающие все виды семейных отношений) и номинаций представлений о семье (её составе, типе, социальных функциях, распределении обязанностей), существующих на определённом этапе развития общества. Расположение терминов родства на синхронно-диахронической линии также зависит от состояния общественного сознания (часто экономически и идеологически обусловленного) и от особенностей национальной культуры (сохранение семейных традиций или склонность к их изменению в этнической шкале культурных ценностей). Выделение в полевой структуре концепта ядра, ближней, дальней и крайней периферии должно проходить с обязательным учётом социально-исторического и культурного факторов. Лингвистические данные при изучении концепта дополняются экстралингвистической информацией.

Третий этап ориентируется на выявление и систематизацию языкового материала, репрезентирующего изучаемый концепт. Материалом могут служить 1) словари разных типов (толковые,

фразеологические, словообразовательные, синонимические, терминологические, социологические, психологические, культурологические, энциклопедические, а также словари жаргонов, пословиц, поговорок, афоризмов, иностранных слов, ассоциативные, частотные словари, словарь эпитетов — в зависимости от целей и задач исследования), 2) тексты, в которых реализуется концепт (здесь наиболее продуктивен подход — «от дискурса» — педагогического, художественного, правового и т. д.), 3) личностные (субъективные) дефиниции и оценки, полученные в результате применения экспериментальных методик психолингвистического и социолингвистического характера.

Информация, полученная из разных источников, используется для установления уровня лексической дифференциации концепта, для выявления системных отношений внутри концепта и, соответственно, классификаций характера и типа его языковой (текстовой) представленности. Так, лексикографические данные позволяют определить парадигматический план языковой фиксации концепта (русский тезаурус слова «семья») и синтагматический план (сочетаемость характеристики слов, вербализующих концепт), выделить историческую и актуальную часть номинаций. Деривативные образования (*смейка, сиротинушка, бабуля, родственничек* и под.) как формы номинации, сопровождаемые оценкой, связаны не столько со стилистическими характеристиками слова, сколько с их прагматической семантикой, учитывающей условия общения и характер отношений между субъектами речи [8]. На основании комплекса лексикографических дефиниций можно судить о «номинативной плотности» (В. И. Карасик) концепта. Если ядро концепта, включающее признаки родства, может быть исчислено закрытым списком, то ближняя, дальняя и крайняя периферия проявляют большой набор признаков, что позволяет говорить о высокой номинативной плотности концепта (в другой терминологии — относить его к числу концептов с высоким уровнем лексической дифференциации). Названные этапы действий отражены и в кандидатской диссертации Е. В. Добровольской, посвящённой концепту «семья» [9]. Но в её исследовании не акцентируется внимание на дискурсивном факторе реализации признаков концепта.

Путь «от словаря к тексту» позволяет установить дискурсивные признаки номинаций концепта как факт проявления исторически изменчивых и культурно обусловленных ценностных характеристик фиксируемых словарями показателей концепта. Текстовые реализации концепта «семья» в педагогическом дискурсе направлены на активизацию морально-правового сегмента концепта (ответственность, социальная значимость воспитания и др.) через специфические коммуникативные стратегии и тактики. Изучение текстовых реализаций этого концепта в художественном дискурсе позволяет 1) дополнить

описание психологически тонкими признаковыми характеристиками, 2) соотнести эти характеристики с данными экспериментально собранного материала.

Цель экспериментальных методик — выявить содержание концепта в обыденном сознании носителей языка, различающихся по ряду статусных признаков — возрастных, гендерных, образовательных, профессиональных, что важно для выявления эмоционально-оценочных (коннотативных) показателей концепта. Групповые и личностно-ориентированные оценки номинаций концепта могут быть собраны методом свободных дефиниций (семья — это..., дети — это..., родители — это... и т. д.), заданиями: составить синонимический ряд, закончить фразу, подобрать ассоциаты к слову-стимулу. Экспериментальная работа направлена на выявление когнитивных признаков концепта, обнаруживающих актуальное состояние общественного и языкового сознания.

В связи с изменениями в общественной жизни происходят изменения и в структуре концептов, меняется баланс соотношения положительных и негативных оценок. Концепт «семья», продолжая оставаться в числе ценностных общественных и личных доминант, подвержен изменениям в связи с новыми моделями образа жизни и ролевого поведения людей. Концепт, казалось бы, с непротиворечивыми признаковыми характеристиками, основывающимися на биологической и социальной природе человека, дополняется нестандартными и неоднозначными оценками. При этом фиксируется положительная и отрицательная маркированность одного и того же признака концепта. Большое влияние оказывает ориентация молодёжи на европейские ценности: прагматизм, приоритет карьеры, самореализации, независимости, материального благополучия и под. Всё больше отличий накапливается в мускулинном (мужском) и феминном (женском) взгляде на семью. Такого рода отличия изменяют традиционные нормы семейного поведения, сложившиеся в культуре принципы этического общения. Увеличивается ряд отрицательно маркированных типажей [10]. Появляются признаки концепта, не обусловленные традицией, подрывающие устойчивость и целостность коллективного сознания, в том числе языкового. Растёт число стилистически сниженных оценок, смещающих ценностные ориентиры. Происходит критическая оценка семейных стереотипов.

Данные экспериментов есть смысл соотнести с показателями дискурсивной реализации концепта. Транслируемость номинаций поля концепта «семья» в педагогическом дискурсе неизмеримо меньше, чем в художественном: в первом случае представлены устойчивые, постоянные признаки концепта (регулятивная зона), во втором — активизируются оценочные (зона коннотаций). Педагогический дискурс проявляет специфику психолого-возрастных признаков концепта, художественный дискурс даёт возможность установить факты соприкосновения концепта

«семья» с другими концептами — *общение, свобода, счастье, любовь, уважение, сопереживание, милосердие, долг, одиночество* и др., что уменьшает количество нейтральных номинаций поля концепта.

Приведём несколько примеров контекстов, по-разному диагностирующих концепт «семья». Педагогический дискурс основывается на понимании семьи как системы, имеющей определённые структуры, границы и правила семейных отношений. Индивидуальные подсистемы входят в более общие системы, в конечном счёте — в систему общества. Отсюда подчёркивание таких атрибутов семьи, как ответственность (прежде всего перед детьми и родителями), осознанное психическое и коммуникативное поведение и под. Художественный дискурс, в котором описывается психическое взаимодействие членов семьи, демонстрирует проявленное в чувствах и поступках душевное состояние. Так, забота как когнитивный признак концепта «семья» может быть представлен в таком тексте: «Моя подруга уехала, и я осталась совсем одна. Ни родни, ни товарищей по работе, ни даже соседей по дому. Прежде подпирала заботы: свои заботы о ком-то и чьи-то заботы о тебе. Слово «беззаботный» обычно сопровождает представление о счастье. А на самом деле до чего неприятна, неприкаянна жизнь без забот! Прошло много времени, пока я к ней приспособилась. Первое время я даже не могла готовить еду: мне казалось диким кормить самоё себя» (И. Грекова. Вдовый пароход). Сравним с толкованием В. И. Даля: забота — усердные хлопоты, беспокойное попечение, радушное беспокойство о ком или о чём. И деривативный ряд в его словаре: *заботка, заботушка, заботанька, заботишка, заботища*. Забота проявляется как душевное состояние, отыскивающее для своего проявления разные способы — как преднамеренные, так и непреднамеренные. Отсутствие заботы может привести к семейным конфликтам. Ещё один пример из художественного текста, который проявляет такой когнитивный признак концепта «семья», как любовь к детям. «Анфиса кормила своего сына. Она вся переливалась в него, в своего хозяина: «Никто никогда не был ей таким хозяином, ни Фёдор, ни Григорий, никто. Только Вадим ... Записалась в библиотеку, дали ей там книжек по дошкольной педагогике. Читала-читала, а толку нет. Написано много, а всё не по делу. Толкуют про особенности возрастной психологии, про формирование личности, да так нудно, словно мешок полощут. Люби его, играй с ним — и он тебя будет любить» (И. Грекова. Вдовый пароход). Любовь как доминанта отношения к детям в семье укладывается в многомерный концепт любви, данный человеку «от Бога и от природы» (И. А. Ильин). «Посмотри, как протекает жизнь человека, — пишет далее философ. — Ребёнок применяется к матери — потребностями, ожиданием, надеждою, наслаждением, утешением, успокоением и благодарностью; и когда всё это слагается в первую и нежнейшую любовь, то этим определяется его личная судьба. Ребёнок ищет своего отца, ждёт от него приветов, помощи, защиты и водительства,

наслаждается его любовью и любит его ответно; он гордится им, подражает ему и чувствует в себе его кровь. Этот голос крови говорит в нём потом всю жизнь, связывает его с братьями и сёстрами, и со всем родством. ... И не естественно ли ему любить своих детей той любовью, которой он в своих детских мечтаниях ждал от своих родителей?.. Как же обойтись без любви? Чем заменить её? Чем заполнить страшную пустоту, образующуюся при её отсутствии?» [11, с. 311].

Структурно-семантические признаки концепта «семья» в полной мере проявляются в дискурсивной реализации. Человек принадлежит природе, культуре и социуму. Эта тройственная принадлежность организует поле такого многомерного ментального образования, как семья. Акцент на дискурсивной реализации концепта «семья» можно рассматривать как факт творческой новизны в исследовании.

Литература

- 1. Бабушкин А. П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. — 104 с.
- 2. Болдырев Н. Н.** Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18—35.
- 3. Воркачѳв С. Г.** Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов / [под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина] / С. Г. Воркачѳв. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Т. 1. — С. 10—13.
- 4. Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2004. — 477 с.
- 5. Карасик В. И.** Лингвокультурная концептология : учебное пособие к спецкурсу / В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин. — Волгоград : Парадигма, 2009. — 116 с.
- 6. Попова З. Д.** Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Изд-во Истоки, 2001. — 191 с.
- 7. Стернин И. А.** Вариативность структурной организации концептов / И. А. Стернин // Язык и национальное сознание. — Воронеж : Истоки, 2007. — С. 7—13. — (Вып. 9).
- 8. Залевская А. А.** Концепт как достояние индивида / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избранные труды. — М. : Гнозис, 2005. — С. 234—244.
- 9. Добровольская Е. В.** Концептуализация семьи в русской языковой картине мира : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук / Е. В. Добровольская. — Томск, 2005. — 21 с.
- 10. Волкова Я. А.** Лингвокультурный типаж «злая свекровь» // Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности : коллективная монография / Я. А. Волкова. — Волгоград : Парадигма, 2010. — С. 177—183.
- 11. Ильин И. А.** Сочинения в двух томах / И. А. Ильин. — Т. 2. — Религиозная философия. — М. : Изд-во Медиум, 1994. — 575 с.

Сунь Чжунся. Дослідницький сценарій концепту «сім'я».

У статті визначені напрями й етапи дослідницької діяльності, метою якої є опис мовних і дискурсивних (текстових) маніфестацій концепту «сім'я» з акцентом на соціально й культурно обумовлених змінах в його номінативному полі.

Ключові слова: концептологія, концепт «сім'я», поле концепту, дискурсивна реалізація.

Сунь Чжунся. Исследовательский сценарий концепта «семья».

В статье определены направления и этапы исследовательской деятельности, целью которой является описание языковых и дискурсивных (текстовых) манифестаций концепта «семья» с акцентом на социально и культурно обусловленных изменениях в его номинативном поле.

Ключевые слова: концептология, концепт «семья», поле концепта, дискурсивная реализация.

Sun' Dzhunsya. Research scenario of the concept «family».

The ways and stages of research activity are defined in the article, the aim of which is to describe language and discursive manifestations of the concept 'family', focusing on social and cultural changes in its nominative field.

Key words: conceptology, the concept of family, concept field, discourse realization.

УДК 811.161.1'373.4

Чжоу Хунвей

**ДУША И СЕРДЦЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА**

Актуальность исследования определяется необходимостью лингвокультурного осмысления содержания имен *сердце* и *душа* в русской языковой картине мира. Эти имена значимы для носителей русского языка, но недостаточно разработаны в специальных трудах.

Цель статьи — исследовать роль имен *сердце* и *душа* в формировании языковой картины мира носителей русского языка.

Душа и сердце имеют много общего. Они представляются находящимися внутри человека, в его теле, а именно — в груди. С ними связано представление о каких-то особенных, происходящих внутри них, процессах: *Что же происходило тогда в его душе?; В сердце рождалась любовь.* Эти процессы ассоциируются с какими-то особыми функциями,

которые выполняют душа и сердце. Тем самым душа и сердце сближаются с обычными человеческими органами, которые тоже находятся внутри человеческого тела и выполняют особые функции, обеспечивающие его жизнедеятельность. Однако душу нельзя увидеть ни при каких обстоятельствах: это не материальный, а представляемый орган. Но душа, подобно некоторым материальным органам, может болеть: *Душа болит*. Говоря так, имеют в виду специфическое физическое ощущение, локализованное в груди.

Душа и сердце — это органы чувств. Душа и сердце являются также органами предчувствий, т. е. теми органами, с помощью которых человек может интуитивно постигать то, что произойдет в будущем: *Я душой чувствую, что он вернется (что он был там; что он жив)*.

Душа и сердце имеют каждый еще и свои особые функции. Душа — это орган внутренней жизни человека, т. е. всего того, что не связано непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта. Это средоточие внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, всего жизненно важного для данной личности: *В душе она хотела уйти; В глубине души он уже понимал, что им придется расстаться; Его душа была полна сомнений*. Непосредственные физиологические потребности никак не ассоциируются с душой.

Душа занимает совершенно уникальное место в человеке, в системе его «составных частей». Она отождествляется с личностью человека, с его внутренним «я», с его сущностью: *Какая высокая (низкая, мелкая) душа!* Это самое ценное, что есть у человека, причем как с точки зрения «наивной анатомии», так и с точки зрения этики.

С точки зрения «наивной анатомии» человек состоит из двух частей — души и тела, причем душа не материальна и не связана ни с каким человеческим органом. Она мыслится как некое невидимое средоточие жизни в человеке — это то, находясь внутри тела, делает человека живым. Чисто «анатомическое» представление о душе сохранилось в устойчивых выражениях *в чем душа держится, душу вытрясти* (из кого). Существенно, что душа как орган жизни связана в первую очередь с дыханием: *Он испустил последний вздох — душа отлетела от тела*. Связь души с дыханием прослеживается и в семантике уже устаревшего слова, приводимого В. Далем: «душа — ямочка на шее, над грудной костью, под кадыком» [1, с. 505]. Место на шее, обозначаемое словом *душа*, особым образом связано с дыханием — если на него надавить, то дыхание может прекратиться, и это приведет к смерти (ср. *задушить*). Сохранилось представление о связи души с другими процессами, локализованными в верхней части тела человека (но не с деятельностью сердца). Например, *Душа не принимает* («не могу есть или пить», часто — об алкогольных напитках). В Словаре Даля (статья «Душа») приводятся еще такие выражения: *С души мутит, С души тянет* — тошнит; *С души скинуло* — вырвало; *Душа меру знает* — о количестве того, что человек может съесть или выпить [1, с. 506].

С точки зрения этики душа является носителем некоего этического идеала, соответствие которому ценится больше всех материальных благ. Душа не всегда соответствует предъявляемым ей высоким требованиям, однако под влиянием жизненных обстоятельств она может в той или иной степени приближаться к идеалу. Человек может прилагать сознательные усилия к тому, чтобы его душа соответствовала высоким этическим требованиям.

Душа связывает человека с высшим духовным началом — это тот орган, с помощью которого человек ощущает мистический, потусторонний мир. Тем самым еще более повышается ценность и души, и сознательных усилий человека, направленных на усовершенствование своей личности: *спасать душу*. Подобно другим духовным сущностям душа обладает способностью передвигаться: *Он говорит, что когда человек умирает, его душа улетает из тела*.

В отличие от души, сердце представляется лишь органом чувств и связанных с ними желаний человека, но не его внутренней жизни в целом: *Ее сердце было полно страха (злости, любви, ненависти, радости); В сердце рождалась обида (зависть); Он хотел этого всем сердцем*. Сердце связано с наиболее интимной стороной личности — это орган любви к человеку противоположного пола: *Ее сердце еще не знало любви; Он таил это чувство в глубине сердца*.

Душа и сердце человека представляются не только как место неких особых процессов, но и как своего рода вместилища чувств: *Ее душа пуста; Ее сердце никем не занято (пусто); Его душу (его сердце) переполняла радость*. При этом сильные чувства как бы приходят в душу и в сердце извне: *Душу (сердце) охватила печаль; В душу закрадывался страх*. Однако с душой ассоциируются все процессы, создающие внутреннюю жизнь человека. В частности, с душой, но не с сердцем связано представление о внутренней речи: *В душе он умолял ее остаться*. Связь души с внутренней речью отмечается А. Вежбицкой [2]. Процессы, происходящие в сердце, связаны в основном с зарождением того или иного чувства: *В сердце рождалась любовь*.

То, что происходит в душе и в сердце человека, скрыто от посторонних глаз: *Никто не знал, что творилось в ее сердце (в ее душе)* (ср. также поговорку *Чужая душа — потемки*).

Сердце, в отличие от души, связано с материальным органом — с центральным органом кровообращения, находящимся в левой стороне груди. Поэтому орган эмоциональной жизни наделяется свойствами материального сердца. Так, сердце как вместилище чувств ассоциируется с кровью: *сердце обливается кровью*.

Сердце, ассоциируемое с чувствами, противопоставляется голове, разуму как органу знания и логики [3]. Разум и воля не в состоянии обуздать сильные чувства: *Сердцу не прикажешь*.

Основные различия между душой и сердцем хорошо проявляются в сочетаемости этих слов [4; 5]. Оба они сочетаются с прилагательными,

оценивающими данный орган с точки зрения преобладающих в человеке чувств: *великая (большая, благородная, чистая, гордая, ничтожная, мелкая) душа; великое (большое, благородное, чистое, гордое) сердце*. При этом в большинстве подобных сочетаний душа характеризуется, скорее, с точки зрения ее внутреннего устройства, а сердце — с точки зрения преобладающего отношения данного человека к другим людям. Так, *нежная душа* — это душа, которой свойственно глубоко и тонко реагировать, а *нежное сердце* — это сердце, которому свойственно нежное отношение к другим. Ср. также *чуткая душа* [речь идет о восприятии, реагировании вообще] и *чуткое сердце* [речь идет о восприятии чувств, настроения другого человека].

Отметим, что слова *душа* и *сердце* обозначают отзывчивость, сострадание: *У него совершенно нет души; У него нет сердца; Если у него есть сердце, он придет.*

Представления о сердце и душе сложны, противоречивы, что нашло отражение в языке. Эти представления формируют русскую языковую картину мира.

Литература

1. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. — М. : Русский язык, 1980. — Т. 1. **2. Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. — М. : Языки русской культуры, 1999. — 326 с. **3. Зализняк Анна А.** Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — М. : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с. **4. Антология** концептов. — М. : Гнозис, 2007. — 512 с. **5. Антология** концептов : в 3-х т. — Волгоград : Парадигма, 2006. — Т. 3. — 381 с.

Чжоу Хунвей. Душа й сердце в російській мовній картині світу.

Стаття присвячена вивченню культурно значимих імен *душа* й *серце* в російській мові.

Ключові слова: мовна картина світу, концепт, ключові слова.

Чжоу Хунвей. Душа и сердце в русской языковой картине мира.

Статья посвящена изучению культурно значимых имен *душа* и *сердце* в русском языке.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, ключевые слова.

Chzhou Hunway. Soul and heart in Russian language picture of the world.

The article is devoted to the study of culturally significant nouns *soul* and *heart* in the Russian language.

Key words: language picture of the world, concept, key words.

КАФЕДРА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1 – 1.09 + 929 (Окуджава + Визбор)

В. И. Бахмач

ДВА ГОЛОСА: О ПОЭЗИИ Б. ОКУДЖАВЫ И Ю. ВИЗБОРА

*Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем:
у каждой эпохи свои подрастают леса.*

Булат Окуджава

*Разрешите вам напомнить о себе,
О своей незамечательной судьбе.*

Юрий Визбор

В 2009 году исполнились юбилеи признанных основоположников русской авторской песни второй половины XX столетия — 85-летие Булата Шалвовича Окуджавы (9.05.1924 — 12.06.1997) и 75-летие Юрия Иосифовича Визбора (20.06.1934 — 17.09.1984). Несмотря на то, что свою первую песню «Нам в холодных теплушках не спалось...» Булат Окуджава написал еще в 1943 году, а Юрий Визбор — в 1951-м («Чутко горы спят...»), интерес к их творчеству у слушателей стал проявляться практически одновременно — с конца 1950-х — начала 1960-х годов. Каждый из тогда начинающих поющих поэтов по-своему постигал непривычное синтетическое, «наджанровое» (термин А. В. Кулагина) словесно-музыкальное искусство, утверждая своим творчеством новые традиции, быстро осваиваемые современниками. Бывший фронтовик и учитель русского языка и литературы Б. Ш. Окуджава изначально тяготел к чеканным маршевым ритмам, от которых органично перешел к романсовому строю, а вчерашний выпускник пединститута и в недавнем прошлом сержант Советской Армии Ю. И. Визбор энергично использовал куплетно-распевные формы. Оба успешно демонстрировали пение собственных стихов, становясь желанными поэтами в короткий срок, когда повсеместно утверждалась гитара, хотя она, по словам Визбора, «общепринято считалась тогда символом мещанства» [1, с. 11]. Однако не музыкальные пристрастия и ритмы, прежде всего, рознили молодых сочинителей, а художественное слово и миропонимание. Практически с первых шагов Булат Шалвович тяготел к лирико-философской *стихопесне*, которая раздвигала художественное пространство и время вдумчивым отношением к жизни, поскольку содержала в себе сложившиеся убеждения. А Юрий Иосифович стремился выразить себя в романтико-бытовой *стихопесне*, где глубоко личностная позиция основывалась на воодушевленном влечении к идеалам. В данном случае термин «стихопесня» утверждается нами как

эквивалент дефиниции «авторская песня», но при этом он обозначает преимущество слова над музыкальным мотивом, что более соответствует наджанровому явлению, у истоков которого были оба сочинителя. В свою очередь, определение «авторская песня» неточно отражает словесно-музыкальное явление, основанное на явном противопоставлении себя песням других типов, и может, к сожалению, соотноситься с любым произведением, имеющим авторов, вне зависимости от жанра. В те годы стихопесня стала таким средством коммуникации, каким вряд ли можно было считать сборники так называемой «письменной» поэзии. Современники жадно ловили каждое слово поющих поэтов, как глоток чистого воздуха, ибо через песню велся нескончаемый диалог о жизни, ее острых углах, потаенных сторонах, что совершенно не было принято в официальной подцензурной литературе.

С первых шагов стихопесня воспринималась как оппозиционное к официальному искусству явление, да и утверждалась она самостоятельно, вне творческих союзов и цензуры. Общество уже нуждалось в новом искусстве: доступном, неидеализированном, исповедальном, душевном и одновременно — массовом. Именно поэты с гитарой добровольно и щедро откликнулись на духовные запросы современников. Первопроходцами стали Михаил Анчаров, Булат Окуджава, Юрий Визбор, Ада Якушева, Александр Дулов, Александр Галич, Владимир Высоцкий, Александр Городницкий, Юрий Кукин, Юлий Ким, Новелла Матвеева и многие другие. Страна оживала после минувшей войны и культа личности. Время требовало от служителей муз новых, близких произведений, а «улыбчато-бодрые, бойкие, задорные или же мило-сентиментальные песни, которые лились с эстрады, с экрана и из черных тарелок репродукторов, знать не хотели ни о кровоточащих ранах недавней войны, ни о других социальных бедствиях» [2, с. 346]. Нельзя сказать, что весь массив самодеятельных творений, созданных разными сочинителями в манере авторской песни, отвечал высоким художественным требованиям. В силу этого Б. Ш. Окуджаве и Ю. И. Визбору выпала честь быть определенными законодателями и ориентирами для желающих самовыразиться с помощью стихов и гитары. Широкое увлечение населения туризмом и альпинизмом служило надежной порукой тому, что любая искренняя песня будет подхвачена и растиражирована благодарными слушателями с помощью магнитофонов и перепевов. Более того, воспевание в произведениях лиро-романтических чувств, вызванных преодолениями внешних (на суше и на море) и внутренних (связанных со встречами и расставаниями) преград, а также душевные размышления о недавних и нынешних переживаниях были близки многим и воспринимались как долгожданное откровение.

Цель статьи — проследить на творчестве двух поэтов, что нового привнесли они в коммуникативное «наджанровое» явление, которое мы называем стихопесней.

Если сравнить песенный багаж обоих поэтов к началу 1960-х гг., то предстанет такая картина. До 1960-го года Булат Окуджава сочинил не один десяток песен, среди которых были: «Песенка о Ленке Королёве», «Голубой шарик», «Полночный троллейбус», «Часовые любви», «До свидания, мальчики», «Песенка об Арбате», «Песенка об открытой двери», «Песенка о бумажном солдатике», «Дежурный по апрелю» и другие произведения, в дальнейшем вошедшие в золотой фонд авторской песни. В свою очередь, к этому времени у более юного Юрия Визбора были написаны «Мадагаскар», «Жить бы мне, товарищи, возле Мелитополя...», «Вечерняя песня» (В соавторстве с М. Кусургашевым), «Синие снега», «Парень из Кентукки» и другие хорошие, но пока еще не лучшие стихопесни. Однако все сочиненное свидетельствовало о формировании у поэтов индивидуальных стилей, составивших фундамент синкретического искусства стихопесни, где создатель стихов, мотива и исполнитель был одним и тем же лицом. В новой поэтической практике синтеза слова и мелодии случилось непредвиденное: даже ранние произведения независимых сочинителей притягивали к себе внимание внеидеологизмом строк, обращенностью к непреходящим ценностям, подтекстом. Достаточно обратиться к примерам:

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
Вместо свадеб — разлуки и дым,
наши девочки платица белые
раздарили сестренкам своим.
Сапоги — ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки.
Мы сведем с ними счеты потом.
(Б. Окуджава. «До свидания, мальчики», 1958)

Ты не пишешь писем мне,
Телеграмм не шлешь,
В неизвестной стороне
Без меня живешь.
Но однажды вечером,
Сердце потеряв,
Ты поймешь, как мечется
Алая заря.
(Ю. Визбор. «Синие снега», 1959)

В первом случае мы видим непривычное, но искреннее изображение войны, отнявшей у целого поколения юность, а во втором — романтически выверенную передачу зарождения интимных чувств. Главное — без лицемерия и заемных шаблонов. Спокойный, негромкий, немного грустный голос Булата Окуджавы и жизнеутверждающий,

солнечный, самоироничный голос Юрия Визбора завораживали мелодичностью строк, откровенностью и доверительностью интонаций, узнаваемостью описываемых ситуаций, диалогической обращенностью к слушателям. Первый из них отстаивал в стихопесне высокую нравственность, значение искренних чувств, а также неприметный героизм, строящийся на осознании величия и ценности простого человека, неприметно творящего добро, замешанного на бескорыстии; человека, готового прийти в любое время суток на помощь. Второй восхищался свободой непритворного постижения красоты природы, которая сулила не только восторг, но и серьезные испытания; рассуждал о сложностях жизненного выбора, превратностях обычной судьбы, ценности, но хрупкости межличностных отношений. В стихопеснях двух бардов (как окрестили их в то время) не было места дешевому бодрячеству и кичливому псевдогероизму, поэтому в начале 1960-х их произведения не просто выгодно отличались от множества других, но и благодаря этому подвергались осуждению со стороны официальных инстанций. В те годы Б. Ш. Окуджава, уже имевший за спиной опыт редактора в издательстве «Молодая гвардия» и заведующего отделом поэзии в «Литературной газете», полностью посвящает себя творческой работе. Он сочиняет, руководствуясь убеждением: «Стихи и песни нельзя объяснять. Не ищите в них фактов из личной жизни: я рассказываю о своей душе, и только» [3, с. 97]. Правда, душа оказалась столь широкой, что вместила значимое для многих.

Первоначально в поэзии Окуджавы образы и мотивы определены войной, но не парадно-шаблонной, а личной, где, например, потеря на войне знакомого паренька со двора воспринимается невосполнимой утратой:

Но куда бы я ни шел, пусть какая ни забота
(по делам или так, погулять),
всё мне чудится, что вот за ближайшим поворотом
Короля повстречаю опять.

Потому что на войне, хоть и правда стреляют,
не для Ленки сырая земля.
Потому что (виноват), но я Москвы не представляю
без такого, как он, короля [4, с. 37].

Конечно, подобное пацифистское настроение не могло приветствоваться теми, кто отвечал за идеологическое воспитание молодежи. Подумать только, не орденосеи, а неприметный погибший (которых были миллионы) возводился поэтом в королевский сан (начиная с обыгрывания фамилии) и воспринимался фигурой московских масштабов. Такое умонастроение не было порочным, но шло вразрез с официальной идеологией. Масло в огонь подливали приземленность повествования и ироничная аллюзия («виноват») на предполагаемое

официальное негодование по поводу авторской позиции. У современников (особенно интеллигенции) подобные стихопесни Окуджавы были популярны, зато в прессе они подвергались жесткой критике и даже обсуждались и порицались на секции СП РСФСР, как не выражающие настроения и чаяния героической молодежи. Безусловно, запретителям было трудно воспринять емкие по своему художественному смыслу философские обобщения, созданные поэтом. О чем же он пел-рассуждал? Об улетающем и возвращающемся голубом шарике-жизни, об идущем на гибель бумажном солдатыке, о спасающем потерпевших крушение полночном троллейбусе, о несущих свой охранительный пост часовых любви, о решительно открытых в тревожный мир дверях, о дорогой сердцу московской улице, о сулящих бессрочный кредит каждому Вере, Надежде и Любви... Казалось бы, ничего крамольного, но это ни на что не похожее целостное восприятие пугало своей завораживающей гармонией и высокой моралью. Видение личности и мира, понятие человеческой сущности, превосходство нравственных критериев над иными, ответственность каждого за уклад жизни, устремленность к саморазвитию духа — вот далеко не полный перечень проблем, которые волновали Булата Окуджаву, а он ими в свою очередь художественно озадачивал каждого:

Настоящих людей так немного!
Всё вы врете, что век их настал [4, с. 61].

Встанет, встанет над землей радуга,
будет мир тишиной богат,
но еще многих всяких дураков радует
бравое пенье солдат [4, с. 68].

Не верьте, не верьте,
когда по садам закричат соловьи:
у жизни со смертью
еще не окончены счета свои [4, с. 111].

Расплата за ошибки — она ведь тоже труд.
Хватило бы улыбки, когда под ребра бьют [4, с. 124].

Как бы то ни было, но Булат Окуджава настолько высоко поднимал нравственную планку, проверяя вечные истины современностью, что слушая его, люди невольно соизмеряли свои поступки с провозглашенными художником этическими нормами. Поэт не просто вносил философское начало в свои стихопесни, он удивительно органично соединил решение актуальных и в то же время вечных проблем с лиризмом выражения авторских мыслей. Булат Окуджава не скрывал своих гражданских позиций, следуя им не только в рамках песни, но и в жизни, когда подписывал письма в защиту

Ю. Даниэля и А. Синявского, выступал против исключения А. Солженицына из Союза писателей, аллегорически обличал сталинщину, активно печатался в эмигрантских изданиях. При этом поэт не утаивал, что любил свою отчизну, и убеждал силой образов, что она начинается с «малой родины», как для него — с Арбата. Этой теме он посвятил не одно произведение («Арбатский дворик», «Песенка об Арбате», «Песня московских ополченцев», «Первое послевоенное танго», «Арбатские напевы», «Арбатский эмигрант» и др.), выстраивая «на таком материале столь многозначный и эмоционально действенный художественный образ» [5, с. 21], что он с годами стал московским символом. Напоминая о нравственных законах, Булат Окуджава мечтал не столько о личном счастье, сколько о вселенском благоденствии каждого:

Ах ты, шарик голубой,
грустная планета,
что ж мы делаем с тобой?
Для чего все это?
Всё мы топчемся в крови,
а ведь мы могли бы...
Реки, полные любви,
По тебе текли бы! [4, с. 119].

Может показаться, что поэт был оторванным от жизни мечтателем. Однако эта песня — реакция совестливого человека, взывающего к всеобщим усилиям. Кстати, себя лирический герой причислял к грозящему планете — «мы». Из художественных образов и философских сентенций подобных произведений, исполняемых пением, следовало, что современники могут многое, но для этого нельзя забывать прошлое, не следует потакать злу во всех его проявлениях, необходимо лишь научиться «понимать друг друга с полуслова» [4, с. 257].

С годами разговор по душам посредством песни сделал Булата Окуджаву желанным собеседником, на которого равнялись многие. Не случайно в своем предисловии к сборнику стихотворений поэта Виктор Куллэ особо подчеркнул роль, которую сыграла личность стихотворца: «Слушая Окуджаву, страна исхитрилась не заметить, как из слушающей и мурлычущей под гитару публики сформировалось новое братство, некий Орден, тем более замечательный, что ряды его пополнялись естественным образом — без ритуальных действий и принесения обетов. Причастность к этому Ордену — вероятно, наиболее открытому за всю историю образований подобного рода — уже возводила в рыцарское достоинство. Потому что обеты все-таки приносились, но — потаенно, несколько даже нечленораздельно. Просто для человека, хотя бы раз подпевавшего песням Окуджавы, становилось затруднительным соучаствовать в повседневном вялотекущем бесчестии. А для кого-то соучастие это становилось вовсе невозможным — и это свидетельство не

столько даже поэтической силы Окуджавы, сколько уникального устройства его личности» [6, с. 19—20]. Подтверждением этих слов явилось прежде всего то, что растущие, как грибы, в 70-е годы песенные братства КСП (клубы самодеятельной песни) многие из стихопесен Окуджавы сделали своими гимнами, возведя в заклинание строки: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке» [4, с. 208]. Правда, сам художник находился в стороне от всяческих движений бардов и менестрелей, отдавая себе отчет, что массовость нивелирует индивидуальность, а хороших поэтов всегда мало, и вряд ли они воспитываются толпой — «...люблю не народ, а отдельных его представителей» [4, с. 396]. Он всегда был сам по себе, хотя и не отказывался от выступлений в том или ином клубе или на фестивале. Тем не менее, одаренные современники и последователи творили свои стихопесни уже с оглядкой на окуджавовский глубокий подтекст и исповедальность. Не будучи поэтом-трибуном, Булат Шалвович достиг многого: на его личностное начало в песне и самоиронию равнялись как поэты «первого призыва» (В. Высоцкий, Ю. Ким), так и продолжатели лирико-философских традиций (В. Матвеева, Е. Бачурин, В. Егоров, В. Долина и др.).

Совершив духовный прорыв в стихопесне, в дальнейшем (с конца 60-х гг.) Б. Ш. Окуджава увлекся написанием прозы и считал это основным своим занятием: «Проза для меня — главное дело. Шлифую, переделываю свои романы и получаю от этой работы удовлетворение» [7, 469]. Но в песнях и стихах, которые все же продолжали появляться, он оставил современникам и потомкам бесценный кодекс чести, основанный на Совести, Благородстве и Достоинстве. Незаметно и без понуканий поэт-собеседник научил ценить Чувства, Поступок, Слово. Ведь он неизменно руководствовался однажды открытой истиной: если уж братья за перо, то следует писать так, как дышишь...

Не менее знаковой представляется и фигура Юрия Иосифовича Визбора. В отличие от Б. Ш. Окуджавы, он стал признанным лидером туристско-альпинистских песен, а также песен человеческого доверия, в которых повествовал о бытовых и сердечных неурядицах, неизменно сопровождающих жизнь людей. Песня за песней (а их у него около 300) Юрий Визбор открыл перед современниками пестрый мир немеркнущих красок, где героев, бросающих вызов стихиям, подстерегали нешуточные испытания:

Таятся в облаках неспелые дожди,
И рано подводить еще итоги:
У этих облаков метели впереди,
Да и у нас — дороги да дороги [1, с. 79].

Но есть такое там,
И этим путь хорош,
Чего в других местах

Не купишь, не найдешь:
С утра подъем, с утра,
И до вершины бой.
Отыщешь ты в горах
Победу над собой [1, с. 104].

Будучи альпинистом, горнолыжником, радио- и кинорепортером, Визбор пел о том, что хорошо знал и испытал сам, поэтому его произведения всегда порождали живой отклик и, что характерно, не только у спортсменов, летчиков, моряков и журналистов, но и у лиц далеких от всего этого. Искренняя романтика была наглядным отражением пережитого, будила ностальгию у познавших нечто подобное и манила за собой еще не испытавших себя. Поэт признавался: «Почти все мои песни достаточно документальны, потому что я так устроен: не могу писать ни о том, чего я не видел, ни о том, чего я не знаю, ни о том, во что не верю» [1, с. 303]. В силу этого слова и образы были непринужденны и еще больше вызывали доверие, ибо за такой легкостью чувствовалось мастерство талантливого художника:

Снега над нашим городом посеяны
Мороз стекает с купола Земли,
Как будто шел по северу рассеянный
И крынку с белым холодом пролил [1, с. 52].

...Здесь в варежке держит фонарик луны
Глухая полярная полночь [1, с. 61].

Осень, дождями шаркая,
В гости ко мне пришла [1, с. 301].

Пока качает полночь усталый материк,
Я солнце собираю на дорогах [1, с. 31].

Длинной-длинной серой ниткой стоптанных дорог
Штопаем ранения души [1, с. 375].

Мы так много заплатили за прозрение,
Что, пожалуй, обнищали навсегда [1, с. 193].

Подобная метафоричность, замороженная влюбленность в окружающий мир и незатасканная образность строк располагали к себе, рождая в слушателях тягу к добру. В своих песнях Ю. И. Визбор выступал одновременно художником и певцом мужественного восприятия жизни, подобно античным поэтам, которые высоко ценили ответственность человека за свободно выбранное поведение. Герои его

произведений достойно переносили трудности, были бесребрениками, не малодушничили и никогда не теряли чувство юмора в любой ситуации: шла ли речь о покорении горной вершины или о прохождении трудного морского пути, о нелегкой дорожной трассе или о рискованной доле летчика-испытателя, о судьбоносной встрече мужчины или о женской неустроенности. Самоирония надежно спасала поэта от выпяченного стиля повествования, поэтому выказываемые чувства воспринимались естественно. В каждом из произведений — доверительный и убедительный рассказ, основанный на множестве деталей, зримых образах и словах-обращениях. Что касается убеждений, то у Визбора они выразились в ряде программных произведений — «Россия», «Спокойно, дружище, спокойно!», «Так вот мое начало...», «Памяти ушедших», «Работа», «Деньги» и других. Его мирозерцание было основано на мужском, родом из юности, романтизме: родина, дружба, бескорыстие, взаимопомощь, любовь. Он всегда ратовал за братство немногословных единомышленников, презирающих комфортный покой и находящих спасение в постоянных испытаниях. Такие герои были сродни героям Майн Рида, Фенимора Купера, Джека Лондона, Редьярда Киплинга. Чаще всего они находились вне пределов городской цивилизации, выполняя свое назначение, и никогда не грезили о славе и семейном уюте. Однако при этом они не уподоблялись нигилисту Евгению Базарову, открытого И. С. Тургеневым, так как умели ценить искренние чувства и где-то в глубине души были не против, чтобы их кто-то ждал.

Юрий Визбор легко расширил жанровое многообразие стихопесни: песня-настроение («Мама, я хочу домой»), песня-зарисовка («Подмосковная»), песня-репортаж («Три минуты тишины»), песня-путешествие («Я иду на ледоколе...»), песня-очерк («Деревня Новлянки»), песня-новелла («Рассказ женщины»). Он был неистощим и щедр. Сумел изобразить все времена года, и даже промежуточные переходы из одного в другой. Художественное слово поэта отразило все краски природы — от ярких до строгих, все природные колебания — от штиля до пурги, все человеческие чувства — от восторга до мужественной уравновешенности. Он не был сторонником социальной сатиры, хотя в ряде произведений показал столкновение духовного и материального в окружающем мире, неизменно отстаивая духовное. А когда художника не стало, то выяснилось, что его пейзажно-романтическая лирика и бытовые зарисовки не потеряли своей остроты и силы: у них были и будут сторонники и последователи...

Так два поэта стали голосами своей эпохи, рупором времени, которое нуждалось в утверждении диалектического единства идеального и материального, обыденного и необычного. Именно Б. Ш. Окуджава и Ю. И. Визбор, сменив Александра Вертинского и Петра Лещенко, явились не только основоположниками авторской песни, но всем своим творчеством закрепили в стихопесне веру в безграничные возможности

человеческой личности, живущей по законам высокой духовности и нравственности.

Литература

1. Визбор Ю. И. Не верь разлукам, старина / Ю. И. Визбор. — М. : Эксмо, 2007. — 448 с. **2. Песни** Окуджавы и Высоцкого // Рудницкий К. Л. Любимцы публики / К. Л. Рудницкий. — К. : «Мистецтво», 1990. — 368 с. **3. Окуджава Б. Ш.** Песни Булата Окуджавы / Б. Ш. Окуджава / [сост. Л. А. Шилов]. — М. : Музыка, 1989. — 224 с. **4. Окуджава Б. Ш.** Стихотворения / Б. Ш. Окуджава / [сост. О. В. Окуджава, С. С. Бойко; предисл. В. Куллэ; комм. С. Бойко]. — М.: Эксмо, 2008. — 480 с. — (Всемирная библиотека поэзии). **5. Новиков Вл. И.** Булат Окуджава // Авторская песня / Вл. И. Новиков. — М. : АСТ: Олимп, 2002. — 506 с. — С. 15—57. **6. Куллэ В.** Воздух языка // Окуджава Б. Ш. Стихотворения / В. Куллэ / [сост. О. В. Окуджава, С. С. Бойко; предисл. В. Куллэ; комм. С. Бойко]. — М. : Эксмо, 2008. — С. 7—28. **7. Окуджава Б.** «Я исповедуюсь перед своим поколением» // Мир Высоцкого: Исследования и материалы / Б. Окуджава / [сост. А. Е. Крылов, В. Ф. Щербакова]. — М. : ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1998. — 672 с. — С. 467—471. — (Вып. II).

Бахмач В. І. Два голоси: про поезію Б. Окуджави та Ю. Візбора.

У статті йдеться про Б. Ш. Окуджаву та Ю. І. Візбора як засновників руської авторської пісні. На прикладах розбираються індивідуальні особливості їх поезії.

Ключові слова: авторська пісня, стихопісня, стиль, художній образ, ліричний герой.

Бахмач В. И. Два голоса: о поэзии Б. Окуджавы и Ю. Визбора.

В статье речь идет о Б. Ш. Окуджаве и Ю. И. Визборе как основоположниках русской авторской песни. На примерах рассматриваются индивидуальные особенности их поэзии.

Ключевые слова: авторская песня, стихопесня, стиль, художественный образ, лирический герой.

Bakhmach V. Two voices: about the poetry of B. Okudzhava and Yu. Vizbor.

The author of the article tells about the founders of the Russian author's song B. Sh. Okudzhava and Y. I. Vizbor. The individual features of their poetry are examined.

Key words: author's song, poem-song, literary image, lyric character.

УДК 821.161.1–2.09+929 Садур

И. В. Хабарова

**ЭЛЕМЕНТЫ ФОЛЬКЛОРА, ХРИСТИАНСКИХ
И ЯЗЫЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ В ДРАМАТУРГИИ Н. САДУР
(подступы к теме)**

С конца 70-х годов XX столетия русская драматургия начинает особенно интенсивно развиваться. Постоянно появляются новые имена, интересные, неординарные тексты. К числу драматургов, которые дебютировали в начале 80-х годов и сейчас стали признанными в театре авторами, принадлежит Нина Садур.

Драматургия Н. Садур озадачивает и притягивает. Ее творчество невозможно сравнить с творчеством ни одного из современных авторов. Оно нетрадиционно и необычайно не столько тем, что переполнено *элементами абсурда*, сколько своей глубокой *философичностью*. Произведения автора обладают всеми чертами современной литературы (синкретичность, влияние постмодернизма, глобальная ассоциативность, ироничность, трагизм и т. д.), которые можно увидеть у других современников, и в тоже время сильно отличается от них стилем, жанрами, персонажами и глубиной мировидения.

Пьесы Н. Садур — это особый микрокосм с невероятной игрой смыслов, сочетанием реального и мистического, сплетением обыденного и бытийного. Попыткой приоткрыть тайну взаимодействия *подсознательного и сознательного* объясняется обращение драматурга к образам-символам, славянским и библейским традициям. Каждый образ автоматически вызывает большое количество ассоциаций, а так же заставляет читателей (и зрителей) выискивать разнообразные смыслы. Перед нами «жизнь, которая не предназначена для стопроцентного понимания» [1, с. 169]. Связь образов с разными культурными традициями указывает на влияние постмодернизма.

Чтобы понять художественный мир пьес Н. Садур, мы в первую очередь будем анализировать систему образов. В произведениях Н. Садур встречаем образы Земли, Воды, Огня, Дерева, Рыбы, Хлеба, Звезды и т. д., которые являются в то же время и символами (символическими образами), а символ имеет архетипическую природу. По определению Ю. М. Лотмана, символ является «геном сюжета», «связан с памятью культуры» [2, с. 225].

Пьесы Н. Садур носят прерывистый, фрагментарный характер, базируются на ассоциативных сцеплениях. Эти сцепления возникают благодаря использованию символов, культурных образов и кодов, фольклорных элементов.

Одна из самых интересных пьес Н. Садур — «Заря взойдет». С первого же прочтения заметно, что автор проводит через всю пьесу два

образа-символа: заря (огонь, кровь) и волк. Понять до конца их очень сложно.

«Заря взойдет» — символичное название пьесы. Действие происходит в полной тьме (архетип Ночи) в лесу. Разделение дня и ночи (света и тьмы) — в мифологической модели мира — одно из основных противопоставлений, связанных с противопоставлением верха и низа, неба и земли, в конечном счете, с добром и злом. Герой Егор, он же волк, несет в себе зарю (свет), убив героя, люди выпустят ее. В этом отрывке огонь — зарождение человеческой цивилизации, а может, просто ее переорганизация, трансформация.

В творчестве Н. Садур образ Огня является лейтмотивным. Любой образ в художественном тексте может входить в группу близких ему по значению образов и развивать общий для них смысл. Такой группой для образа Огня выступают образы Зари, Солнца, Света, Молнии, Горячки, Крови, а также Красный цвет.

«Нам свет нужен, заря, мы для света рождены...», [3] — пытается определить смысл своей жизни герой пьесы «Заря взойдет» Виктор. Депрессивный, душевно надломанный, спившийся герой ожидает чуда — зари, света, огня, и в то же время несет это чудо в себе: «Он живой. В нем кровь живая... как заря его кровь, во как! Все другие потухли давно» [3].

В пьесе «Черти, суки, коммунальные козлы...» главная героиня сгорает и становится причиной пожара в коммунальной квартире. Огонь как символ очищения связывает произведение с языческими традициями — обрядом прыганья через костер на Ивана-Купала. В дальнейшем этот обряд в трансформированном виде будет использоваться и христианством. «На Руси известно два типа огня — адский и небесный» [4, с. 356]. В пьесе дедушка Алеша уводит внука из горячей квартиры:

Алеша. Мы одни тут остались. Отец ждет.

Алик. Не ври... Он на работе. А ты путь не знаешь.

Алеша. Айда, а то колонка взорвется. Знаю я путь.

Алик. Дай слово, что к папе меня отведешь, а то я тебя знаю — напутаешь от старости.

Алеша. Вот те крест, отведу тебя к Отцу твоему. Он уже ждет плачет по тебе [5, с. 169].

Отец с заглавной буквы — Отец Небесный. Через огонь в Рай, оставив всю грязь земного существования.

В пьесе «Замерзли» огневая группа образов использована для описания бреда заболевшего человека. «Это жаровые молнии. <...> Нужно сжаться и не сгореть. Небо плещется. Все, больше не будет. Ну что это, ну что это — жаромолнию шлет опять! Такую огромную. <...> Мамочка! Я же сгореть могла!» [6]. В горячке героиня проговаривает свои страхи, подсознание открывает неприкаянность, неустроенность, неверие, боль.

Огонь у Н. Садур — символ веры и мудрости, любви и страдания, смерти и возрождения, а в широком смысле — символ самой Жизни. Многие персонажи Н. Садур проходят через огонь как через очищение.

Не менее многозначными в творчестве Н. Садур являются образы земли, воды, воздуха (ветра). «Языческая вера, заставлявшая человека относиться ко всему в природе как к живым существам, породила особые представления о душе — отдельной от физической оболочки невидимой сущности, которая обеспечивает жизнь и которой обладает не только человек, но и все элементы природы» [4, с. 59].

В пьесе «Чудная баба» земля представлена в образе живого существа, которое чувствует боль, растет, обновляется:

Баба. А как идти-то? Ты на нее погляди, ей же больно будет, по ей ходить, она ж еще не привыкла.

Лидия Петровна. Кто?

Баба. Кто-кто? На ком стоишь?

Лидия Петровна. Я стою на земле.

Баба. А на тебе если стоять, ты че скажешь? [7, с. 19].

Лидия Петровна сдвигает землю, ее верхний слой слазит со всем живым, и героиня остается на поверхности одна, без родных, близких людей. Возможно, обновленная земля символизирует одиночество персонажа, а процесс сдвига земли — радикальные преобразования, которые Лидия Петровна совершает в своей жизни. Эти изменения, по видимому, носят неразумный, катастрофический характер, так как рядом с ней остается только Зло. Частично причиной этого становится отстранение человека от природы, разрыв с традицией, непонимание естественных процессов. С другой стороны, земля в пьесе — богатство, здоровье, чистота, верность. «Плодородие земли, ее способность рожать хлеб и кормить людей делали ее в глазах человека всеобщей матерью» [4, с. 59], а в христианскую эпоху она ассоциировалась с Богородицей.

Одушевляется в пьесе и ветер: он стоит как ориентир и пропускает героиню на пути. Перед нами языческие традиции.

Во многих пьесах автора находим мотивы оборотничества («Чардым», «Чудная баба», «Уличенная ласточка» и др.). Героев Н. Садур трудно классифицировать, они стоят в стороне от персонажей других авторов, абсолютно все находятся на грани между ирреальностью и реальностью. Множественность обликов как *потеря самоидентификации* — одна из характеристик ее героев (опять же влияние постмодернизма, с одной стороны, и отражение «клипового» сознания конца XX столетия, с другой): Егор — волк — ублюдок — «Человек-все» («Заря взойдет»), Баба — Зло мира («Чудная баба»), Слава-живой — Слава-мертвец, Люда — кошка («Морокоб»). В пьесе «Чардым» — Анна Ивановна, она же Рысь, Старуха и девочка пяти лет. Облики сменяют друг друга стремительно, и очень трудно найти границу перевоплощения. «Я к нему вышел. И, что ты думаешь, он мне сказал?

Он мне ничего не сказал! Он промолчал! Потому что он был — я!» [3]. Перестройка внешнего облика героя в первую очередь отображает перестройку внутреннего мира (как в положительную, так и в негативную сторону) и связана с инициацией. «Любая инициация строится по схеме *замри-умри-воскресни*. Иначе говоря, прежде, чем перейти на новый качественный уровень, человек должен испытать частичное разрушение, подавление, агрессивное (в большей или меньшей степени) воздействие извне. Таковым в условиях инициации и является частичная деградация человека до зверя» [8]. Персонажи Н. Садур умирают и воскресают, но определить на какой уровень они перешли очень сложно. Тексты пьес отличаются «размытым» смыслом.

Наряду с образом Огня в пьесе «Заря взойдет» важную роль играет образ Волка. По нашему мнению, в пьесе волк выступает как символ «бунта», «нарушения существующего миропорядка» не только на уровне социальных запретов, обязательств и законов, но на общечеловеческом, вселенском. У автора образ волка скорее связан с языческими верованиями. «В дохристианскую эпоху в Европе волк был самым популярным тотемом клана...» [9, с. 436], «Волчьи шкуры издавна служили одеждой воинов, волки везут колесницу Марса и Аполлона... В мифах разных народов воины и военные вожди обладают способностью превращаться в волков» [9, с. 437]. В большинстве случаев волк воспринимается как негативный символ. Возможно, кто-то отыщет в волке Н. Садур черты, к которым мы привыкли: злость, жестокость, — или вспомнится вечно голодный и тупой волк из сказки; кому-то придет на ум мудрый волк, сопровождающий Ивана-Царевича. Волк Н. Садур объединил в себе все эти черты.

Жизнь и смерть существуют в пьесах автора параллельно, как два самобытных мира. Они сталкиваются, пересекаются, и определить, где люди, а где «муляжи» невозможно. Для Лидии Петровны из пьесы «Чудная баба» все умерли, исчезли с верхним слоем земли, а окружающие существа — муляжи, ненастоящие копии, «ювелирная работа», «подробный дубликат». «Уцелела только я и еще одна... Она без меня не может и создала вас, чтоб я не скучала. Она сказала, что вы в точности будете повторять настоящих...» [7, с. 11]. Коллеги разными способами пытаются доказать, что они настоящие, но чем усерднее их попытки, тем больше они сами сомневаются в реальности своего существования. При этом, как пишет Б. Оляшек, у Н. Садур «акт определения места в мире связан с восстановлением утраченной веры в трансцендентные силы» [10, с. 219—220]. Идею жизни после смерти находим как в языческих, так и христианских верованиях.

Мистика и бытовая реальность переплетаются для того, чтобы указать на балансирование героя на грани, на его отчаяние, отчуждение, потерянность. Проблема существования и сосуществования нескольких реальностей была всегда, но в XX веке она обострилась. В пьесах Н. Садур сон выступает в качестве одной из возможных реальностей.

«Сон с позиции язычества — это перемещение в иномирие, к «чужим». И в этом смысле сны для язычества не менее реальны, чем явь» [4, с. 437]. Сон — это иная реальность, где может происходить все. Это оппозиция «реальной реальности». В то же время авторы нередко определяют реальность как мало отличимую от снов; она кошмарна, как страшный сон. Например, в пьесе «Черти, суки, коммунальные козлы...» сновидения сменяют реальность, и в то же время являются ее продолжением. Что снится главной героине? «В этом сне стоит огромное дерево. Из него, как из кита, хлещет фонтан воды» [5, с. 182]. Дерево и вода — символы жизни, рождения. Поэтому Верочка спрашивает стоявшую под этим деревом татарку Фариду, кого она теперь родит. Древо познания, святая вода, хождение по воде святых в христианстве и славянской культуре имеют важное значение. «Древняя мысль о том, что вода поглощает духов, породила средневековый обычай лить воду из всех сосудов в доме усопшего» [11, с. 398]. Крещение водой заимствовано христианами у язычников.

Как видим только в одной пьесе «Черти, суки, коммунальные козлы...» можно найти огромное количество образов-символов: Огонь и Вода, Тьма и Свет, Дерево, Вода, Старик, Лабиринт и т. д. Автор в полной мере отразил разобщенность и фрагментарность мира. В ее пьесах можно заблудиться. Все эти образы объединяет нить алогичных, фантастических событий, но в основе пьес Н. Садур не фантастический сюжет, а обычная жизнь. «Они про нас самих, про нашу жизнь, но увиденную иным, непривычным образом. По какой-то не каждодневной шкале измерений» [12, с. 20]. Переплетение символов, их взаимодействие стимулирует столкновение смыслов и порождение новых, дает возможность объединить прошлое и настоящее, традиционное и современное.

Литература

1. Сальникова Е. Возвращение к реальности / Е. Сальникова // Современная драматургия. — 1997. — № 4. — С. 166—173.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство-СПБ, 2001. — 704 с.
3. Садур Н. Заря взойдет [Электронный ресурс] / Н. Садур // Режим доступа к ресурсу : <http://aptechka.agava.ru>.
4. Левкиевская Е. Мифы русского народа / Е. Левкиевская. — М. : Астрель, АСТ, 2000. — 528 с.
5. Садур Н. Черти, суки, коммунальные козлы... / Н. Садур // Театр. — 1992. — № 8. — С. 179—191.
6. Садур Н. Замерзли [Электронный ресурс] / Н. Садур. — Режим доступа к ресурсу : <http://aptechka.agava.ru>.
7. Садур Н. Чудная баба // Н. Садур. Обморок / Н. Садур. — Вологда : ЗебраЕ, 1999. — С. 4—28.
8. Громов Д. В. Оборотничество у восточных славян [Электронный ресурс] / Д. В. Громов. — Режим доступа к ресурсу : <http://magiaworld.org.ru/articles>.
9. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / [авт.-сост. В. Андреева и др.]. — М. : Флинта, 2002. — 589 с.
10. Оляшек Б. Пьесы

Н. Садур: опыт нетрадиционной драмы / Б. Оляшек // Драма и театр: сб. науч. статей. — Тверь, 2007. — С. 215—223. — (Вып VI). **11. Уокер Б.** Женская энциклопедия. Символы, сакралии, таинства / Б. Уокер. — М. : Астрель, 2005. — 638 с. **12. Солнцева А.** Пьесы Н. Садур / А. Солнцева // Театральная жизнь. — 1987. — № 6. — С. 20.

Хабарова І. В. Елементи фольклору, християнських й язичницьких вірувань в драматургії Н. Садур.

Автор статті аналізує творчість сучасного російського драматурга Н. Садур. Відмінною рисою п'єс автора є часте використання образів-символів, пов'язаних із фольклорними, християнськими й язичницькими традиціями. Ці образи є основоположними для розуміння текстів автора.

Ключові слова: п'єса, драма, образ, символ, традиція.

Хабарова И. В. Элементы фольклора, христианских и языческих верований в драматургии Н. Садур.

Автор статьи анализирует творчество современного русского драматурга Н. Садур. Отличительной чертой пьес автора является частое использование образов-символов, связанных с фольклорными, христианскими и языческими традициями. Эти образы являются основополагающими для понимания текстов автора.

Ключевые слова: пьеса, драма, образ, символ, традиция.

Khabarova I. The elements of folk-lore, Christian and heathen beliefs in N. Sadur's drama.

The author of the article analyses works of a modern Russian dramatist N. Sadur. The distinguishing feature of her plays is the frequent use of images related to folk-lore, Christian and heathen traditions. These images are fundamental for understanding of the author's texts.

Key words: play, drama, image, symbol, tradition.

НАШИ ГОСТИ

УДК 82.09:821.161

Ю. В. Данькевич, Л. М. Курило

**ОБРАЗ МОРЯ В СУЧАСНОМУ ІСТОРИЧНОМУ РОМАНІ
(НА ПРИКЛАДІ ТВОРУ ОЛЕСЯ ЛУПІЯ «ЛИЦАРІ ПОМСТИ»)**

Літературну творчість Олесь Лупій розпочав як поет, надрукувавши в 1957 році збірку «Вінки юності». Невдовзі були укладені «Майовість», «Перевал», «Голос», «Люди всієї планети», «Невпинність», «Любов і лад», «Одна-єдина», «Довголіття бджоли», «Кольорами предків» та інші. А вже з 1965 року митець звертається до великої прози. З-під його пера виходять, зокрема, романи «Милява», «Герць», «Грань». Надалі, розширюючи прозові тематичні обрії, Олесь Лупій пише роман «Падіння давньої столиці» (про героїчну оборону Києва у 1240 році від монголо-татар) та повість «Гетьманська булава». 1994 року обидва твори були удостоєні Шевченківської премії.

2001 року видавництво «За друга» друкує роман митця із символічною назвою «Лицарі помсти». Темою твору стає осмислення автором подій, що мали місце у середині 17 століття і відбувалися як в Україні (на Запорізькій Січі), так і за її межами (у Стамбулі), маючи можливість показати мужність та відвагу козаків у морських походах, за текстом, на Чорному морі. У післямові до твору автор зазначає: «У морських походах і битвах українські козаки не шукали романтики чи можливості розбагатіти, завжди на першому місці було — визволення земляків із невольницького полону та захист рідного краю» [4, с. 156]. Заслугове на увагу і наступна слушна теза митця: «А якими досвідченими моряками були запорожці», — писав ще у 18 столітті французький історик Жан Бенуа Шерер. «Козаки, завдяки своїм численним плаванням по Чорному морю, так добре його пізнали, що почувалися на ньому більш певно вночі, аніж турки серед білого дня» [4, с. 157].

В основу сюжету роману автором було покладено мотив помсти, що дало змогу в національній літературі створити новий тип героя-блукальця. Та на відміну від сталих образів, герой-блукалець у Олексі Лупія (йдеться про головного персонажа Івана Федоренка) керується не спокутою гріхів (як, скажімо, Марко Проклятий у Олексі Стороженка чи Вічний Жид), а жагою віднайти наречену Надійку та брата Гринька, захоплених у полон татарами. Саме це і змушує 27-річного Федоренка, який щойно повернувся додому з походу Францією та іспанського полону, знову вирушити в путь. Не знайшовши підтримки у Богдана Хмельницького, Федоренко їде на Запорізьку Січ, звідки разом із однодумцями рушає Чорним морем на пошуки близьких йому людей.

Власне море стає тлом, що формуватиме козацькі характери, розширюватиме їхнє світосприйняття, поступово розкриватиме усі сторони людського характеру: виживає найсильніший! Захоплення морем, його величчю та могутністю показано автором очима власне запорожців: і тих, хто вже бував у морських походах, і тих, хто рушив уперше: «Боже, яке ж це диво! — захоплено мовив Ярослав Бондар, він аж привстав, сподіваючись, що так зможе побачити берег, але ніде над морською гладінню не було видно і маленької рисочки. Це вже, браття, не земля, — сказав Дмитро, скрушно усміхнувшись... — І до дна, як до неба» [4, с. 46].

Та романтичне захоплення морем («проминав час, скорочувався день, а обрій, куди не глянь, був напрочуд чистий» [4, с. 47]) невдовзі поступається суворим будням: задля виконання поставленої мети Іванові доведеться ще раз відчутти смак пороху, відвойовувати турецькі галери, як із зерном, медом, вудженим м'ясом, що вельми цінилося під час морських походів, так і з полоненими. Невдовзі під керівництвом Федоренка були вже не лише козацькі чайки, а й пастарди та корвет. Тож під час походу отаман переймався й освоєнням нових турецьких кораблів, хоча доводилося йому ходити і на фрегатах, бригах, корветах, навіть на велетенському галеоні, озброєному сорока гарматами, та захоплена турецька галера розширила морський світогляд Івана.

Вправні дії козаків на морі призводять до визволення полонених українців. На жаль, рідних йому людей Федоренко допоки не знайшов. Не втрачаючи надію, Іван пливе Чорним морем все далі. Тут його дії змушують злякатися Високу Порту. Адже військові сутички відбуватимуться і на суші, коли козаки, під керівництвом Івана, захоплюють Хаджибей.

Вправний вояка, Федоренко зміг врятувати життя не одному полоненому українцю, інколи траплялися й курйози. Як наприклад, народження в однієї з полонянок хлопчика, охрещеного біля води отаманом. Траплялося, що звільняли вони й татар, що не завжди було зрозуміло усім козакам.

Бажання Івана віднайти близьких людей виходить за межі суто сімейної справи. Історичне тло за часів Богдана Хмельницького характеризувалося й хитким миром із Туреччиною, і бажанням Речі Посполитої підкорити всю Україну. Та й самого Федоренка ряд козаків починає сприймати не лише як народного месника, а й пірата (у подальших планах отамана було й захоплення Кафи). Тож Хмельницький, відчуваючи небезпеку від тривалого морського походу, пропонує Іванові повернутися на Запорізьку Січ.

На жаль, побачити наречену та брата Іван так і не зміг. Не полишивши надії, отаман разом із невеликою частиною побратимів рушає морем далі. Невідомо, яка доля спіткала героя Олесья Лупія, адже чутки про нього ходили і Варною, і Констанцією, і Стамбулом. Інші казали, що бачили його в Україні, як загинув під Берестечком. Як там не

було, вправні дії Івана, його бажання встановити справедливість, любов до України дали підставу Хмельницькому сказати: «Справжній лицар! Якби я мав побільше таких» [4, с. 154], а козакам ще довго переказувати легенду про Івана Федоренка, який, «маючи добрий настрій, походить поміж людьми і далі вирушає в море, а якщо гнівом сповниться, то нападає на ворожі кораблі і нищить все, рубає, спалює — не може втамувати почуття помсти за образу і кривду від ворогів» [4, с. 154].

Література

- 1. Літературознавча** енциклопедія : у 2-х т. / [авт.-уклад. Ю. І. Ковалів]. — К. : ВЦ «Академія», 2007. — Т. 1. — 608 с.
- 2. Літературознавча** енциклопедія : у 2-х т. / [авт.-уклад. Ю. І. Ковалів]. — К. : ВЦ «Академія», 2007. — Т. 2. — 624 с.
- 3. Літературознавчий** словник-довідник / Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалів та ін. — К. : ВЦ «Академія», 2006. — 752 с.
- 4. Лупій О. В.** Лицарі помсти : іст. роман / О. В. Лупій. — К. : Задруга, 2001. — 160 с.
- 5. Українська** літературна енциклопедія : у 5 т. / [відповід. ред. О. Дзевєрін] — К. : Голов. ред. УРЕ ім. М. П. Бажана, 1988. — Т. 1: А—Г. — 536 с.
- 6. Українська** літературна енциклопедія : у 5 т. / [відповід. ред. О. Дзевєрін] — К. : Голов. ред. УРЕ ім. М. П. Бажана, 1990. — Т. 2: Д—К. — 576 с.
- 7. Українська** літературна енциклопедія : у 5 т. / [відповід. ред. О. Дзевєрін] — К. : Голов. ред. УРЕ ім. М. П. Бажана, 1995. — Т. 3: К—Н. — 496 с.
- 8. Українські** письменники : біо-бібліогр. словник : у 5 т. — К. : Дніпро, 1965. — Т. 5. — 856 с.
- 9. УСЕ.** Універсальний словник-енциклопедія / [гол. ред. ради чл.-кор. НАНУ М. Попович]. — Львів : ЛДКФ Атлас, 2001. — 1575 с.

Данькевич Ю. В., Курило Л. М. Образ моря в сучасному історичному романі (на прикладі твору Олеся Лупія «Лицарі помсти»).

У статті досліджуються особливості творення образу моря в сучасному українському романі (на прикладі твору «Лицарі помсти» Олеся Лупія). Наголошується, що функція моря в романі зведена до підкреслення не лише настроїв персонажів, а й несе додаткове навантаження — розкрити символічну глибинність трагедійних перипетій основної дії.

Ключові слова: образ моря, сучасний український роман, настрої персонажів, символіка почуттів, трагедійні перипетії.

Данькевич Ю. В., Курило Л. М. Образ моря в современном историческом романе (на примере произведения Олеся Лупия «Рыцари мести»).

В статье осуществлено исследование особенностей создания образа моря в современном украинском романе (на примере произведения Олеся Лупия «Рыцари мщения»). Подчеркивается, что

функция моря в романе несет в себе не только переживания персонажей, но и углубляет трагедию основного действия.

Ключевые слова: образ моря, современный украинский роман, переживание персонажей, символика чувств, трагедия основного действия.

Dankevich Y. V., Kurilo L. M. The image of the sea in the modern historical novel (on the example of the novel «Revenge knights» by Oles Lupij).

The article deals with the analysis of different approaches to the image of the sea in the modern Ukrainian novel «Revenge knights» by Oles' Lupij . It is underlined that the function of the sea in the novel deals not only with feelings of characters, but deepens the main action's tragedy.

Key words: image of sea, modern Ukrainian novel, feeling of characters, symbols of feelings, tragedy of main action.

УДК 811.161.1'426811.161.2'373.613

И. Н. Кошман

ДЕИДЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ УКРАИНИЗМЫ В РУССКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Одной из самых ярких черт современной русской речи в Украине является использование украинских единиц разных типов. Интенсивность этого процесса обусловлена, прежде всего, престижным — государственным — статусом украинского языка и существенным расширением сферы его функционирования: в последние десятилетия он используется в официально-деловой сфере, изучается как обязательный предмет в учебных заведениях разных типов и активизируется в средствах массовой информации — в том числе и в электронных. Однако наряду с этим, важными факторами, актуализирующими данную тенденцию, являются существующие общественно-культурные особенности бытия украинского социума, сложившийся «диалог языков» и наличие некоторой традиции в использовании украинских вкраплений.

Цель данного сообщения — проследить отражение живых семантических процессов, протекающих в украинском языке, в русских публицистических текстах новейшего времени. В частности, процесса деидеологизации лексем. Материалом для описания служат тексты русских газет и журналов, издающихся в Украине («Без цензуры», «Бизнес», «Вечерний Харьков», «Газета по-киевски», «Голос Украины»,

«2000», «День», «Зеркало недели», «Корреспондент», «Николаевские новости», «Профиль», «Сегодня», «Украина Центр»).

Деидеологизация как особый семантический процесс впервые описывается в работах начала 90-х годов XX века [1; 2; 3, с. 291; 4, с. 33]. Л. Ферм характеризует это явление как «смену коннотаций», обусловленную «переоценкой идеологических ценностей» [2, с. 187]. О. П. Ермакова предлагает более широкое определение и пишет о том, что «деидеологизация лексики проявляется в освобождении значений некоторых слов от идеологических смысловых приращений, в частности, в снятии пейоративной окраски <...> или, напротив, в появлении неодобрительной или иронической окраски в связи с идеологическими коннотациями» [4, с. 36].

В более поздних исследованиях отмечается, что термин «деидеологизация» объединяет достаточно широкий круг явлений и поэтому допускает множество интерпретаций [5; 6, с. 511—521; 7]. В частности, Е. В. Какорина замечает, что наряду с пониманием деидеологизации как процесса «снятия идеологического компонента оценок у слов с нейтральными идеологическими денотатами», представлено понимание деидеологизации «как части более общих семантических процессов: семантической модификации, перестройки смысловой структуры слова, дрейфа семантики слова» [6, с. 512].

Процесс деидеологизации в данном случае рассматривается в связи с двумя типами явлений в украинском языке, находящихся свое отражение в русских текстах. Во-первых, это избавление украинских лексем от идеологического компонента и, во-вторых, вхождение в активное употребление лексем, которые были исключены из словаря, не упоминались, игнорировались явно по идеологическим причинам.

Примерами первого типа являются, например, лексические единицы «*гайдамака*» и «*рада*». Из семантической структуры данных лексем в последние десятилетия исключаются идеологические смыслы, что и фиксируют толковые словари.

1) *гайдамака*

«Словник української мови» толкует производный лексико-семантический вариант этой лексемы следующим образом — ‘під час іноземної інтервенції та громадянської війни 1918—1920 рр. — солдат особливих кінних частин контрреволюційної Центральної Ради, а також різних контрреволюційних загонів Петлюри та Скоропадського’ [8, II, с. 16]. Смысл ‘контрреволюційний’, несомненно, является идеологическим. Он отсылает к политически неприемлемому для советской идеологии явлению и вследствие этого порождает эксплицитные коннотации ‘негативний’, ‘чужий’, ‘ворожий’. Кроме этого, в толковании содержится апелляция к именам С. Петлюры и П. Скоропадского (в советской трактовке — одиозным и идеологически чуждым фигурам), которые еще более усиливают отрицательную оценку.

ВТССУМ предлагает качественно отличное толкование указанному лексико-семантическому варианту, без идеологического компонента — ‘під час іноземної інтервенції та громадянської війни 1918—1920 рр. — солдат особливих кінних частин Центральної Ради, а також загонів Петлюри та Скоропадського’ [9, с. 217]. Изъятие идеологического компонента ‘контрреволюційний’ снимает обязательность эксплицитной негативной коннотации, что открывает возможность для возникновения гаммы коннотативных смыслов.

Кроме того, следует отметить, что наблюдающееся в последние десятилетия расширение информативных потоков способствует возникновению некатегоричных многомерных оценок известных исторических деятелей и событий. Это в полной мере относится к С. Петлюре и П. Скоропадскому. Использование этих антропонимов в толковании лексемы «гайдамака» в ВТССУМ уже не является однозначным сигналом для формирования отрицательной коннотации.

Возникает эффект «расщепления коннотаций» (Е. В. Какорина) — оценочное значение может быть разным (положительным — нейтральным — отрицательным) и теперь зависит от политических воззрений конкретной языковой личности.

Деидеологизированный лексико-семантический вариант воссоздается в русских текстах. Примеры, в которых употребляется украинизм *гайдамака* в деидеологизированном значении (без «контрреволюционности» и категоричной отрицательности), представляют следующие контексты: *Его уверенность, что шапка с красным илыком делает украинца героем, вызывала иронию. Но именно эта шапка и стала отличительным знаком петлюровских гайдамаков* (С 2008, 4.01); *90 лет с того дня, когда воспитанники Первой киевской военной школы имени гетмана Богдана Хмельницкого, юноши куреня Сечевых стрельцов <...> и рота гайдамаков преградили путь большевистскому наступлению на Киев* (ГУ 2008, 1.02); *В 1918 году молодой Сосюра пошел добровольцем в создаваемые Симоном Петлюрой отряды гайдамаков...* (П 2008, № 14); *В наше время пенсионеры — бывшие мальчишки 40-х годов XX века с улыбкой вспоминали эпизоды, связанные с пребыванием гайдамаков в Можняковке* (Д 2009, 4.07).

2) *рада*

Один из производных лексико-семантических вариантов украинской лексемы «рада» описывается в СУМ как ‘орган державної влади, який здійснює диктатуру пролетаріату і є формою політичної організації соціалістичного суспільства’ [8, VIII, с. 427]. Толкование содержит ритуальные для советского времени компоненты ‘диктатура пролетаріату’ и ‘соціалістичний’. Они, собственно, и приносят в значение идеологическую составляющую и являются носителями положительной коннотации, своеобразными указателями вхождения сигнификата в «правильный», «одобряемый», «свой» мир.

Описываемый лексико-семантический вариант в современном словаре получает иное описание, что, несомненно, связывается с кардинальным изменением социально-политической ситуации, — ‘орган державної влади, який є формою політичної організації суспільства’ [9, с. 1194]. Такое толкование отражает движение лексико-семантического варианта в круг нейтральных единиц.

«Деидеологизированное» значение перемещается в русский текст. Украинизм *рада* реализует его, например, в контекстах: *Спеціальна временная комиссия, созданная радой, разработала Концепцию развития пассажирских перевозок автомобильным транспортом общего пользования в Львовской области на 2005—2010 годы* (ЗН 2005, № 32); *Не было такой Рады, которая бы не вынашивала планы досрочного отстранения от власти главы государства* (ЗН 2006, № 28); *Распуцценная Рада расходиться не жєлаєт* (УЦ 2007, № 14); *Кроме того, Рада — это кузница кадров украинского политикума* (П 2007, № 15). В такой интерпретации *рада* — это не хорошо и не плохо, не неправильно и не правильно. Это просто украинизм — лексема, которая номинирует один из основных политических институтов, и в этом значении, с нейтральной коннотацией включается в лексикон языковой личности.

Еще одним проявлением процесса деидеологизации считается появление в украинском активном лексиконе словоформ, ранее не включаемых в украинские словари по явно идеологическим соображениям. Лексемы этого типа представляют собой номинации таких сигнификатов, само упоминание о которых, видимо, признавалось нежелательным. В этот круг входят и именованья некоторых исторических реалий, представляющих ту часть собственно украинской истории, которая не вписывалась в принятую историческую концепцию.

1) «*тризуб*» / *тризуб* / *трєзуб*

Лексема «*тризуб*» не включается в словник 11-томного словаря украинского языка. В ВТССУМ же она фиксируется как многозначная. Выделяется сразу шесть лексико-семантических вариантов: 1) ‘прадавній священний символ триєдиного Бога і єдності світобудови, що виник задовго до християнства’, 2) ‘державний герб Київської Русі — України за князювання Володимира Великого’, 3) ‘державний герб УНР і Директорії (1917—1920)’, 4) ‘символ українських національно-визвольних змагань’, 5) ‘малий державний герб незалежної України від 1991 р.’ и 6) ‘у давньогрецькій і давньоримській міфологіях — зброя бога морів — Посейдона-Нептуна’ [9, с. 1474].

Можно предположить, что причиной непредставленности лексемы в словнике СУМ является идеологическая неприемлемость двух национально-специфических значений — ‘державний герб УНР і Директорії (1917-1920)’ и ‘символ українських національно-визвольних змагань’.

В последние десятилетия лексема «тризуб» не только «реабилитируется» в украинском языке, она становится фактом русской речи Украины. При этом в современных русских публицистических текстах украинизм «тризуб» / тризуб / трезуб часто используется как номинация как раз для национально-специфических сигнификатов. В других случаях, например, для именованя оружия античных морских божеств используется русское соответствие *трезубец*.

Примеры употребления украинизма «тризуб» / тризуб / трезуб для именованя национальных реалий демонстрируют следующие контексты: ...оркестранты сначала перешли на трибуны, а потом, оставив на дорожке бело-голубой барабан с «**тризубом**», потихоньку переместились поближе к входу на стадион... (Б 2001, № 20); ...хотя, конечно же, борщ — наша национальная гордость, не меньшая, чем вареники, **тризуб** и булава («2000» 2001, № 36); За короткое время, пока гуманитарная политика была «национал-демократической», переименовали многие улицы, **трезуб** и сине-желтый флаг стали привычными атрибутами жизни украинцев... (БЦ 2006, № 34); Пятнадцать лет назад в нашей стране утвердили Малый государственный герб Украины — **тризуб** Владимира Великого (НН 2007, 21.02); Так почему осквернение «активистами ЕСМ» **тризуба** на Говерле и регулярные визиты в Украину персонажей вроде Михаила Леонтьева <...> не вызывает подобных последствий? (ГК 2007, 22.10); В результате на школьной форме юного Павленко появился значок в форме **тризуба** (К 2007, № 41); Их деды воевали за страну, которой суждено было появиться на карте мира в 1991 году с теми же атрибутами, за которые бандеровцы проливали свою кровь: сине-желтый стяг, **тризуб**, гимн «Ще не вмерла Україна» (П 2008, № 16—17); В городе Нетишин копейки на **тризуб** несли люди, и даже в очередь по несколько раз становились, чтобы сделать свой взнос (ВХ 2008, 23.08); Обилие красных флагов коммунистического режима, серпы и молоты, красные звезды — и на этом фоне затерявшиеся сине-желтые государственные флаги и **тризубы** (Д 2010, 14.05).

2) булава

К этому же типу деидеологизированных лексем принадлежит словоформа «булава». Правда, судьба у этого украинского историзма отличается от словарной истории лексемы «тризуб». Прежде всего тем, что в СУМ словоформа «булава» фиксируется. В этом словаре она рассматривается как единица, имеющая три значения — 1) 'кулясте потовщення на кінці палиці і т. ін.', 2) 'палиця з кулястим потовщенням на кінці, яка була колись військовою зброєю' и 3) 'довга палиця з кулею зверху — річ, належна до парадної форми швейцара в установах і аристократичних домах дореволюційної Росії' [8, I, с. 253]. Однако вне словарной регистрации остается лексико-семантический вариант, соотносящийся с собственно украинской исторической реалией, которая является знаком гетманской власти, непременным атрибутом украинских

правителей и неотъемлемой частью клейнодов (символического набора знаков украинской власти). Можно предположить, что игнорирование этого лексико-семантического варианта связано также с идеологическими причинами — стремлением избежать упоминания о собственно украинской истории.

Национально-специфическое значение — ‘символ власти, який урочисто вручався найвищій посадовій особі в Україні — обраному або наказному гетьману — за часів гетьманату’ — включается и в описание лексемы *булава* в ВТССУМ [9, с. 101].

Этот национально-специфический вариант лексемы *булава* перемещается в русские тексты. Например, в следующих контекстах представлен украинизм *булава* в национально-специфическом значении: *Знамя Хмельницького приедет из военного музея в Стокгольме, булава — из Варшавского музея Войска Польского* (С 2002, 26.02); *Ведь булава — символ гетманской власти* («2000» 2005, № 2); *Работники национального историко-культурного заповедника «Чигирин» знают, что булава Богдана Хмельницького хранится в Варшаве, в музее Войска Польского* (ГУ 2009, 28.03).

Таким образом, в русских публицистических текстах новейшего времени отражается результат освобождения украинских лексем от идеологических сем. Это явление характерно для нескольких тематических групп: в частности, в русские тексты перемещаются деидеологизированные номинации исторических артефактов, явлений и лиц. Снятие идеологических смыслов открывает широкие возможности для формирования новых стилистических регистров в русской речи Украины.

Литература

- 1. Склярєвська Г. Н.** Реальний и ирреальний мир толкового словаря (к вопросу о прагматическом компоненте слова) / Г. Н. Склярєвська // Scando-Slavica. — 1993. — Т. 39. — S. 166—178.
- 2. Ферм Л.** Особенности языка газеты в новейший период / Л. Ферм // Scando-Slavica. — 1993. — Т. 39. — S. 178—198.
- 3. Виноградов С. И.** Язык газеты в аспекте культуры речи / С. И. Виноградов // Культура русской речи и эффективность общения / [отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев]. — М.: Наука, 1996. — С. 281—317.
- 4. Ермакова О. П.** Семантические процессы в лексике / О. П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / [отв. ред. Е. А. Земская]. — М.: Языки рус. культуры, 1996. — С. 32—66.
- 5. Купина Н. А.** Лингвоидеологические процессы и проблемы культуры речи / Н. А. Купина // Вопросы культуры речи / [отв. ред. А. Д. Шмелев]. — М.: Наука, 2007. — С. 58—72. — (Вып. 9).
- 6. Какорина Е. В.** Активные процессы в языке средств массовой информации / Е. В. Какорина // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX—XXI веков / [отв. ред. Л. П. Крысин]. — М.:

Языки славян. культур, 2008. — С. 495—547. 7. **Седакова И. А.** Распад «идеологических» языковых союзов: универсальное и специфическое / И. А. Седакова // Славянское языкознание: доклады российской делегации. XIV Междунар. съезд славистов, Охрид, 2008 г. / [отв. ред. А. М. Молдован]. — М. : Индрик, 2008. — С. 429—450. 8. **Словник української мови** : в 11-ти т. — К. : Наук. думка, 1970—1980. 9. **Великий тлумачний словник сучасної української мови** / [уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел]. — К. ; Ірпінь : ВТФ «Перун», 2007. — 1736 с.

Кошман І. М. Деідеологізовані україніزمи в російських публіцистичних текстах.

У статті йдеться про переміщені в російські тексти україніزمи, семантичний об'єм яких був трансформований в останні десятиліття — «звільнений» від ідеологічних нашарувань.

Ключові слова: українізм, деідеологізація, семантична структура, сигніфікат.

Кошман И. Н. Деидеологизированные украинизмы в русских публицистических текстах.

В статье рассматриваются перемещенные в русские тексты украинизмы, семантический объем которых подвергся в последние десятилетия трансформированию — «освобождению» от идеологических смыслов.

Ключевые слова: украинизм, деидеологизация, семантическая структура, сигнификат.

Koshman I. N. Deideologized Ukrainisms in Russian journalistic texts.

The article reviews the Ukrainisms moved into Russian texts, the semantic volume of which was transformed in the last decades — the 'liberation' from ideological senses.

Key words: Ukrainism, deideologisation, semantic structure, signification.

НОВАЦИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

УДК [378.016 : 811.161.1] : 004

Л. Н. Синельникова

**О ПРЕИМУЩЕСТВАХ МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ
ЛЕКЦИОННОГО УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА**

Расширение информационного пространства, появление новых каналов коммуникации не может не влиять на когниции мира, на модусы восприятия и понимания (здесь когниция — организация восприятия, узнавание, а также в филологическом знании — интерпретация мира, способ его познания, в результате которого приобретает знание). Меняются ли когниции со сменой поколений? Ответ: да! В восприятии и интерпретации событий происходит, по сути, когнитивная революция. Изменения в наборе когниций, как нам кажется, в большей мере касаются адресата наших учебных действий, то есть обучающихся. Преподаватели и учителя остаются по разным причинам более консервативными. Здоровый консерватизм — нормальное явление: академическая лекция и хорошо организованный монолог учителя, объясняющего новый материал, не только не сбрасываются со счетов, но и остаются в арсенале средств эффективного когнитивного воздействия: они демонстрируют логику изложения материала, согласованность тезисов и аргументов, их иерархию и мотивированную инверсию. Риторизация учебного процесса, внимание к особенностям эффективной устной речи, к соотношению вербальных и невербальных средств, совместно идентифицирующих речевую культуру говорящего, невозможны без учительского монологического слова как эталона, речевого образца. Но это в том случае, если монолог диалогизирован. Диалогизация монолога — это учёт «фактора адресата», ориентация как на свои мотивации, так и на мотивации слушателей, умение формировать общий интерес, в ряде случаев согласовывать собственный тезаурус с тезаурусом обучающихся.

Здоровый консерватизм не равен профессиональной ригидности — равнодушию к новым формам презентации учебного материала, соответствующим изменениям в информационном пространстве и изменениям когнитивного характера. Мультисенсорность и многоканальность — контекст жизни современных молодых людей. Одноканальная информация не вызывает большого интереса, и дидактическая модель лекционной работы «не интересно, но нужно» принципиально устарела.

Претерпевает изменения само понятие «технология». Это понятие приобретает отчётливый гуманитарный компонент: *знания о способах и процедурах оптимизации образовательного процесса, о*

приведении его в соответствие с личностью, социализация которой происходит в новом коммуникационном пространстве. Технологии включаются в герменевтику — область знания, предметом которой является развитие способности понимать, интерпретировать, то есть формировать культуру мышления.

Процедуры репрезентации учебного материала требуют обращения к разным областям научного и прикладного знания с тем, чтобы исключить ошибочный способ переработки информации, необоснованность обобщений, сохранить баланс между визуальным и концептуально-содержательным.

При формировании презентационных слайдов обращается внимание на выбор информации: мультисенсорность должна обеспечить целостность восприятия. В когнитивной психологии используется понятие «энтимема» — от греч. *в уме, в мыслях*. Формируя слайдовую презентацию лекционного материала, преподаватель обязан учитывать реестр энтимем, который складывается на основе учёта имеющихся у аудитории знаний и объёма научного тезауруса адресата. Одни звенья дискурсивного размышления можно оставлять за скобками, не формулировать их в явном виде, другие выделить — помещённостью на отдельном слайде, шрифтом, цветом, вариативным повтором. Применение принципа энтимем неизбежно: необоснованное заполнение «провалов» увеличивает текст, появляется большое количество тривиальных логических звеньев, замедляющих мышление и делающих информацию скучной и труднообозримой. Комментарий преподавателя, сопровождающий презентационную демонстрацию, корректирует реальное (ситуативное) положение вещей: то, что тривиально для одного, оказывается принципиально важным и непростым для другого. Такой комментарий выполняет роль психокоррекции и имеет отношение к дидактической установке на индивидуализацию обучения уже на лекционном этапе.

В когнитивной психологии широко используется понятие когнитивных стилей. Создана карта таких стилей, включающая 18 позиций. Дидактическая наука на основе такой карты разрабатывает стратегии обучения. Когнитивную карту нельзя игнорировать и при выработке стратегий мультимедийного лекционного формата, а также стратегий дистанционного обучения. Когнитивный стиль — это набор устойчивых характеристик того, как люди думают, воспринимают и запоминают информацию; какой способ решения проблем для них предпочтителен. То есть речь идёт об индивидуальных различиях между людьми в способах познания мира. Одни люди внимательны к глобальным свойствам, другие — к тонким деталям и стимулам; наличие нескольких вариантов ответа привлекает обучающихся рефлексивного типа, люди, не относящиеся к рефлексивному типу, системно проверяют каждый вариант ответа. Необходим также учёт инвариантных параметров когнитивного стиля, которые должны быть

переведены в когнитивную стратегию лекционной презентации: дифференциальность — интегральность, абстрактность — конкретность, эмоциональная насыщенность и умеренная эмоциональность. Инвариантный характер имеют три основные стратегии: теоретическая, деятельностная и эмоциональная. Теория как достигнутое знание относительно статична, деятельностный подход предполагает рассмотрение фактов в динамике (в лингвистической науке динамика проявляется в речи, в коммуникации), эмоциональный фактор ощутим во многих составляющих педагогического дискурса — в композиционной подаче материалов, в проблемности его подачи, в риторически отмеченных вербальных средствах, в показе сюжетов из жизни, кинофильмов, телевизионных программ и т. д.. Учёт психологических форм познания помогает оптимально организовать мультимедийную презентацию лекционного материала как успешного пути получения знания.

В мультимедийной лекции учитываются особенности как конвергентного мышления (логического, однонаправленного), так и дивергентного (креативного, отличающегося восприимчивостью к новым идеям). Креативность как одна из основных характеристик профессионализма личности проявляется в мышлении, в общении, в адекватности восприятия. Проблемность в подаче лекционного материала — путь к формированию дивергентного мышления — мышления, связанного с решением задач, имеющих ряд нестандартных решений. На проблемных слайдах может быть представлено несколько ответов — как правильных, так и неправильных, могут быть в виде цитат обозначены разные точки зрения и позиции. Выбор всегда ставит проблему и стимулирует интерес, необходимый для её решения.

Мультимедийные лекции обеспечивают биоадекватность через вовлечение каналов информации, естественных для живого восприятия, соответствующих природе человека. Аудиовизуальность в мультимедийных лекциях может быть представлена в разных формах: в голосовом сопровождении преподавателя, в колористической семиотике (голубой — спонтанность, творчество, фантазия; зелёный — успокаивает; красный концентрирует внимание, создаёт необходимое для обобщений напряжение и т. д.), в музыке, которая настраивает на определённый ритм работы (эмоционально-оценочная и эстетическая функция ритма).

В результате приготовленная для студентов информация проходит естественный путь через визуальное, чувственное и дигитальное восприятие к её свёртыванию в обобщения, в резюме, которые могут составляться совместно со студентами и при необходимости выливаться в дефиницию. Так обеспечивается интерактивный способ усвоения лекционной информации. Формируется дискурсивное мышление, а вместе с этим и дискурсивная личность. Дискурс в этом случае понимается как рассуждение и как

коммуникативная деятельность. Обеспечивается связное рассуждение, каждая последующая мысль обусловлена предыдущей в движении кадров-презентаций, демонстрируются дедуктивные и индуктивные умозаключения. Материал воспринимается как единый информационный блок («мыслеформа»).

Мультимедийные лекции представляют собой гипертекст: информация структурируется и упорядочивается линейно, но знание интегрируется. Гипертекстовость помогает более глубокому проникновению в содержание предлагаемых студентам материалов, способствует установлению баланса в понимании информации. В то же время слайдовая «расфасовка» лекционного материала учит структурировать и интерпретировать информацию, подавать знание в новых контекстах.

Новые технологии презентации учебного материала позволяют:

- 1) активизировать творческие возможности обучающихся (новые технологии обучения неслучайно называют интеллектуальными технологиями);
- 2) представлять информацию преподавателя как «живое знание», то есть показывать процесс его постепенного формирования, а не готовый результат;
- 3) создавать возможности для порождения мыслительных задач;
- 4) формировать условия для альтернативных решений (осознанный выбор — основа для прочности знаний и их практического применения);
- 5) проявлять личный опыт преподавателя в осознании проблемы, в структурировании учебного материала, в формах его интерпретации;
- 6) реально, а не декларативно осуществлять интерактивные связи (индивидуальное и групповое действие, личное участие, поддерживаемое командной работой).

Личность обучающегося можно трактовать как сущность восприятий. Мультимедийный формат лекций меняет личную сферу студентов: преодолевается равнодушие и бездумность, происходит усиление мотивации, стимулируется интерес к предмету.

Профессионально-педагогическое сознание должно адаптироваться к особенностям всё новых и новых категорий учащихся и всё новых и новых вызовов времени. Когнитивный потенциал субъектов учебного процесса должен развиваться и совершенствоваться. Находящееся в динамике мышление в значительной мере зависит от технологий обучения. Современному вузу нужны материализованные продукты, созданные на основании новых технологий, и в этом случае теория информации, когнитивная психология, дидактика не могут быть для филолога чужой территорией.

Синельникова Л. М. Про переваги мультимедійної презентації лекційного навчального матеріалу.

У статті з позицій когнітивної психології та лінгводидактики обґрунтовуються переваги мультимедійного формату вузівської лекції.

Ключові слова: мультимедійний, когнітивна психологія, когнітивний стиль, дискурсивне мислення, гіпертекстовість, інтерактивність.

Синельникова Л. Н. О преимуществах мультимедийной презентации лекционного учебного материала.

В статье с позиций когнитивной психологии и лингводидактики обосновываются преимущества мультимедийного формата вузовской лекции.

Ключевые слова: мультимедийный, когнитивная психология, когнитивный стиль, дискурсивное мышление, гипертекстовость, интерактивность.

Sinelnikova L. N. About the advantages of a multimedia presentation of lecture teaching material.

The advantages of the multimedia format of a university lecture are reviewed in the article from the point of view of cognitive psychology and linguodidactics.

Key words: multimedia, cognitive psychology, cognitive style, discourse thinking, hypertextuality, interactivity.

УДК 378.016:811.161.1

В. А. Розсоха

ТЕСТОВЫЙ ФОРМАТ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Разумное использование информационных технологий предоставляет новые возможности не только для индивидуализации обучения, но и для проведения экзаменов, обеспечивая при этом практически мгновенную обратную связь.

За последние несколько лет преподаватели кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко создали ряд компьютерных программ, дистанционных курсов и электронных учебников. Например, мультимедийное пособие «Паблик Рилейшнз» Л. Н. Синельниковой; «Русская орфография», «10 первых шагов», «Я говорю по-русски» и др. В. А. Розсохи; «Речевая культура» Г. П. Джинджолия. В тестовый формат переведены текущие и государственные экзамены.

Благодаря тому, что Microsoft продвигает технологию SilverLight, призваную стереть различия между web-приложениями и настольными программами, любую компьютерную программу можно использовать и для дистанционного обучения.

Тестирование начинается с обязательной регистрации: студент выбирает свою группу (если обучение ведется под руководством преподавателя в вузе), фамилию, имя и название теста (или комплекса тестов).

Работа в тренировочном режиме позволяет увидеть неправильные ответы. В ходе контрольного тестирования результаты демонстрируются на экране графически. При этом указано количество заданных вопросов (оно практически неизменно — 100 и может быть меньше лишь в том случае, если студент не смог справиться с заданием за 45 минут, отведённых на тестирование), а также количество и процентное соотношение правильных и неправильных ответов.

По окончании тестирования распечатывается подробный протокол для каждого студента, который хранится как результат проведённого экзамена.

Кроме того, программа создает общий протокол экзамена, в котором выставляются оценки в соответствии с набранными баллами по модульно-рейтинговой системе, а также сразу подсчитывается и средний балл успеваемости группы.

Создаваемый машиной протокол типичных ошибок является важным моментом для дальнейшего совершенствования работы.

Разумеется, такая работа требует постоянной тренировки в течение всего периода обучения (работа с компьютерными программами, экзаменационное тестирование по каждому из разделов курса и т.д.).

Результаты проведенных экзаменов на стационаре и ОЗО показали объективность и целесообразность подобной формы обучения и контроля, а сами студенты положительно относятся к тестам. Приведем несколько отзывов:

«Думаю, что в век развивающихся технологий студенту гораздо интереснее и приятнее работать с такой программой, чем писать неинтересные диктанты. Хорошо то, что в случае неправильного варианта ответа, сразу появляется правильный с пояснениями, студент так лучше запоминает данную орфограмму. Очень хорошо, что буквально под рукой толковый словарь, в который можно при желании заглянуть. В общем, программа очень познавательная, интересная и гораздо более результативная, чем обычные диктанты или ответы с места. Мне очень понравился такой вид работы!» (Карпенко К.);

«Эффективнее, лучше и приятнее, чем написание диктантов или устный срез знаний» (Коргун Ю.);

«В этом виде работы есть только ты, компьютер и твои знания. Еще один плюс – это то, что сразу знаешь результат» (Нечипоренко А.);

«Очень понравилось то, что сразу знаешь результат. Все переживания укладываются в один час, а не растягиваются на неделю.

Но я думаю, что есть и минус. За малое количество ошибок снимается слишком много баллов. Можно бы и меньше» (Завгородняя А.).

Программы могут быть разными. Обучающие программы могут быть красочно оформлены, включать звуковые эффекты, т.е. элементы, не присущие web-приложениям из-за их «веса». Кроме того, есть возможность оперативно менять, добавлять новые тесты, корректировать и индивидуализировать процесс обучения.

Таким образом, инновационные технологии помогают не только обеспечить мотивацию обучения, способствуют поддержанию внимания к изучаемому материалу, формируют умение получать информацию и сотрудничать, но и позволяют успешно проконтролировать то, что было изучено.

УДК 378.016:811.161.1

Г. П. Джинджолия

КОНТРОЛЬНО-ОБУЧАЮЩАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА ПО РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ

В учебном процессе («Стилистика», «Культура речи», с/с «Теория и практика речевой коммуникации») используются контрольно-обучающая компьютерная программа «Речевая культура».

Программа помогает организовать самостоятельную работу над усвоением норм литературного языка. Ее основная цель – повышение уровня речевой культуры. Программа может быть использована в двух режимах – тренировочном и контрольном.

Составные части программы:

словарь-минимум по речевой культуре;

10 тестовых заданий;

аннотации на словари и справочники;

полезные Интернет-ссылки;

информация о лингвистах-лексикографах.

В словарь-минимум включены единицы, ошибки в употреблении которых часто встречаются в публичной речи и СМИ. Словарь-минимум является комплексным справочным пособием, в котором даны сведения о трудностях ударения (в именах нарицательных и собственных), произношения, формообразования, словоупотребления, а также содержится толкование актуальной иноязычной лексики.

Тестовые задания ориентированы на материалы словаря-минимума и сгруппированы по разделам, каждый из которых представляет собой отдельный тест: 1) ударение в именах нарицательных; 2) ударение в именах собственных; 3) твердое/мягкое произношение; 4) формы имен существительных; 5) род имен существительных; 6) формы глаголов; 7) краткая форма имен

прилагательных; употребление собирательных числительных; 8) выбор слова; 9) актуальная иноязычная лексика; 10) управление.

Каждый тест содержит 30 вопросов. Последовательность вопросов непредсказуема. Необходимо выбрать правильный вариант ответа из нескольких предложенных. Номера вопросов, на которые мы даем правильные ответы, отмечаются зеленым цветом, а неправильные – красным. В случае ошибки программа покажет правильный ответ. Щелкнув по изображению словарика, мы попадаем в словарную статью словаря-минимума. После прохождения теста можно посмотреть график работы над тестом, средний балл по каждому тесту, дату и время прохождения теста. Результаты прохождения теста комментируются одним из авторов программы в видеофрагменте.

В программе используются мультимедийные средства передачи информации:

- аудиовизуальные (видеофрагменты: вступительное слово одного из авторов программы; комментарий результатов прохождения теста; фрагменты фильмов),
- аудиальные (нормативное произношение слов, которые сопровождаются изображением динамика; музыкальный фон программы),
- визуальные (текстовые средства; портреты писателей, художников, лингвистов-лексикографов; кадры из фильмов; репродукции картин и т. д.).

ПАМ'ЯТИ УЧЁНОГО, КОЛЛЕГИ, ДРУГА

Л. Н. Синельникова

СЛОВО О ЛЕСЕ АЛЕКСЕЕВНЕ СТАВИЦКОЙ

Очень трудно применять прошедшее время к человеку и к событиям, с ним связанным, когда так всё живо и ещё не перешло в стёртые временем воспоминания. Слава Богу, в научном сообществе воспоминания, точнее, память прочно поддерживаются запоминаемостью сказанного с трибуны конференции или в личном неофициальном разговоре и — главное, тем, что написано, издано, то есть отдано, если не вечности, то очень длительному времени.

Леся Алексеевна входит в «свой круг» кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета, который определяется по параметрам креативной профессиональности и глубокой порядочности. Возьмём на себя смелость сказать, что интеграция социоукраинистики в постсоветскую социолингвистику с её очевидно изменившимся предметом, объектом и инструментарием интерпретации языковых фактов произошла благодаря научным рефлексиям и научной концепции Л. А. Ставицкой. Методологические основания этой концепции полностью разделяются социолингвистами нашей кафедры: внимание к реальным коммуникациям в конкретном социальном пространстве, приоритет дискурсивного анализа, дающий возможность коррелировать позиции: «каким должен быть язык и его нормы» и «каким он есть в дискурсивных практиках современного общества». Неоценимая заслуга Леси Алексеевны и её команды — сотрудников отдела социолингвистики Института украинского языка НАН Украины, в том, что социолингвистика в нашей стране уходит от жёсткой идеологической заангажированности.

Леся Алексеевна приняла участие в четырёх Международных конференциях, организованных кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий совместно с Научным институтом прямой демократии (Цюрих — Женева, Швейцария). Это было самое начало сложнейшего для науки процесса реализации принципа «расширенной лингвистики». Но Л. А. Ставицкая «берёт быка за рога», заявляя новейшие для украинистики темы и определяя векторы их исследования: «Суржик: сумиш, мова, стиль?» (2001 год), «Дискурсивне освоєння метамовних коментарів у сфері жаргоновживання» (2002 год), «Гендерні аспекти жаргоновживання» (2003 год), «Гендерні стереотипи в сучасній українській мовній свідомості» (2004 год).

В живой памяти конференция, организованная отделом социолингвистики Института украинского языка НАН Украины и

блестяще проведенная Л. А. Ставицкой весной 2010 года. Это была её последняя конференция. Договаривались о совместной социолінгвістической деятельности, говорили о жизни, радовались общению и пониманию, с симпатией смотрели друг на друга... Кто мог знать, что глаза в глаза это последний раз!

На этой памятной конференции в дискуссионном формате были рассмотрены актуальные теоретические и прикладные проблемы современной украинской социолінгвістики: украинский язык в условиях влияния русского языка и глобализационных языковых процессов; институциональные и персональные дискурсы; гендерная социолінгвістика и так любимая Лесей Алексеевной жаргонология.

Никакие слова не восполняют утраты. Может быть, хотя бы частично эту роль выполнит замечательная статья Леси Алексеевны, посвящённая итогам работы возглавляемого ею сектора НАН Украины.

Л. О. Ставицька

СОЦІОЛІНГВІСТИЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ В ІНСТИТУТІ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Соціолінгвістику справедливо вважають відносно молодую лінгвістичною дисципліною, яка почала активно розвиватися трохи більше півстоліття тому назад, і з'явилась як відповідь на «суспільну потребу», на процес деколонізації, виникнення численних незалежних держав, перед якими стояло питання про державну мову та її стандартизацію. У 1991 р. на карті світу з'явилась нова незалежна держава Україна, і власне з цього часу можна говорити про якісно новий етап у розвитку української соціолінгвістики, майже двадцятилітній розвиток якої у своїх пріоритетних напрямках віддзеркалив історичну долю українського етносу. За своїми напрямками дослідження соціолінгвістика є національно орієнтованою дисципліною. Це пов'язано з тим, що у кожній країні складаються своєрідні умови функціонування мови (або мов), і на перший план висуваються такі проблеми, які актуальні саме для даної національної спільноти. Існує своя соціолінгвістична традиція у США, країнах Західної Європи, у Росії. Національно специфічні тематичні дослідницькі профілі, пріоритетні напрями має й українська соціолінгвістика, а виявлення специфіки соціальної обумовленості сучасного функціонування української мови можна вважати одним з актуальних завдань «соціоукраїністики».

Упродовж усієї історії української соціолінгвістичної традиції в ній переважала макросоціолінгвістика, зосереджена на великомасштабних процесах українсько-російської двомовності, колоніального і постколоніального статусу української мови, її стану в умовах

асиметричного білінгвізму, на проблемах мовної політики та мовного планування. Цій проблемі присвячена низка праць Б. Ажнюка, Л. Масенко, Н. Шумарової та ін., із останніх — «Мовна політика і мовна ситуація в Україні. Аналіз і рекомендації. За редакцією Юліане Бестерс-Дільгер — К., 2008». У цих працях, подекуди однак не позбавлених заідеологізованості, містяться досить серйозні теоретичні напрацювання в осмисленні мовної ситуації в Україні в її синхронному і діяхронному аспектах, наводяться численні статистичні дані щодо функціонування української мови в різних сферах.

Рубіж XX і XXI століть був ознаменований зміною лінгвістичних наукових парадигм. У мовознавчій дослідницькій парадигмі запанував антропоцентризм, а тому не випадково широкої популярності набула когнітивна наука, яка зосереджується на самій сутності людини-особистості, досліджуючи пізнавальні процеси, образні аспекти мислення як центральні для розуму. Разом з тим з усією очевидністю дав про себе знати комунікативний поворот у лінгвістиці, пов'язаний зі зміщенням акцентів на акти людської комунікації. У цьому контексті соціолінгвістика, зосереджена на вивченні мови, що функціонує у конкретному соціальному середовищі, засвідчує цей доленосний поворот, підтриманий новими перспективами співробітництва з соціологією, етнологією та психологією. Зміна в розвитку науки про мову була витлумачена як перехід від соціонормативного спрямування до аналізу дискурсу, від вивчення мови, якою вона мусить бути, до вивчення мови, якою вона є. І хоча антропоцентричний принцип здавна постулюється в лінгвоукраїністиці, мовна особистість людини-мовця у сукупності її реальних дискурсивних практик, комунікативних тактик і стратегій є чи не найслабшою ланкою вітчизняного мовознавства. Мова відривається від людини і містифікується, домінує ставлення до мови як до національного скарбу — частини загальної національної спадщини, а тому культивування літературних стандартів набуває в ній великої суспільної ваги, що зрештою зумовлено потребою утвердження української мови як державної.

Коли у 1999 р. був створений відділ соціолінгвістики в Інституті української мови і постала проблема вироблення концепції його роботи, було зрозуміло, що слід продовжувати традиції української макросоціолінгвістики. У цій царині співробітники працювали над виконанням планової теми «Міжнародний досвід мовного планування і українська перспектива», у рамках якої була опублікована серія статей з теорії і практики мовної політики в Україні, а також проаналізований міжнародний досвід мовного планування (Б. Ажнюк, Л. Лазаренко), з'явилися статті про стан, функції і перспективи української мови в Україні (Б. Ажнюк, О. Зарецький, В. Радчук, Л. Ставицька), мовну політику у сфері освіти (О. Данилевська).

У 2008 р. співробітники відділу створили «Концепцію державної мовної політики (мовного розвитку) в Україні» як академічну альтернативу попереднім концепціям. Принципово важливими лінгвістичними аспектами

документа є положення про необхідність підтримання вігальності української мови, тобто її життєздатності, стійкості, здатності до розвитку; про кризу української ідентичності в умовах тенденції обмеження сфери застосування мови титульної нації на користь російської мови, яка об'єктивно має більше поширення, та активних глобалізаційних процесів в умовах пропагованої українською державою політики євроінтеграції. У Концепції проголошується ідея деколонізації України, що своєю чергою пов'язана із створенням повноцінного українського урбаністично-цивілізаційного середовища, бо тільки воно генерує модерну цивілізацію.

Стосовно варіанта російської мови в Україні, «української» російської мови, то варто зауважити, що Росія в процесі русифікації розширила «російський світ» значною мірою за рахунок зросійщеної маси, неокультурених, люмпенізованих верств населення, за своєю суттю відчужених від культури самої російської мови. Варіант російської мови, який спричиняє руйнівну дію стосовно літературної російської мови, захищають певні політичні сили, спекулюючи мовним питанням. Під словесною парасолею «російськомовне населення» часто намагаються об'єднати чимале число мовно асимільованих «дітей різних народів». Російську мову тут наділяють унікальною магичною силою маніпулятивного впливу, бо, як відомо, ніхто в світі не говорить про англомовне, франкомовне, іспаномовне населення.

Враховуючи етноментальні особливості українського етносу, запровадження української мови як державної потребує виняткової делікатності, вироблення механізмів інтеграції української мови через емоційно насичені культурні коди, а не примус. Українські лінгвісти мусять вести конструктивний діалог з російською гуманітарною елітою для вироблення спільних стратегій щодо підвищення культури української і російської мови. Цільовою програмою держави мусить стати інтеграція українських культурно-семіотичних і відповідних мовних кодів у світовий простір і забезпечення таких механізмів інтеграції іншомовних культур, щоб вони збагачували українську культуру і мовний простір. Одним із пріоритетних напрямів сучасних лінгвістичних студій мусить стати повернення суспільству його ж власної культури, закодованих у мові знаків культури. Методологія наукового пошуку, термінологічно-понятійні парадигми можуть і повинні запозичуватись із західного гуманітарного ареалу, але враховуючи національне, культурне й мовно-психологічне рецептивне поле. На окрему увагу заслуговує гендерний аспект мовної політики, спрямований на подолання сексизму у мові. Свідоме нормування мови з урахуванням гендерного компонента є частиною сучасної мовної політики, і результати цих зусиль можна продемонструвати на прикладі англійської, німецької та інших мов. У сучасних цивілізаційних умовах поряд з важливістю антропоцентричної парадигми у мовознавстві зростає роль мовоцентризму, тобто влади мови над людиною. Йдеться про використання мови як чинника впливу на людську свідомість і

суспільні процеси. Слід подбати про забезпечення необхідної наукової та законодавчої бази ряду аспектів, внаслідок чого мають бути кваліфіковані як кримінальні такі діяння, як, наприклад, маніпулювання мовною свідомістю, сугестивні технології реклами, піару, передвиборчих кампаній, громадських акцій тощо. З іншого боку, застосування ряду законів ускладнюється через відсутність лінгвістичної регламентації та коректної інтерпретації відповідних мовних ситуацій і феноменів. Узагальнивши новітній лінгвістичний досвід, автори Концепції дали аналіз мовної ситуації в Україні, висвітлили загальні принципи, тенденції та стратегії державної мовної політики, проблематику мови національних меншин України, функціонування української мови в шкільній освіті, вивчення мов міжнародного спілкування та ін.

Концепція роботи відділу соціолінгвістики передбачала надолуження прогалин у царині мікросоціолінгвістики. Гостро на часі стояла проблема аналізу реальних процесів комунікації, різноманітної дискурсивної діяльності людини «тут» і «тепер».

Прикметно, що, незалежно від виробленої мною концепції, українська соціолінгвістика на зламі століть поступово почала втрачати ідеологічну заангажованість і її проблематика — осмислюватися в адекватних соціолінгвістичних параметрах. Знаковою в цьому аспекті стала блискуча кандидатська дисертація Т. В. Кузнєцової «Мова білінгвальної сім'ї у функціональному аспекті» (К., 2000), в якій наявна соціолінгвістична оптика бачення мовної поведінки білінгвальної сім'ї як мікросоціальної спільноти.

У розробці концепції роботи відділу соціолінгвістики став у пригоді досвід Московської школи функціональної соціолінгвістики, яка з 60-х років минулого століття успішно провадить дослідження російської розмовної мови, вивчає проблеми комунікативно-прагматичного характеру на матеріалі усної мови представників різних соціальних груп, а також усне міське мовлення у його співвіднесенні з культурою, розробляє теорію і типологію комунікативних невдач, зачіпає гендерну проблематику, зосереджується на проблемах дитячої мови у зв'язку з соціальними характеристиками сімейних мовних традицій та ін.

Обраний функціональний аспект соціолінгвістичних студій примушував по-новому подивитись на традиційну проблематику «соціоукраїністики».

Соціолінгвістика мови і соціолінгвістика особистості стали пріоритетним напрямом наукової діяльності відділу. Особливий акцент був спрямований на вивчення соціолінгвістики особистості. Дослідженню цієї глобальної проблеми були підпорядковані планові теми «Українська мовна особистість: комунікативні, етноментальні, соціопсихологічні аспекти мовного існування» та «Сучасний український ідіолект: соціокомунікативні аспекти репрезентації». Концепція виконання інших планових підтем у той чи інший спосіб була

підпорядкована вивченню людини-мовця, суб'єкта мовної діяльності у всій сукупності соціолінгвістичних перемінних.

Так, у межах теми «**Українсько-російська двомовність**» була написана низка праць про соціопсихологічні аспекти мовної діяльності російськомовних українців, мовну поведінку білінгва в Україні, різнотипні аспекти комунікації у двомовному лінгвокультурному просторі України. Співробітники відділу доклали чимало зусиль до вивчення суржику, подавши зразки суржикової мови різних соціальних груп у монографії «Українсько-російська двомовність: лінгвосоціокультурні аспекти».

У відділі вперше в Україні було започатковане системне вивчення **соціальних діалектів** української мови, якому присвячена монографія Л. О. Ставицької «Соціальні діалекти української мови: аргументи, жаргон, сленг». У цьому руслі укладені два видання словника українського жаргону. Цей напрям роботи відділу був продовжений кандидатською дисертацією Н. В. Третяк «Жаргонна лексика в друкованих ЗМІ (номінативно-експресивна функція)», а також серією статей О. М. Данилевської про особливості жаргоновживання у мові підлітків.

У цьому ж руслі у відділі розвивається **урбанолінгвістика**, були захищені дві кандидатські дисертації про жаргонізоване мовлення на заході та півдні України, а саме: «Молодіжний сленг у мовленнєвій структурі м. Херсона», «Український міський сленг (на матеріалі усного мовлення тернопільців)».

Інший напрям урбанолінгвістичних студій — це дослідження комунікативного простору сучасного українського міста. Від початку заснування відділу з'явилась серія статей про «своє» і «чуже» у комунікативному просторі сучасного Києва, про мовні стереотипи сучасного Києва, про конфліктний компонент спонтанного міського діалогу та ін.

Лінгвополітичні студії.

За останні десятиліття в українській лінгвістиці спостерігається зростання інтересу до політичної комунікації, частіше з'являються лінгвополітичні дослідження, у яких аналізуються зміни мови, пов'язані з бурхливими політичними подіями у суспільстві. Для української лінгвополітичної традиції важливим аспектом було дослідження стратегій мовної поведінки і мовної свідомості у тоталітарному суспільстві. Варто згадати збірник статей «Мова тоталітарного суспільства» (К., 1995), монографію Г. М. Яворської «Прескриптивна лінгвістика як дискурс: мова, культура, влада» (К., 2000). Цю традицію продовжила монографія О. В. Зарецького «Офіційний та альтернативний дискурси. 1950-80-ті роки УРСР» (2003, виправлене й доповнене — 2008) та серія статей «Дискурс «Празької весни 68» в Україні та Польщі» (2001), «Ідіолект політика в жанрі громадсько-політичного інтерв'ю, полеміки, промови, дебатів», «Жанр громадсько-політичного інтерв'ю (усне мовлення)». У 2005 р. аспірантка відділу О. М. Чадюк захистила

кандидатську дисертацію «Метафора у сфері сучасної української політичної комунікації».

Співробітники відділу намагаються відстежувати актуальні політичні події і давати їм комплексну когнітивно-дискурсивну, комунікативну і лінгвокультурологічну інтерпретацію. Так, у 2004 р. співробітники відділу дали інтерв'ю газеті «Дзеркало тижня» у форматі круглого столу на тему мовної репрезентації політичних подій в Україні в листопаді-грудні 2004 р. Були опубліковані статті «Дискурс помаранчевої пристрасі», «Дискурс президентської виборчої кампанії 2004 р. в Україні крізь призму гендеру». У 2005 р. О. М. Данилевська дала інтерв'ю на телеканалах «УТ-1», «К-1», «5 канал», «ІSTV» на тему «Дискурс Помаранчевої революції на сторінках підручника історії 5 кл.».

Дещо парадоксальною виглядає доля лінгвогендерологічних студій в Україні. З одного боку, спостерігаємо жвавий науковий інтерес до цієї проблематики, як засвідчив міський семінар з гендерної лінгвістики, що діяв упродовж 2003—2006 рр. на базі відділу, а з іншого, — спостерігаємо певний скептицизм до студій у цьому напрямі та їх маргіналізацію.

У 2006 р. почалися системні лінгвогендерологічні дослідження в аспекті представлення статі в українській мові та мовній свідомості українців, комунікативних стратегій різностатевих суб'єктів мовної діяльності. Уперше в україністиці гендерні аспекти невербальної комунікації розкриті на українському матеріалі. Започаткований мною напрям соціолінгвістичних студій був підхоплений співробітниками відділу, в результаті чого з'явилися публікації «Гендерний вимір сучасного політичного гасла» (О. В. Зарецький), «Про гендерні особливості деяких частин мови» (В. М. Труб), «Маніпулятивні тактики і стратегії в соціокомунікативній репрезентації ідіолекту: гендерний аспект», «Гендерні особливості компліменту українців» (О. Г. Руда), «Гендерна лінгвістика й мовна освіта школярів: гендерна експертиза навчальних програм і підручників з мови» (О. М. Данилевська). Захищена у відділі кандидатська дисертація Т. М. Сукаленко «Метафоричне вираження концепту *жінка* в українській мові» виконана в руслі домінантного для вітчизняної традиції підходу до вивчення статі з позицій її репрезентації у мові, але залишається на часі системне вивчення гендеру в аспекті його дискурсивних репрезентацій із залученням даних суміжних гуманітарних дисциплін.

Вікова соціолінгвістика розвивається у працях О. М. Данилевської, яка досліджує особливості мовної поведінки молодших підлітків, у тому числі в плані мовної агресії в підлітковій комунікації. Вона дослідила комунікативний ідеал учителя у свідомості українських підлітків та концепт *школа* у їхній свідомості. Але в соціоукраїністиці відсутні дослідження мови людей похилого віку, комунікативних стратегій спілкування різновікових категорій людей.

Соціолінгвістичні аспекти української мови досліджують не тільки співробітники відділу соціолінгвістики. Плідним виглядає упровадження соціолінгвістичних аспектів у стилістичні, граматичні, діалектологічні, термінологічні, ономастичні дослідження.

Одним з актуальних завдань сучасної соціолінгвістики вбачаємо у розкритті лінгвальних параметрів соціальної інфраструктури сучасного українського суспільства, яка, до речі, сповна не описана соціологами. Для сучасної мовної ситуації показова динамічна зміна соціолектів усередині українського етносоціуму не без впливу потужних демографічних змін. Відбувся перехід від монолітної єдності «радянський народ» до сукупності мікроспільнот з різними соціальними, націокультурними, професійними, релігійними, політичними та ін. орієнтирами та стилем життя. Змінились параметри суспільного буття за опозицією «свій—чужий»: чужим сьогодні є не тільки іноземець, а й представник своєї, української етноспільноти. Посилилась конфронтація, агресивна налаштованість між субгрупами всередині українського соціуму, що зобов'язує лінгвістів прискіпливо вивчати мінливе соціолінгвальне обличчя мікрогруп «тут» і «тепер», мовне існування індивіда у полівекторному дискурсивному полі сучасності, а також розвивати теорію соціолінгвістичної компетенції, яка відображає соціокультурні умови використання мови (орієнтація на соціальні норми спілкування між різними поколіннями, статями, класами і соціальними групами, оформлення ритуалів). Разом з іншими гуманітарними науками соціолінгвістика покликана сприяти гармонізації суспільного життя в Україні.

И. А. Соболева

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВКЛАДЕ Л. А. СТАВИЦКОЙ В СЛАВЯНСКУЮ ЖАРГОНОЛОГИЮ

1. Ставицька Л. Короткий словник жаргонної лексики української мови / Л. Ставицька. — К. : Критика, 2003. — 336 с.
2. Ставицька Леся. Український жаргон. Словник / Л. Ставицька. — Київ : Критика, 2005. — 336 с.

Этим летом всех, кто знал Л. А. Ставицкую, потрясла весть о ее смерти. Большая часть моих коллег, преподавателей кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, сотрудничали с Л. А. Ставицкой в течение последних десяти лет. Уже ее первое участие в нашей традиционной конференции «Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе» показало, что ее социолінгвістическая позиция относительно необходимости изучения жаргонов, целиком и

полностью разделяется всеми членами научной школы профессора Л. Н. Синельниковой и ее последователей. Доклад Л. А. Ставицкой на тему «Социокультурные аспекты украинской жаргонологии» ставил множество актуальных социолингвистических вопросов, определял проблематику национально-культурной политики. Одним словом, уже в далеком тепер 2000-ом году для нас было очевидным, что этот ученый стоит с нами на общих научных позициях и является нашим единомышленником. С тех пор профессор Л. А. Ставицкая ежегодно принимала участие в наших конференциях, и мы считали ее членом нашей команды.

С особыми чувствами мы встретили выход двух словарей жаргонов Л. А. Ставицкой (2003 и 2005 гг.). Словари жаргонной лексики украинского языка Л. А. Ставицкой — значимые и резонансные события как в украинской, так и в восточнославянской социолингвистике. По образному определению самой исследовательницы, они представляют собой «лингвистическую оптику», позволяющую хорошо разглядеть и описать жаргон как явление: «Хай український жаргон і відповідний сленговий вокабуляр сьогодні не такий потужний, як російський, але він існує, і лінгвістична оптика дає змогу добре його розглядіти» [1, с. 17].

Выбранный автором объект научного описания интересен не только украинским языковедам. Вслед за великим А. С. Пушкиным («История села Горюхина») мы можем провести такую параллель: «Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями — некоторые буквы в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж великороссиянину легко понять горюхинца и обратно».

Особенность этого лексикографического проекта заключается в том, что он отражает актуальный процесс современной языковой ситуации — экспансию жаргонной стихии на современную коммуникацию и представляет несомненный интерес для лингвистов и всех тех, кто интересуется современными лингвокультурологическими проблемами. Тем самым Л. Ставицкая продолжила славные традиции русских ученых: В. Мокиенко, В. Елистратова, М. Грачева, И. Юганова, Ф. Югановой, Г. Складневской, Е. Земской, О. Ермаковой, Т. Никитиной и мн. др. Только за последние десять лет русское языкознание пополнилось множеством прекрасных словарей жаргонной лексики. Такое большое количество словарей, отражающих состав субстандартной лексики русского языка, определяется, безусловно, не коммерческим запросом на так называемый блатной язык. Это адекватная реакция лингвистики на реалии сегодняшнего времени.

Специфика этих словарей определяется и тем, что они заполняют лауну в современной украинской жаргонологии и украинской лингвистике в целом. Жаргон как уникальная подсистема национального языка не стал предметом научного анализа и регулярного описания современного украинского языкознания. По крайней мере современная

украинская лексикография не отражает интереса исследователей к этой проблеме. Тем большую ценность представляют словари Л. А. Ставицкой.

Огромный интерес представляет социолингвистическая позиция автора. В редуцированном виде ее можно представить так: жаргонный пласт украинского языка действительно существует, и это несколько не умаляет достоинств мелодичной, певучей, «солов'їно-калинової, джерельної мови». Наоборот, наличие разветвленной системы жаргонных средств свидетельствует о полноценном, «здоровом» (как бы это парадоксально не звучало) состоянии украинского национального языка.

Л. А. Ставицкая заявляла: «Состояние украинской жаргонологии, точнее, ее отсутствие, зеркально отражает социокультурные, этнополитические и духовные аспекты бытия украинской нации к. XX – нач. XXI века. В то время как славистике удалось успешно преодолеть существующее в 30-60-х гг. XX ст. табу на исследование «запретного плода аргю, жаргонов, сленга», то украинистика поражает научной невинностью в этом вопросе». И далее: «Известное положение Ю. Шевелева о том, что признаком н е н о р м а л ь н о г о состояния языка в первой половине XX в. была как раз недоразвитость урбанистических форм коммуникации, отсутствие городского жаргона или вовсе не учитывалось, или не получало научно-практического углубления в новых социокультурных условиях украинского языкового существования» [2, с.174—178].

Подобные суждения автора рецензируемых словарей совершенно солидаризируются с базовыми позициями русской социолингвистики. Как известно, история изучения субстандарта русского языка также по-своему драматична и характеризуется наличием полярных точек зрения на роль, функции и необходимость изучения жаргона современной наукой. Характерно, однако, что в переломные, бурные времена, когда язык стремительно менялся и обновлялся, интерес к жаргону возрастал как в социуме, так и в науке о языке. 20-30-е годы XX века — первая волна изучения жаргона в СССР. С этим периодом русской жаргонологии связаны авторитетные научные имена Д. С. Лихачева, Д. И. Поливанова, Б. А. Ларина и др. Затем на протяжении многих лет интерес к жаргону искусственно сдерживался советской идеологией. Официальная позиция советского языкознания сводилась к утверждению: «В СССР жаргона нет» (по аналогии с прецедентной фразой о сексе, которого в СССР тоже нет), а если он и есть, то ему уготована неминуемая смерть.

Эта позиция была, мягко говоря, неправдивой. Самые различные жаргоны жили своей полноценной жизнью: аргю, корпоративные (например, фарцовщиков), профессиональные (именно в советские времена буйным цветом расцвели колоритные и разветвленные жаргоны музыкантов и военнослужащих). Но наука не слишком интересовалась

этими подсистемами национального языка. Между тем, аргó всегда было в СССР неким автономным языковым образованием, неким государством в государстве, выполняющим помимо изолирующей также образно-оценочную, философско-эстетическую и иные функции.

Все стремительно изменилось в русском языкознании после крушения СССР. Жаргоны наряду с другими сниженными языковыми средствами стали активно функционировать не только в неофициальном личном общении, но и в речи политиков, журналистов, деятелей культуры и т.д. Русское языкознание мгновенно отреагировало на такую агрессию субстандарта, и началась новая волна изучения жаргона. Научная оценка этого явления могла быть диаметрально противоположной — одни называют активизацию жаргонов вульгаризацией и падением культуры, а другие — демократизацией и проявлением личностного начала в речи. В спор втянулись представители других наук. Известный философ Г. Ч. Гусейнов объяснил всплеск интереса к жаргонам противодействием языку тоталитарного государства и назвал жаргонную лексику «тоннелем к незапятнанному лиризму» в современной культуре [3, с. 73].

Этот очень краткий, пунктирный обзор истории русской жаргонологии убеждает нас в наличии русской социолингвистической школы изучения жаргонов, сформировавшейся в жесточайших спорах и дискуссиях. В украинском языкознании такой школы, к сожалению, нет. Поэтому словари Л. А. Ставицкой, ее другие научные работы по этому профилю чрезвычайно важны для современной украинистики. Ее смелая, глубоко научная позиция показывает, что украинский языковой субстандарт существует, его нельзя не замечать, игнорировать или клеймить позором сам факт его функционирования и описания.

Особо хочется остановиться на следующем. Учитывая особенности восприятия жаргона, можно предположить, что сплошное чтение подобного словаря представляет определенные сложности. В качестве примера можно привести любой случайно выбранный фрагмент словаря Л. Ставицкой, где концентрация пейоративной «отрицательной энергии» на одну страницу явно превышает традиционные регистры общения со словарем. Но это не вина авторов словарей жаргонов, и это не говорит о вредности и неэстетичности жаргона как такового. Блестящее объяснение этому обстоятельству, связанному с нравственностью и моралью, дал Ю. Н. Караулов. По его мнению, сплошное чтение словаря как такового может иметь «диалоговый характер», но подобный подход противопоказан по отношению к словарю аргó. Как считает Ю. Н. Караулов, «...дело в том, что при таком чтении носитель современного литературного языка (а таких большинство в нашем обществе), подобно читателю художественного произведения, который отождествляет себя с его персонажами, тоже ставит себя на место того «героя», словоупотребление которого нашло отражение в словарной статье. И хотя словарь на самом деле дает

обобщенную, по возможности лишенную субъективных черт картину словозначений и словоупотреблений, восприятие словаря читателем всегда индивидуально» [5, с. 142].

Таким образом, читая словарь Л. А. Ставицкой, ведешь диалог с реальным временем и реальным языком. Обвинять автора словаря жаргонной лексики в том, что он описал и зафиксировал «плохие» слова, все равно, что обвинять время, в котором ты живешь. Видимо, для взвешенного и объективного анализа всего разговорно-просторечного и жаргонного часто не хватает необходимой дистанции. Одним из параметров такой дистанции может стать отдаленность во времени и культурном пространстве, и тогда появляется возможность сопоставления и критического анализа. И то, что тщательно и профессионально собрано, приобретает ценность непреходящую. К сожалению, преждевременный уход Л. А. Ставицкой неумолимо формирует эту удаленность и дистанцию во времени. Нам всегда было совершенно понятно, что Л. А. Ставицкая — выдающийся языковед и блестящий лексикограф. Как жаль, что осознание этих неоспоримых фактов для некоторых украинских коллег будет слишком запоздалым.

Научным завещанием профессора Л. А. Ставицкой можно считать такие ее слова: «Наявні елементи українського сленгу, без огляду на їх кількість, повинні фіксуватися, інтерпретуватися, аби потім найбільш вартісний лексичний матеріал міг увійти до культурного континууму українського мовного існування. Тільки в такому разі можна сподіватися, що відбудеться зворотній процес: соціум побачить себе у дзеркалі своєї ж мови і заговорить цією мовою впевненіше, голосніше» [1, с. 17—18].

Литература

- 1. Ставицька Л.** Короткий словник жаргонної лексики української мови / Л. Ставицька. — К. : Критика, 2003. — 336 с.
- 2. Ставицкая Л.** Социокультурные аспекты украинской жаргонологии // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе / Л. Ставицкая. — Луганск : Знание, 2000. — 294 с.
- 3. Гусейнов Г. Ч.** Сколько не таимничай, а будет сказаться / Г. Ч. Гусейнов // Знание — Сила — 1989. — № 1. — С. 73—78.
- 4. Елистратов В.** Жаргон, миф и смех (размышления к проблеме) // Слово в словаре и дискурсе / В. Елистратов. — М. : Элпис, 2006. — 836 с.
- 5. Караулов Ю. Н.** О «Словаре русского арго» В. Елистратова [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов. — Режим доступа к ресурсу : http://www.gramota.ru/mag_rub.html?id=157.

РЕЦЕНЗИИ

Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич. *Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст. Монография. — Волгоград, 2008. — 244 с.*

В монографии рассматривается феномен власти, её природа, проявленная в механизмах власти, в специфике взаимодействия между людьми. Представив во Введении содержательный обзор основных направлений в изучении сущностной природы власти (организация и регулирование общения между людьми, асимметричность отношений, установка на влияние, воздействие, давление и др.), авторы определили своё направление и предмет исследования: власть как лингвосемиотический феномен, проявленный в семантическом и риторическом дискурсивном пространстве. В этом информационно объёмном синтезе можно усмотреть существенную степень новизны в рассмотрении природы власти и квалифицировать исследовательские действия авторов как вклад в стремительно развивающуюся и востребованную обществом область научного знания.

В монографии рассмотрены три типа власти: абсолютная, институциональная и сакральная. Единство алгоритма описания: гуманитарная парадигма исследований каждого типа власти, лингвосемиотика, семантика и риторика — создают цельность предлагаемого учёными знания через адекватную предмету исследования категоризацию.

Маркировка типов власти сквозь призму её методов — убеждение, принуждение, насилие — позволила авторам учесть множество разнообразных фактов и факторов, характеризующих природу власти. *Абсолютная власть* реализует все формы принуждения, отсюда её отличительные признаки: верховенство, легальность, моноцентричность, вездесущность, широчайший спектр средств удержания власти и взаимодействие с объектами власти через приказы, наказание, жёсткая нормированность общественного поведения (с. 11—61). *Институциональная власть*, под которой понимается особый вид взаимодействия представителей социальных институтов власти с членами социума, включает социальный, типологический, информационный компоненты, на основании которых реализуются функции идентификации, ориентации, предписания, адаптации, социализации, интеграции (с. 84—169). *Сакральная власть* как следствие разделения мира на профанный, обычный и священный, эзотерический нацелена на придание человеческим действиям особого смысла, невыразимого по своей природе и приближающегося к человеку через символы, ритуалы, церемонии (с. 170—210).

Гуманитарную парадигму исследований каждого типа власти авторы выстраивают на основании свидетельств представителей разных областей научного знания и разных научных школ, что вполне

соответствует принципу интегративности, реализуемому в человековедении (субъект-субъектные, субъект-объектные отношения). Философия, психология, право в каждый исторический период способствуют наполнению концептосферы властного дискурса, эти же науки дают исследователям возможность понять и описать тонкости реализации властных установок, подключив к гуманитарной парадигме лингвосемиотический, семантический и риторический аспекты. Показательно, что эти аспекты эскизно закладываются в первой композиционной части исследования — описании гуманитарной парадигмы каждого типа власти, подтверждая условность автономизации общегуманитарного, лингвосемиотического, семантического и риторического подходов: один типологически значимый аспект обуславливается суммой других и наоборот.

Лингвосемиотическое проявление власти фиксируется в специфических артефактах, в символах и талисманах власти, продуцирующих интерпретативный дискурс власти. Регалии власти представляют собой стилистически оформленное единство (с. 23). Мы бы добавили: стилистическое единство основывается на идеологическом, которое выражает себя как в инвариантных признаках, проявляющих существо власти как таковой, так и в вариативных, зависящих от времени, социальных приоритетов и даже от личностных черт субъектов власти. Впрочем, это добавление едва ли не излишне, поскольку авторы если не в прямых формулировках, то во множестве комментариев к разным эпизодам, относящимся к разным временам и странам, учитывают и эти факторы. В условиях абсолютной власти (авторы обращаются к англосаксонской истории времени короля Генриха VIII) значимы символы личной власти — предметы, одежда, головные уборы, знаки отличия, украшения, награды, трон, личное оружие, средство передвижения. В рамках ритуалов англосаксонской власти авторы монографии выделяют хроносемиотический (временной), топосемиотический (пространственный), звукосемиотический (хоровое пение, фанфары, звуковые сигналы, сопутствующие основным ритуальным действиям). Лингвистическая составляющая ритуального события делает явную уступку невербальным знакам. В то же время в монографии показана роль тех вербальных знаков, которые маркируют дискурс директивности (ритуальный формат обеспечивается прежде всего директивностью), смиренности, покорности Божьей воле и даже угрозы. Исследователи справедливо подчёркивают, что все ритуальные действия власти имеют презентационный характер, они театрализируются с целью максимального воздействия на социум. Драматургия ритуала включает и утрированно-перформансные коммуникационные роли, некое «отклоняющееся поведение» (с. 36). Презентационную эффективность организовывающихся властью театрализованных представлений в ритуальном пространстве обеспечивает комбинация знаков как семиотического, так и лингвосемиотического характера. К

семиотическим знакам ритуальной природы авторы монографии относят знаки-регулятивы, определяющие конвенциональную успешность ритуальной коммуникации (титулы и формы обращения, количество участников ритуала, предписанную им роль и др.), знаки-процессивы, номинирующие и характеризующие собственно ритуальные действия и знаки-классификаторы, направляющие ритуальную коммуникацию поэтапно. Все знаки пересекаются и взаимодополняют друг друга. Многочисленные классификационные признаки власти, которыми, на наш взгляд, монография явно перенасыщена, авторы иллюстрируют примерами из истории англосаксонского властного дискурса, объективируя тем самым предлагаемую типологию.

Лингвосемиотика институциональности реперезентируется цветообозначениями. Обстоятельно, с привлечением разнообразного фактического материала в монографии описана цветосемиотика институциональности. Информационный потенциал этого знака проявляется в этнокультурном контексте, в системе социальных и политических отношений. В колоремах взаимодействуют информационный и воздействующий факторы. Использование социальных стереотипов и этнопсихологических ассоциаций в институциональном дискурсе показано на многочисленных примерах из истории и современности. В новейшей истории колоремы включаются в знаки агональности, делящие мир на «своих» и «чужих». Пример тому — цветные революции, о колористическом сопровождении которых в монографии говорится обстоятельно с выстраиванием континуального ряда действий и сопровождающих их номинаций. Сегмент монографии, посвящённый цветосемиотике институциональности, на наш взгляд, может быть положен в основу одного из разделов аксиологии — области знания, основывающейся на оценке восприятия сквозь призму антропо- и этноцентричности и описывающей этапы когнитивного освоения явлений объективного мира.

Знаки агональности во властном (прежде всего политическом) дискурсе передаются посредством негативно коннотированной лексики, лексемами конфронтационной семантики, акцентированием конфликтного начала в событии и некоторых др. Дискурс агональности строится на основе бинарного знака-манипулятива «свой — чужой», «друг — враг». Делается значимый для универсализации признаков власти, носители которой всегда внимательны к конкурентной среде, вывод: «Изображение образов злых сил и демонстрация готовности добрых сил их уничтожить — одна из излюбленных тем, постоянно эксплуатируемых драматургией всех веков и театральных направлений» (с. 118). Знаки локализации (топические и хронические) политических событий аналогичны спектаклю на театральной сцене. Авторы выстраивают вполне убедительный и многократно подтверждённый реальными политическими событиями ряд аналогий: политик-актёр следует инструкциям своей пиар-команды (режиссёрам), подчиняется

драматургии «политической пьесы», заучивает подготовленный спичрайтером (драматургом) монолог, действует в пространстве сцены (стадион, Конгресс, телестудия и т. д.), действует по подготовленным мизансценам, при необходимости использует «массовку», обобщённо представленную в виде народа (с. 119—125). Знаки акторов — субъектов институциональной власти также ранжированы по театральной партитуре: исполнители главной роли, театральные амплуа (блюститель порядка, ханжа, святоша) и в современном политическом прайс-листе: хозяйственник, демократ, либерал, диктатор и др. Лингвосемиотические кластеры, формируемые в пространстве институционального дискурса, подпитываются дефинициями, сопровождаются соответствующими дескрипциями — контрастивными, гиперболическими, градационными, которые позиционируют добро и зло по шкале «свой — чужие». Показательны для понимания манипулятивного существа власти знаки единения с аудиторией (лексемы интегративной семантики), знаки её позитивной оценки (комплиментарность для поддержки собственной популярности), знаки апеллятивности как категории импакта (религиозная, патриотическая, националистическая и т. д. апеллятивность, проявляющаяся в обращении к чувствам, способностям и свойствам аудитории). Знаки-релаксаторы выступают в роли политической эвфемизации, направленной на снижение социального напряжения. Все названные позиции и типы авторы монографии подтверждают событийно выразительными примерами.

Анализируя семантику трёх типов власти, исследователи обращают внимание на языковые единицы, номинирующие объекты, инструменты и ресурсы власти, властные действия, состояния и процессы. В пространстве абсолютной власти значимы лексические единицы, номинирующие субъектов и объектов королевской власти, в том числе иерархию персоналий; слова, представляющие инструменты и ресурсы власти — экономические, социальные, политико-силовые и информационные. Подробно останавливаясь на ресурсных номинациях, авторы очерчивают круг языковых единиц, консолидирующих четыре лексико-семантические группы: «Обретение власти», «Проявление власти», «Удержание власти», «Свержение власти». Используется традиционная методика описания: компонентный (семный) анализ лексем, а также их парадигматические и синтагматические отношения. Но делается это не только через толкование лексикографических фиксаций, но и в проекции на властный дискурс, его признаки, систематизированные в предыдущих разделах исследования. Насильственное обретение власти, скрытое обретение, легитимное и нелегитимное и т. д. — все эти действия, состояния и процессы номинируются определёнными словами и отражаются в паремиологическом фонде английского языка — таким образом концепт власти закрепляет себя в языке. В то же время обращается внимание на то, что наличие маркёров власти в слове или во фразеологизме не

является обязательным условием их связи с властным дискурсом. Ценностные характеристики власти располагаются преимущественно в амбивалентных (как позитивных, так и негативных) смыслах. В связи с этим авторы представляют серию логем, определяющих основные направления оценочной конкретизации власти: «Репрессивность власти», «Вседозволенность власти», «Амбивалентность власти», «Легитимность власти», «Мудрость власти». Каждая из логем является проявителем соответствующих дискурсивных тенденций — эта мысль значима для определения перспектив исследования властного дискурса как такового.

Семантика институциональности основывается на пространственных, темпоральных, функциональных, процессуальных, результативных, статусно-ролевых и других признаках. Исследователи показали высокий уровень доказательности в подтверждении тезиса: чем выше социально-аксиологическая значимость институции, тем шире её номинативный потенциал. Разнообразные аспекты институции дифференцированно представлены в языке и активно проявляются на словообразовательном уровне: разветвлённая система словообразовательных моделей и суффиксов манифестирует разнообразные институциональные признаки. Описание особенностей в организации и когнитивном наполнении институциональной концептосферы в английском языке позволило прийти к ряду значимых выводов: наиболее важные явления в социуме получают наибольшее закрепление в языке (в англосаксонской институциональности — институты власти 32,5%, управленческие 16%, институции воспроизводства социума 16%, религиозные институции 9%); презентационность номинирования институциональной реальности обеспечивается детализацией функций и оценок, включением особенностей индивидуального восприятия действительности; освоенные субъектом знаковые комплексы проходят селекцию в ходе коммуникации и используются с целью воздействия; каждая институциональная номинация как особая функциональная единица — презентема содержит в себе сценарные компоненты, способные развить театрализованный дискурс. Акцентируя внимание на признаках институциональности в пространстве англосаксонской культуры, авторы по ходу дела делают ряд замечаний сопоставительного характера, каждое из которых может получить дальнейшее развитие. Вот некоторые обобщения, касающиеся специфики проявления институциональности в русской лингвокультуре: недифференцированное номинирование институциональной реальности, неразличение ряда функций социальных институтов, выражаемое суффиксом *-ство*, функциональная монотонность институционального лингвопространства, отсутствие детализированных описаний в виде презентем как комплексных лингвосемиотических единиц воздействия (с. 153); синкретичность социальных функций представителей разноуровневых социальных институтов, недостаточная развитость функционального аспекта в

институциональных номинациях, нейтрализация гендерного признака (с. 155). Такого рода наблюдения весьма значимы для межкультурной коммуникации, то есть имеют прямой выход в практику речевых действий, когда нужно учитывать тип институциональной ментальности языковой личности — коллективистской (соборной) русской и прагматической (индивидуалистической) англосаксонской.

Семантику сакральной власти авторы рассматривают аспектно — через её проявление в пословицах и поговорках как источнике общественно значимой информации, универсалии человеческого языка и мышления. Исчисляются функции пословиц и поговорок: институциональная, воспитательная, психологическая, когнитивная. Для англоязычного этноса характерны прескрептивные стереотипы поведения, образы-эталоны, которые поддерживаются поведенческими знаками-регулятивами. Базовое содержание англоязычных религиозных паремий сконцентрировано в идее противостояния семи смертным грехам, то есть соблюдения десяти заповедей. Перечисляются паремии, вербализующие означенную идею (с. 202—210). Бытовые паремии выступают как поведенческие стратагемы в ситуациях, представляющих ту или иную угрозу для жизни.

Анализ риторики разных типов власти авторы основывают на аспектах воздействия, выделенных и описанных Аристотелем — пафосе, логосе и этосе, коррелирующих с эмоциональным, рациональным и этическим способами коммуникации. Риторическая коммуникация абсолютной власти проявляется в композиционной структуре публичных выступлений — зачине, главной части, заключении. Каждая часть выполняет определённые функции дискурса: информационную, фатическую, воздействующую и инспириативную (с. 62). В монографии приведены многочисленные примеры тематического дискурсоразвёртывания, характерного для англосаксонской абсолютной власти (выступления Генриха VIII и Елизаветы I). Риторические приёмы разных уровней — фонетического, лексического, синтаксического и лексико-синтаксического организуют эмоциональную форму речетворения и облегчают внедрение информации в сознание подданного. Аллитерация, метафора, метонимия, эпитеты, повторы, противопоставления, многосоюзие и многое другое интенсифицируют вербальный, а вместе с ним и когнитивный уровень властного дискурса, способствуя тем самым совмещению монологической и диалогической речи в условиях так называемого диалогизированного монолога. Такого рода синтез, составивший, по сути, когнитивно-риторическую норму и современной публичной (и публицистической) речи авторы иллюстрируют примерами публичных выступлений англосаксонских монархов.

Риторика институциональной власти также основывается на универсальных принципах и правилах построения публичной речи. И здесь важен факт обращения оратора к эмоциональной сфере аудитории

с целью побудить её принять точку зрения говорящего. Коммуникативное поведение институционала соответствует его коммуникативной роли в социальной интеракции. Акцентирование фатической, воздействующей или информационной функции зависит от статусно-ролевой позиции говорящих в определённой социальной сфере. В этом разделе авторы монографии на материале речей институционалов, действующих в пространстве англосаксонского дискурса, описывают метакоммуникационные маркёры аргументации (пропозиционные, инициальные, процессуальные, референциальные, комплементарные, финальные) — такого рода типология значима как для теории, так и для практики аргументации. Анализируются, как и в предыдущем разделе, стилистические приёмы лексико-синтаксического уровня, выделяется ряд топосов публичных речей институционалов (следование духу и букве закона, согласованность решений, профессиональный опыт и др.). Специфически в этом типе дискурса проявляет себя фатическая функция — она детерминирована режиссурой и театрализацией общения с аудиторией и основывается на языковых приёмах и средствах, передающих семантику переживания, сочувствия, интеграции в одних случаях и семантику дистанцирования на основании интеллектуальных, территориально-статусных и некоторых других признаков.

Риторика сакральной власти рассматривается в монографии как совокупность речевых актов, ритуальных действий, текстов, используемых в религиозной коммуникации. Называется ряд функций сакральной риторики: апеллятивная (обращение к Богу), ритуальная (вербальные и невербальные действия, направленные на укрепление веры в Бога), прохибитивная (функция запрета), протективная функция (элиминация эзотерического страха через раскаяние). Авторы уделили внимание притче, проповеди, магическим текстам и в целом базовым концептам, вовлечённым в сакральную риторику (концептосферы добра и зла).

Подводя итог рецензии, исчислим те признаки предпринятого авторами монографии исследования, которые мы оцениваем исключительно положительно, а также выскажем свои пожелания и некоторые замечания, которые по определению имеют субъективный характер и не подрывают отношение к работе, основанной на целостной концепции в описании и оценке природы власти.

Власть представляет собой специфический вид социального взаимодействия. Отсюда значимость акцента на коммуникативном факторе властных действий. Власть моделирует и регулирует взаимодействие своих институтов и персон с народом, стремясь подчинить его своей воле. При этом она учитывает биологическую и социальную природу человека, формирует готовность к подчинению, изыскивает формы принуждения, изобретает методы воздействия. Такого рода действия власти имеют вневременный характер, и едва ли не любой тезис монографии может найти подтверждение в новейшей истории

любого государства. Представлена объёмная коммуникативная среда как подвижная дискурсивная сфера, в которой происходят разнообразные действия и события. Разработана оригинальная системоконцентрирующая модель описания сущности власти, проявленной в алгоритме триады: лингвосемиотической, семантической, риторической. Каждый из аспектов «прорастает» в экстралингвистическое пространство и одновременно выводится из него. Такого рода совместность обуславливает порождение текстов, проявляющих сущность власти и манифестирующих её действующих лиц. Представленная в многочисленных классификационных типах система доказательств, безусловно, углубляет представление о сущности власти. Любая власть являет собой стилистически оформленное единство, проявленное в наборе презентационных эффектов, в синтезе семиотических и лингвосемиотических признаков. В этой связи любопытна включённая в монографию афористика, имеющая универсальный характер: Где нет объекта, там нет власти (с. 12); Одно дело стяжать власть, другое — ею распоряжаться (с. 49) и мн. др.

Замечания касаются 1) непрописанности такого важного понятия коммуникационного плана, как обратная связь; 2) нескольких досадных пропусков в библиографическом списке, связанных с его несогласованностью с отсылками в тексте (с. 36 — Володина 2001, с. 68 — Бережная 1988, с. 93 — Чудинов 2000 и нек. др.); 3) небольших погрешностей в оформлении списка литературы.

Л. Н. Синельникова

ХРОНИКА

**IX Международная научная конференция
«ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ МИРА
В ГУМАНИТАРНЫХ ДИСКУРСАХ XXI ВЕКА»
(Луганск, 22. 04 — 23. 04. 2010)**

На базе Луганского национального университета имени Тараса Шевченко кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий проведена IX Международная конференция «ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ МИРА В ГУМАНИТАРНЫХ ДИСКУРСАХ XXI ВЕКА» (22—23 апреля 2010 г.). Количество участников — 47 человек. Количество зарубежных участников — 15.

Учебные заведения, принявшие участие в IX Международной конференции:

Зарубежные учебные заведения:

1. Силезский университет, Институт восточнославянской филологии (Польша);
2. Белгородский государственный университет (г. Белгород, Россия);
3. Белгородская сельскохозяйственная академия (г. Белгород, Россия);
4. Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева (г. Тобольск, Россия);
5. ГОУ ВПО АГМА Росздрава (г. Астрахань, Россия);
6. Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (г. Красноярск, Россия);
7. Орловский государственный институт искусств и культуры (г. Орел, Россия);
8. Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар, Россия);
9. ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург, Россия);
10. Ивановский государственный химико-технологический университет (г. Иваново, Россия).

Украинские учебные заведения:

1. Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (г. Луганск);
2. Львовский национальный университет имени Ивана Франко (г. Львов);
3. Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара (г. Днепропетровск);
4. Киевский национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова (г. Киев);

5. Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды (г. Харьков);
6. Национальная юридическая академия им. Ярослава Мудрого (г. Харьков);
7. Кременчугский государственный университет им. М. Остроградского (г. Кременчуг);
8. Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (г. Киев);
9. Днепродзержинский государственный технический университет;
10. Университет экономики и права «КРОК» (г. Киев);
11. Днепропетровский национальный университет (г. Днепропетровск);
12. Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого (г. Черкассы);
13. Запорожский национальный университет (г. Запорожье);
14. Горловский государственный педагогический институт иностранных языков (г. Горловка);
15. Днепропетровский университет экономики и права (г. Днепропетровск);
16. Технологический институт Южного федерального университета (г. Таганрог);
17. Львовский государственный университет внутренних дел (г. Львов);
18. Херсонский государственный университет (г. Херсон);
19. Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт» (г. Харьков).

В рамках пленарного заседания прошла презентация кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (роликовый показ).

Пленарное заседание проводилось как Интернет-конференция в режиме *on-line*, что позволило принять непосредственное участие в дискуссии к. филол. н., заведующему кафедрой иностранных языков Орловского государственного института искусств и культуры Пастухову А. Г. (Россия), а также к. филол. н., проректору Горловского государственного педагогического института иностранных языков Теркулову В. И. (Украина). Интернет-трансляция обеспечила возможность всем желающим приобщиться к тому кругу научно-исследовательских проблем, который был очерчен участниками конференции.

Работало 4 секции. Были рассмотрены проблемы институциональных дискурсов; коммуникативных стратегий и тактик; концептов как ментальных проявителей состояния общественного сознания; лингвокультурной среды как фактора формирования общественного сознания.

В завершение конференции профессор Л. Н. Синельникова провела мастер-класс «Дискурсология как междисциплинарная область научного знания: аспекты и инструментарий исследования» для молодых ученых-филологов, который оказался интересен не только молодому поколению, но и доцентам и профессорам, а также вызвал множество положительных отзывов.

Издан сборник статей общим объёмом 21,75 условных печатных листа.

Определена проблематика X (юбилейного) Международного семинара «Научное пространство дискурсологии: ретроспективно-перспективное измерение», проведение которого планируется в мае 2011 года.

Э. В. Минаева

**Областная научно-практическая конференция
«ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: КОММУНИКАТИВНЫЕ
СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ» (Луганск, 30.03. 2010)**

Кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко считает работу с учителями-русистами Луганской области приоритетной. Преподаватели кафедры стремятся преодолеть разрыв между высшей школой и общеобразовательной. Наука не имеет права отрываться от жизни и развиваться в элитарной самоизоляции. Существует множество потенциальных возможностей применения научных знаний о языке на уроках русского языка в средней школе с целью формирования сильных языковых личностей как педагогов, так и учащихся.

Профессор В. Ю. Троицкий, размышляя о непростой судьбе современного юношества, на сайте «Всероссийское родительское собрание» приводит отрывок из черновых набросков А. Вампилова: «...В будущем человек будет представлять из себя сытое, самодовольное животное, безобразного головастика, со сказочным удобством устроившегося на земле и размышляющего лишь о том, как бы устроиться ещё удобнее. Время Пушкиных и Бетховенов будет рассматриваться как детство человечества. Головастик скажет: «Как ребячливы люди: занимались какой-то поэзией, как это... Музыкой. Что это такое? И зачем она им понадобилась?». Все дальнейшее размышление В. Ю. Троицкого пронизано одной мыслью: «На пути народа к одичанию стоят три мощные бастиона: язык, вера и культура» (http://www.oodvrs.ru/article/index.php?id_page=29&id_article=338).

Язык не мыслим вне культуры и общества, культура живет и развивается в «языковой оболочке». Школа же является той средой, в которой формируется языковая культура нового поколения.

М. Хайдеггер определяет язык как «дом бытия» и утверждает, что «в жилище языка обитает человек». И во многом от учителей-словесников зависит, кем станет ученик — *человеком* или *головастиком-потребителем*, и будет ли он жить в «доме» языка или в *жалкой лачуге*.

Взаимосвязь вуза и школы, науки и практики позволяет решить многие проблемы в обучении, воспитании, формировании личности ученика. С этой целью кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий совместно с Луганским областным институтом последипломного педагогического образования ежегодно проводит областные научно-практические конференции для руководителей городских и районных методических объединений учителей русского языка. 30 марта 2010 г. состоялась очередная конференция «Педагогический процесс: коммуникативные стратегии и тактики», которая прошла в Луганской областной научной универсальной библиотеке имени М. Горького.

В рамках конференции были прочитаны следующие доклады:

1. Системность в организации научно-исследовательской работы учеников как условие ее успешности.

Л. Н. Синельникова,
*профессор, заведующая кафедрой
русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко,
доктор филологических наук.*

2. Концепция изучения слов, ограниченных в употреблении, и жаргонных слов в новых учебниках по русскому языку для общеобразовательных школ.

И. А. Соболева,
*доцент кафедры
русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко,
кандидат филологических наук.*

3. Коммуникативный успех как категория педагогического дискурса.

Г. П. Джинджолия,
*доцент кафедры
русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко,
кандидат филологических наук.*

4. Тестовый формат учебного процесса: преимущества и недостатки.

В. А. Розсоха,
доцент кафедры

*русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко,
кандидат филологических наук.*

5. Речевые тактики и их использование в педагогическом процессе.

Э. В. Минаева,
*ассистент кафедры
русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко,
кандидат филологических наук.*

6. Лингвистический анализ современного художественного текста на уроке.

Т. А. Пономарева,
*ассистент кафедры
русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко,
кандидат филологических наук.*

7. Повышение уровня коммуникативной компетентности учеников на уроках и внеклассных мероприятиях по русскому языку и литературе.

В. И. Ковалёв,
*ассистент кафедры
русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко,
кандидат педагогических наук.*

8. Роль «обратной связи» в организации учебного процесса.

И. С. Масленников,
*аспирант кафедры
русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко.*

Проблематика конференции и ее практическая направленность вызвала живой отклик у слушателей — учителей-русистов; дискуссионные темы (например, такие как вовлечение учеников в системную научную деятельность, цели и способы изучения жаргонизмов и т. д.) были обсуждены педагогами с проекцией на собственный опыт работы в средней школе.

По окончании конференции учителя оставили отзывы о ней.

Дунаева Ольга Александровна, руководитель методического объединения учителей русского языка и литературы г. Лисичанска:

На конференції були затронуті проблеми, волнуючі кожного шкільного і вузовського педагога.

Професор Л. Н. Синельникова говорила з учителями Луганської області о системності в роботі з одареними дітьми, о необхідності формування мотивації научної діяльності учасників, о різноманітності форм і методів научної роботи в школі. Було відмічено, що сьогодні наукове творчество підвищує конкурентоспроможність майбутніх випускників, і цей факт необхідно доводити до сведения учнів. Лара Николаевна підкреслила, що сучасність вимагає від нас міцної зв'язі вищої школи з загальноосвітньою, преемственности в їхній роботі. Учителі-росіяни погодилися з Л. Н. Синельниковою в тому, що одареним дітям необхідна всебічна підтримка. Обнадіжує особиста зацікавленість вченого такого рангу. Не викликає ніякого сумніву необхідність участі школярів в різних дослідницьких проєктах. Радують, що представники науки ініціюють і готові підтримати всілякі починання в цій області.

Хочеться подякувати всіх доповідачів за цікаві і змістовні виступи. Конференція проходила в дружественній обстановці. Доброжелательний настрій і прагнення до об'єднання зусиль сприяли продуктивній роботі учасників конференції. Обмін думками завжди корисний, а особливо необхідно росіянам в їхньому справі збереження російської культури і її цінностей в нашій області.

Гусельникова Ольга Леонидовна, учитель російської мови і літератури КУЛСШ № 13 г. Луганська:

Професор, доктор філологічних наук Л. Н. Синельникова, відкриваючи конференцію, сказала про те, що першою умовою отримання Нобелівської премії є наявність хорошого вчителя. Щоб організувати науково-дослідницьку роботу, необхідно розвивати пізнавальний інтерес як з боку вчителя, так і з боку учня. Ці тези є надзвичайно актуальними для сучасної школи.

И. А. Соболева, доцент кафедри російської мовознавства і комунікативних технологій ЛНУ імені Тараса Шевченка, проаналізувавши один з сучасних підручників по російській мові, запропонувала можливі методику викладання жаргонної лексики в середній школі.

Про підвищення комунікативної культури учасників, перевагах і недоліках комп'ютерного тестування на шкільних уроках розповіли доценти кафедри російської мовознавства і комунікативних технологій ЛНУ імені Тараса Шевченка Г. П. Джинджолия і В. А. Розсоха.

Интересные и содержательные сообщения, посвященные коммуникативной, лингвистической, поликультурной компетенции учащихся подготовили кандидаты филологических наук Э. В. Минаева, Т. А. Пономарёва, кандидат педагогических наук В. И. Ковалёв, аспирант И. С. Масленников.

Практический характер конференции направлен на оказание поддержки учителям-русистам в формировании интереса учащихся к филологии, в воспитании любви к русскому языку.

Лоповок Вера Львовна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин и методики их преподавания Луганского областного института последипломного педагогического образования:

На протяжении долгого времени кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко плодотворно сотрудничает с Луганским областным институтом последипломного педагогического образования: это и работа на курсах повышения квалификации учителей (проведение лекционных, семинарских и практических занятий, участие в разработке учебно-тематических планов КПК учителей русского языка и литературы, тематики творческих проектов, выпускных работ и рефератов), и организация II и III этапов Всеукраинских олимпиад школьников по русскому языку и литературе (составление заданий, проверка работ в составе жюри, подготовка членов команд международных олимпиад) и др.

Особо эффективной представляется такая форма совместной деятельности кафедры и ЛОИППО, как областные научно-практические конференции и семинары.

На серьезном научном уровне рассматриваются острые, актуальные вопросы изучения русского языка в школе. В последние годы кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий совместно с ЛОИППО был проведен ряд конференций для учителей области: «Риторика в жизни общества и человека: проблемы преподавания в образовательных учреждениях», «Язык и культура (проблемы языковых реалий региона)», «Коммуникативный фактор в обучении русскому языку», «Текст: теория и практика анализа», «Культура педагогического общения», «Гендерное измерение в учебно-воспитательном процессе», «Формирование языковой личности как образовательная, воспитательная и гуманитарная задачи», «Риторизация учебного процесса в вузе и школе», «Компьютерные технологии в преподавании русского языка», «Лингвистическая наука — учителю-словеснику» и др.

Отметим высоко оцененное методистами Украины выступление профессора Л. Н. Синельниковой «Основы коммуникативной презентации личности» на Всеукраинском научно-методическом семинаре «Образовательные инновационные технологии

и современные методики обучения русскому языку и литературе», проходившем в апреле 2008 г. на базе ЛОИППО.

Актуальность проблематики и высокий профессиональный уровень докладов ученых определяет повышенный интерес школьных педагогов к совместным конференциям, желание лучших учителей-словесников быть активными участниками семинаров и конференций. Преподаватели, аспиранты кафедры вводят учителей в мир современной лингвистики, новейших научных идей. При этом акцентируются аспекты, принципиально важные для обучения школьников, а также для работы учителя над повышением собственного профессионального и общекультурного уровней. Словесники получают возможность ознакомиться с новинками специальной литературы, результатами исследований профессоров и доцентов кафедры. Интересной, полезной считаем и практическую часть конференций, проходящую в виду круглых столов, творческих лабораторий, тренингов и т. п. Особо хочется отметить презентации электронных мультимедийных пособий, программ (авторы: проф. Л. Н. Синельникова, доц. В. А. Розсоха, доц. Г. П. Джинджолия, доц. И. А. Соболева) по проблемам культуры речи, риторики, орфографии и др.

В марте 2010 г. в «Русском центре» (Луганская областная научная универсальная библиотека имени Горького) состоялась областная научно-практическая конференция «Педагогический процесс: коммуникативные стратегии и тактики». Ярким и чрезвычайно глубоким был доклад проф. Л. Н. Синельниковой «Системность в организации научно-исследовательской работы учеников как условие ее успешности», где по-новому, оригинально прозвучали идеи компетенциального подхода к формированию языковой личности школьника, системности как важнейшего условия научно-исследовательской деятельности учащихся, прежде всего на уроках русского языка. Интерес вызвали и выступления кандидатов филологических наук И. А. Соболевой, Э. В. Минаевой и Т. А. Пономаревой, кандидата педагогических наук В. И. Ковалева и др., которые представили полезные для учителей материалы – как бы взгляд со стороны: оценка учеными тех или иных педагогических реалий в практике обучения русскому языку.

Не удивительно, что участники конференции активно, заинтересованно восприняли работу кафедры. Многочисленные позитивные отклики, вопросы слушателей свидетельствуют о важности описанной работы. Учителя благодарны вузовским преподавателям за подготовку и проведение подобных мероприятий, за внимание и уважение к их труду. Такие встречи с учеными вдохновляют учителей-словесников на творческую, самоотверженную работу.

В феврале 2011 г. кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко планирует проведение очередной конференции для учителей Луганской области, на которой будут рассмотрены новейшие образовательные технологии и возможности эффективного взаимодействия академической науки и школьной практики.

Э. В. Минаева

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Бахмач Віктор Іванович — кандидат філологічних наук, доцент кафедри всесвітньої літератури Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: авторська пісня як різновид художнього усного слова, література «срібного віку».

Грищенко Олена Володимирівна — аспірантка кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: лінгвокультурологія, теорія та практика перекладу.

Джинджолія Гігла Паршаванович — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: мовні зміни, пов'язані зі змінами картини світу; мова і культура; прагмастилістика; сучасний публіцистичний дискурс.

Данькевич Юлія Володимирівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри української і світової культури та літератур Київського міжнародного університету.

Коло наукових інтересів: сучасний український роман.

Ковальов Валерій Іванович — кандидат педагогічних наук, асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: методика викладання російської мови в сучасних умовах.

Кошман Ірина Миколаївна — кандидат філологічних наук, доцент; докторант кафедри російської мови інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка;

Коло наукових інтересів: функціональна граматики, когнітивна лінгвістика, міжкультурна комунікація.

Курило Людмила Миколаївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри української літератури Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова.

Коло наукових інтересів: сучасний український роман.

Мінаєва Елла Вікторівна — кандидат філологічних наук, асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: концептологія, гендерологія.

Молодиченко Ганна Володимирівна — асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: соціолінгвістика, мова ЗМІ.

Пономарьова Тетяна Олександрівна — кандидат філологічних наук, асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: лінгвопоетика, когнітивна лінгвістика,

Розсоха Валентина Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: лінгвістична поетика, лінгвокультурологія, комп'ютерна лінгводидактика.

Розсоха Андрій Володимирович — аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: текстологія, іронічний дискурс, міжкультурна комунікація.

Синельникова Лара Миколаївна — доктор філологічних наук, професор, завідувача кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: проблеми лінгвістичної поетики, соціолінгвістики, лінгвокультурології, дискурсології, паблік рілейшнз.

Соболєва Ірина Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства і комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: соціолінгвістика, риторика, мова ЗМІ.

Сунь Чжунся — аспірантка кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: лінгвокультурологія, концептологія.

Хабарова Ірина Валеріївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри всесвітньої літератури Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: сучасна російська драматургія.

Чжоу Хунвей — аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Коло наукових інтересів: лінгвокультурологія, концептологія.

Наукове видання

ВІСНИК

Луганського національного університету
імені Тараса Шевченка
(філологічні науки)

Частина II

Відповідальний за випуск:

Розсоха В. О.

Коректори:

Мінаєва Е. В., Пономарьова Т. О.

Здано до склад. 29.09.2010 р. Підп. до друку 29.10.2010 р.
Формат 60x84 1/8. Папір офсет. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 18,60. Наклад 200 прим. Зам. № 155.

Видавець і виготовлювач

Видавництво Державного закладу

„Луганський національний університет імені Тараса Шевченка”

вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.

e-mail: alma-mater@list.ru

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3459 від 09.04.2009 р.